

Озмитель Е. Е., Власова И. В.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

4 класс

*Учебник для школ
с русским языком обучения*

*Утверждено Министерством образования
и науки Кыргызской Республики*

Бишкек 2015

УДК 373.167.1

ББК 83.я721

О–47

Озмитель Е. Е., Власова И. В.

О–47

Книга для чтения. Учебник для 4 кл. начальной школы. – Б.: Билим-компьютер, 2015. – 208 с., илл.

ISBN–978–9967–31–419–1

Условные знаки:

– вопросы

– задания

– задания повышенной сложности

– тесты с ответами

О 4306020400 – 15

УДК 373.167.1
ББК 83 я721

ISBN–978–9967–31–419–1

© Озмитель Е, Власова И., 2015

© «Билим-компьютер», 2015

© Министерство образования и науки КР, 2015

СКАЗАНИЯ О МАНАСЕ¹

1. Детские годы Манаса

*Если видел детей Манас,
Собирал их вокруг себя...
Коль встречался Манасу ходжа²,
Неприменно пугал он ходжу.
Коль давали Манасу кумыс,
Всю сабу выпивал он глотком.*

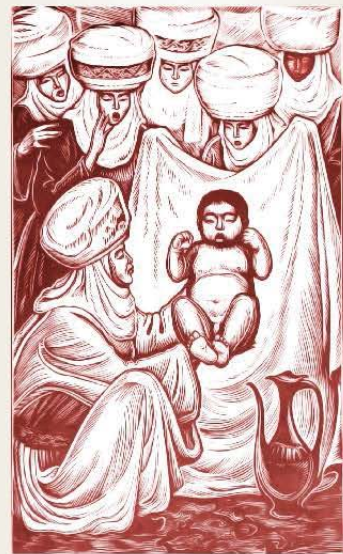
В семь-восемь лет был Манас непоседлив и буен и делал только то, что ему вздумается. Если кто рассердит его, он вступал с ним тотчас же в драку, будь то ровня ему – мальчик, или мощный батыр. Никому не давал он спуска. И какое бы желание ему не приходило в голову – он исполнял его.

Избалован ласками был Манас, и ничего не могли с ним поделаться ни мать, ни отец. Небужданным и буйным рос сын у Джакыпа. Мысли о нём отгоняли сон от глаз его родителей. Горевали Чийырды и Джакып, что сын их вырастает таким непутёвым. И решили они наконец:

– Избалованным растёт Манас. Испортили мы его. Пусть он испробует холод, пусть испытает голод. Нужно отдать его в подпаски³. Пусть почувствует и оценит то, что имел.

Так они порешили и скоро так и сделали. Джакып отвёл Манаса к пастуху Ошпуру, что жил на расстоянии целого дня пути от аила Джакыпа, и сказал ему:

– Будет Манас пасти твоих овец. Если станет в чём перечить тебе, бей его, не жалея.

¹ Сокращенный пересказ начальных эпизодов кыргызского эпоса «Манас».

² Ходжа – странник.

³ Подлások – помощник пастуха.

А Манасу Джакып не сказал, что Ошпур – пастух. Он уверил его, что Ошпур – бай и живёт здесь при стадах по своей прихоти.

И случилось то, чего никто не ожидал: стал Манас терпеливо пасти ягнят; ухаживал за слабыми, приглядывал за сильными. А была этому важная причина: глубоко обижали Манаса сетования¹ его родителей. И хотелось ему показать им, что вовсе он не бездельник, что и он способен на что-то. Он мечтал получить в награду за усердную службу откормленного барана и угостить им своих родителей.

В эту осень Манасу минуло девять лет.

Но недолго Манас был послушным Ошпуру. Появилось у него много друзей-пастухат. Начал он для них закалывать ягнят и вызвал этим гнев Ошпура. Но это не остановило Манаса, и он продолжал резать овец. А вскоре и совсем стал буйным, как прежде, начал избивать своих сверстников-пастухат и делать всё, что ему вздумается.

Видя буйный нрав Манаса, Ошпур рассудил про себя: «Если не оставит Манас своих проделок, то я совсем лишусь скота».

И отправился пастух наутро к Джакыпу:

– Забери ты, Джакып, своего Манаса обратно. Разорит он меня дотла, и грех за мою гибель падёт на твою голову...

После этого Джакып и Манас, сев на коней, отправились домой. И увидели они по дороге, что девять калмыков напали на конский табун Джакыпа, разбили голову табунщику Ыйману и угнали его коней. Когда Манас и Джакып приблизились, то калмыки окружили их и хотели схватить. Тогда Манас, вооружившись укурюком², одним ударом уложил предводителя калмыков, а восемь остальных стащил с коней и сбросил на землю. Калмыки бежали, пришпорив коней, а Манас собрался за ними в погоню.

Сильно испугался этого Джакып и стал вразумлять сына.

– Дитя моё, Манас! Зачем ты обидел калмыка, зачем ты притронулся к логову спящей змеи? Вспомни, на чьей земле, в каком краю мы живём! Четыре сына Ногоя, предка кыргызов, рассеяны по разным странам света и не могут соединить свои бесприютные головы. Давно, во времена Ногоя, мы были господами над калмыками. Но после смерти Ногоя китайский

¹ Сетования – жалобы.

² Укурюк – палка, которой погоняют скот.

властитель Эсенкан, собрав пятьдесят тысяч войск, двинулся против нас. Он победил кыргызов, рассеял потомство Ногоя по всему свету. Китайские воеводы сказали: «Опасно, если четыре сына Ногоя соединят свои головы в одном месте». И, решив так, изгнали они четырёх братьев в четыре разные стороны. Так меня отправили на далёкий Алтай. Вот в эту-то тяжёлую годину мы прибыли на чужую землю, и нам нельзя возбуждать против себя гнев калмыков и китайцев, – так, причитая, пытался Джакып усмирить ярый гнев Манаса.

Но Манас не мог жить спокойно. Он собрал всех своих сверстников из окрестных аилов, и они стали с тех пор его верной дружиной – его сорок чоро¹. Вместе с ними совершил он против калмыков набег.

После этого сказал Манас:

– Пришло время, когда кобылицы жеребятся. Поеду-ка я взгляну на них. – И, решив так, сел на коня Айбанбоза и направился к табунам.

Там собрал он всех пастухат и, зарезав кобылицу, затеял игру в тогуз коргоол. Разделившись на две партии, они стали играть в ордо, есть, пить и веселиться.

А в Бейджине², меж тем, китайский властитель Эсенкан говорил своим приближённым:

– Что это за мальчишка Манас появился? Не станет ли он для нас опасным? Снаряжу-ка я караван будто для торговли, pošлю-ка я ловких людей разузнать об этом Манасе.

Игра тогуз коргоол

¹ Чорó – джигит, воин.

² Бейджин – столица Китая Пекин.

Решив так, снарядил он караван из сорока пяти верблюдов, гружёных шелками различных сортов. Долго шёл караван и прибыл, наконец, на берег реки Азамиль в ту долину, где Манас веселился, забавляясь играми. И вот во время игры вышел Манас на середину круга и стал вышибать чукэ¹ из-за черты. От удара его так сильно отскочил томпой, что переломил ногу одному из верблюдов приближающегося каравана.

– Как ты смел перебить ногу верблюду, разве не видишь, что мы посланцы великого Эсенкана? – с такими словами бросились к Манасу караванщики и хотели его связать. Но Манас схватил их главаря, предводителя каравана, а затем перебил и остальных. Достались Манасу сорок пять верблюдов, гружённых золотом, серебром и изумрудами. Разделил это богатство Манас между всеми в краю своём, не забыв никого.

Было Манасу тогда четырнадцать лет.

Однажды он вместе со своими сверстниками тешился пирами и охотой в местности Уч-Арал. Посылали джигиты на зверя собак, спускали ловчих птиц и вдруг увидели на дороге несколько человек: одни сидели верхом на стройных аргамаках, других несли на себе кривоногие мулы.

Остановились эти люди у реки и совершили омовение рук и ног. Затем стали все рядом, повернулись лицом на запад и вознесли молитвы.

Очень удивился Манас:

– Что это за люди такие? Для чего повернулись они лицом на запад? Почему они шепчут что-то, припадая к земле, и снова встают?

Изумлённый, он подошел ближе, чтобы расспросить приехавших. Старшим из них был Ай-Коджо. Узнал он Манаса и сказал ему:

– Мы идём из страны арабов, из города под названием Мекка. Мне уже исполнилось пятьсот пятьдесят лет. И всё это время я скитался, чтобы встретить тебя и вручить тебе залог пророка Мухаммеда: ты должен перейти в веру ислама.

Рассказал он Манасу многое из наставлений пророка и его сподвижников. Раскрылись тогда глаза Манаса, и увидел он ад и страшные муки грешников. Перед рассветом Ай-Коджо набросил на лицо Манаса чудодейственное покрывало, и после этого Манас в течение семи дней созерцал² райские просторы. Ай-Коджо брызнул водой в лицо Манаса, снял покрывало и сделал Манаса мусульманином. Он вручил ему ружьё Аккельте и меч Ачалбарс, который одним взмахом тысячу врагов сражал насмерть. Потом Ай-Коджо удалился.

¹ Чукэ, томпой – названия альчииков, костей для игры в ордо.

² Созерцать – видеть внутренним взором.

Между тем Манас ехал обратно с охоты. В пути он встретил страшное чудовище. От одного его крика замертво упали семьсот четырнадцать горных баранов. Манас выстрелил в него из Аккельте. Чудовище взлетело высоко в небо и с ужасным криком упало на землю. Тогда Манас бросился к нему и разрубил его на две части мечом Ачалбарс.

По пути встретились Манасу одиннадцать посланцев китайского хана. Узнав его, они последовали за ним в его аил. Там они увидели Джакыпа и стали кричать на него:

– Ты, оказывается, отец Манаса! Мы тебя свяжем сейчас вместе с твоим сыном. – И четверо из них уже подскочили к Джакыпу.

Рассвирипел Манас, видя это, кинулся к китайцам и одним ударом отбросил всех четырёх в разные стороны. Потом связал остальных.

– Если вы действительно посланы из Китая, то отправляйтесь назад и доложите своему повелителю обо всем, что видели. Пусть он отомстит мне за вас, – заявил Манас и так отпустил их.

- ?** 1. Вспомни, что ты знаешь о Манасе. Какие сказания о нём ты читал в третьем классе. Как ты думаешь, можно ли считать сказания о Манасе устным народным творчеством? Объясни свой ответ.
2. Найди и перечитай те места, в которых говорится о характере Манаса. Ответь коротко, какой был характер у маленького Манаса?
- *** 3. Почему маленький Манас вёл себя не так, как все? Выбери один ответ или предложи свой. Объясни свой выбор:
- а) Манас и не старался быть послушным.
 - б) Манас не любил спокойную жизнь, всё время искал приключений.

- в) Манас не любил пастушеский труд, он хотел быть воином и господином.
г) У Манаса было очень много силы, он не знал, куда её девать.

2. Провозглашение Манаса ханом

*Словно из сплава
Золота и серебра он создан.
Словно из подпорки неба и земли
Он воплощён.
Словно из солнца и луны
Он сотворён.*

Когда настала осень, аил Джакыпа расположился недалеко от русла реки Айдынкель. Вокруг аила Джакыпа, пользуясь его пастбищами, раскинулось много других аилов. На склонах гор мычали коровы, на просторах пастбищ ревели верблюды, в ущельях паслись несчётные табуны коней, ближе к аилу кишели многочисленные отары овец. Скота было так много, что среди множества его можно было заблудиться. По утрам и вечерам джигиты упражнялись в стрельбе, спускали борзых¹ и пускали ловчих птиц.

В это время Манасу исполнилось пятнадцать лет.

Однажды из всех окрестных аилов собрались юноши и задумали ехать в степь, чтобы устроить там игры, поохотиться с собаками и ловчими птицами. Взяли они котлы, сели на коней и отправились в далёкий путь. Самому старшему из них было двадцать пять, а младшему – пятнадцать лет. Всех собралось восемьдесят человек.

И сказали старшие из этих юношей:

– Кто заколет своего коня и накормит восемьдесят человек, того мы сделаем ханом.

Они уговаривали друг друга отдать своих коней, но никто не соглашался, все говорили:

– Мы уже давно наметили Манаса. Быть ханом более всего подходит ему.

После того, как были опрошены все более взрослые, очередь дошла до самого младшего – Манаса.

Прежде, чем ему успели задать вопрос, Манас сказал:

– Заколите Аккулу!

¹ Борзая – охотничья собака.

Однако Аккула оказался слишком тощим, поэтому вмешался Чегебай, один из товарищей Манаса.

– Сивая трёхлетка, которую я оседлал, принадлежит Манасу, – сказал Чегебай, – заколите её.

И Манас заколол трёхлетку, разделив мясо между всеми. Тогда джигиты подняли Манаса на белом войлоке и провозгласили его ханом.

И сказал Манас:

– Довольно теперь играть. Пересечём гору, что чуть виднеется отсюда, дойдём до Маральего Брода на Уркун-Дарье и будем сторожить путь. Если встретим волков или разбойников, вышедших на добычу, то накажем их.

Они прибыли к Маральему Броду, пустили лошадей пастись, расстелили на траве свои подстилки и от нечего делать начали стрелять оленей и косуль.

Пока они так проводили время, на той стороне реки показался караван из сорока пяти гружёных верблюдов. Это был великан Нукердоо и семьсот воинов, посланных Эсенканом на розыски пропавшего каравана. Нукердоо отрядил сто человек, чтобы они схватили Манаса, но тринадцать из них утонули в реке, а всех остальных Манас перебил. На другой день Нукердоо сам переправился через реку со всем своим войском и встретился с джигитами Манаса. Завязалась битва.

Сперва начались поединки наиболее сильных батыров. В первых двух поединках погибло двое с китайской стороны. В третью очередь произошёл поединок китайского балбана¹ Болджонге с Кёкчё, сыном казахского батыра Ай-даркана. Китайский балбан, не допуская противника до рукопашной, нацелился в него из ружья. Увидев это, Манас первым выстрелил в китайца.

Страшно взбесился Нукердоо, весь гнев его ударил ему в голову, одним наскоком подлетел он к батыру Кёкчё, стащил его с коня и хотел ударить о камень, но не успел, так как сам пал от руки Манаса. После этого Манас уничтожил всё остальное войско Нукердоо. С богатой добычей, живыми и невредимыми, восемьдесят джигитов вернулись домой.

Когда они прибыли в аил Джакыпа, в честь такой победы выбрал Джакып из косяка² жеребца и девять кобылиц, зарезал их и совершил большое

¹Балбан – здесь: большой, сильный человек.

²Косяк – табун.

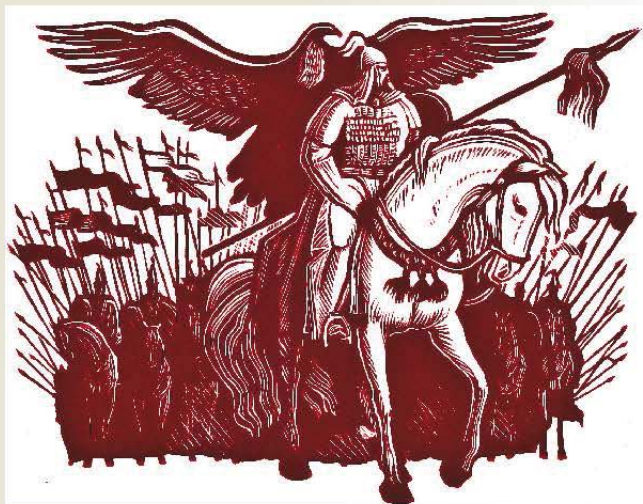
жертвоприношение. Много почётных гостей собрал на это сборище Джакып и держал к ним такую речь:

– За последнее время мы доставили много хлопот и неприятностей кытайцам и калмыкам. Они очень древнего рода, эти народы, их корень не высчитаешь, не дойдёшь до их начала. Если мы будем продолжать жить так, как всё это время, то в один прекрасный день они пойдут на нас войной, разобьют нас, мужчин сделают рабами, а женщин – вдовами. Если пересчитать в нашем джамагате¹ всех кыргызов, казахов, калмыков, монголов, найманов, нойгутов и прочих, то наберётся воинов до девяносто шести тысяч. Надо выбрать хана из тех мужей, кто в мирное время охраняют границы родной земли, а во время войны встают перед лицом врага. Надо выбрать хана из тех, кто в грозные дни бедствий, крови, грабежей и истребления народа вынимают из ножен меч и как ураган, с громким воинственным кличем несутся вперёд на вражью рать.

– Разве не правду говорит бай Джакып? – сказал тогда весь сход. И все согласились: быть по его слову. Долго перебирали имена удалых батыров. Иные аксакалы предлагали избрать Джакыпа. Пока они раздумывали, встал некий удалой молодой джигит и молвил так:

– Почтенные аксакалы! Были мы на охоте и подняли на войлок своим ханом славного Манаса. Разве он плохим ханом будет? Подумайте, аксакалы!

– Разве не правду говорит удалец джигит? – сказали аксакалы и порешили выбрать ханом Манаса.

Иллюстрации Т. Герцена

¹Джамагат – племенной союз.

Тогда на белом, как лебедь, войлоке подняли ханом Манаса и вручили ему в руки поводья в знак власти. Сильно изменился Джакып с тех пор, как сына его подняли ханом. Забыл о прежней своей скупости, заколол девяносто кобылиц и на десять длинных дней устроил он пир.

Клятва верности Манасу

Ты, святая густая трава,
Нашим свидетелем будь!
Ты, беспредельная синева,
Нашим свидетелем будь!
Ты, вода животворных рек,
Нашим свидетелем будь!
Зверь и птица, и человек,
Нашим свидетелем будь!
Клятву Манасу даёт боец:
«Нашей силы, наших сердец
Ты, Манас, владетелем будь!

- 1. Найди то место в первой части сказаний о Манасе, где рассказывается об истории кыргызов до появления на свет Манаса. Где жили тогда кыргызские племена? В каких условиях?
2. Вспомни родственников Манаса и составь его родовое древо.
3. Найди в эпизоде «Провозглашение Манаса ханом» те места, где описывается, как в старину выбирали хана.
4. Зачем кыргызским племенам нужен был хан?
5. Как Манас заботился о своём народе? Почему именно Манаса выбрали ханом?
6. Нарисуй иллюстрацию к любому отрывку сказаний.
- * 7. Напиши свой рассказ о Манасе по плану:
- а) Что означает имя «Манас»?
 - б) Какие поступки совершал Манас в раннем детстве?
 - в) Как Манас хотел показать родителям, что он их любит?
 - г) Кто были друзья Манаса, в какие игры они играли?
 - д) С кем сражался Манас? Опиши один случай.
 - е) Как Манас получил священные дары: веру, ружьё и меч?
 - ж) Как Манас стал ханом?
 - з) Какие события говорят о том, что Манас с детства был необыкновенным человеком? Для чего он был рождён на свет?

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

(Русская былина¹)

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный² добрый молодец.
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно³,
А й черным-черно, как чёрна ворона.
Так пехотою⁴ никто тут не прохаживает,
На добром коне никто тут не проезживает,
Птица чёрный ворон не пролётывает,
Серый зверь да не прорыскивает.

А подъехал как ко силушке великой,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конём топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговские
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводу⁵.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
– Ай же мужички да вы черниговские!
Я не йду к вам во Чернигов воеводу.
Укажите мне дорожку прямоезжую⁶,
Прямоезжую да в стольный Киев-град⁷.

Говорили мужички ему черниговские:
– Ты, удаленький дородный⁸ добрый молодец,
Ай ты, славный богатырь да святорусский!

¹ В сокращении.

² Дорóдный – крупный, полный.

³ На́гнано-то силушки черным-черно – стоит огромное войско.

⁴ Пехóтою – здесь: пешком.

⁵ Воевóда – военачальник.

⁶ Прямоéзжая – прямая.

⁷ Стóльный град – столица.

⁸ Дорóдный – полный, крупный человек.

Прямоезжая дорожка заколодела¹,
Заколодела дорожка, замуравела².
Ай по той ли по дорожке прямоезжею
Да и пехотою³ никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли то у Грязи-то у Чёрной,
Да у той ли у березы у покляпой⁴,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей Разбойник на сыром дубу,
Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын.

А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному,
И от его ли-то от посвиста соловьего,
И от его ли-то от покрика звериного
Те все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы⁵ цветочки осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей – то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой – пятьсот есть вёрст,
Ай окольной дорожкой⁶ – цела тысяча.

Он спустил добра коня да богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холмы стал перемахивать,
Мелки реченьки, озера промеж ног пускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородине,
Да ко той он ко Грязи он ко Чёрной,
Его добрый конь да богатырский
А он на корни да спотыкается –
Ай как старый казак да Илья Муромец

¹ Дорога заколодела – дорога завалена сухими деревьями, колодами.

² Замуравела – заросла травой.

³ Пехотою – здесь: пешком.

⁴ Покляпая – наклоненная, понурая.

⁵ Лазоревый – голубой.

⁶ Окольная дорожка – в объезд.

Берёт плёточку шелковую в белу руку,
А он бил коня да по крутым ребрам,
Говорил-то он, Илья, таковы слова:
– Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хочешь, али нести не можешь?
Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
Не видал ли ты ударов богатырских?

Ай тут старый казак да Илья Муромец
Да берёт-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берёт во белы он во рученьки.
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку калёную накладывал,
Он стрелял в того-то Соловья Разбойника,
Ему выбил право око со косицею,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повёз его по славному по чисту полю,
Мимо гнёздышка повёз да соловьиного

...

Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор...
Ай тут старый казак да Илья Муромец
Становил коня да посереде двора,
Сам идёт он во палаты белокаменные¹.
Проходил он во столовую во горенку,
На пяту он дверь-то поразмахивал².
Крест-то клал³ он как по писаному,
Вёл поклоны по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину⁴,

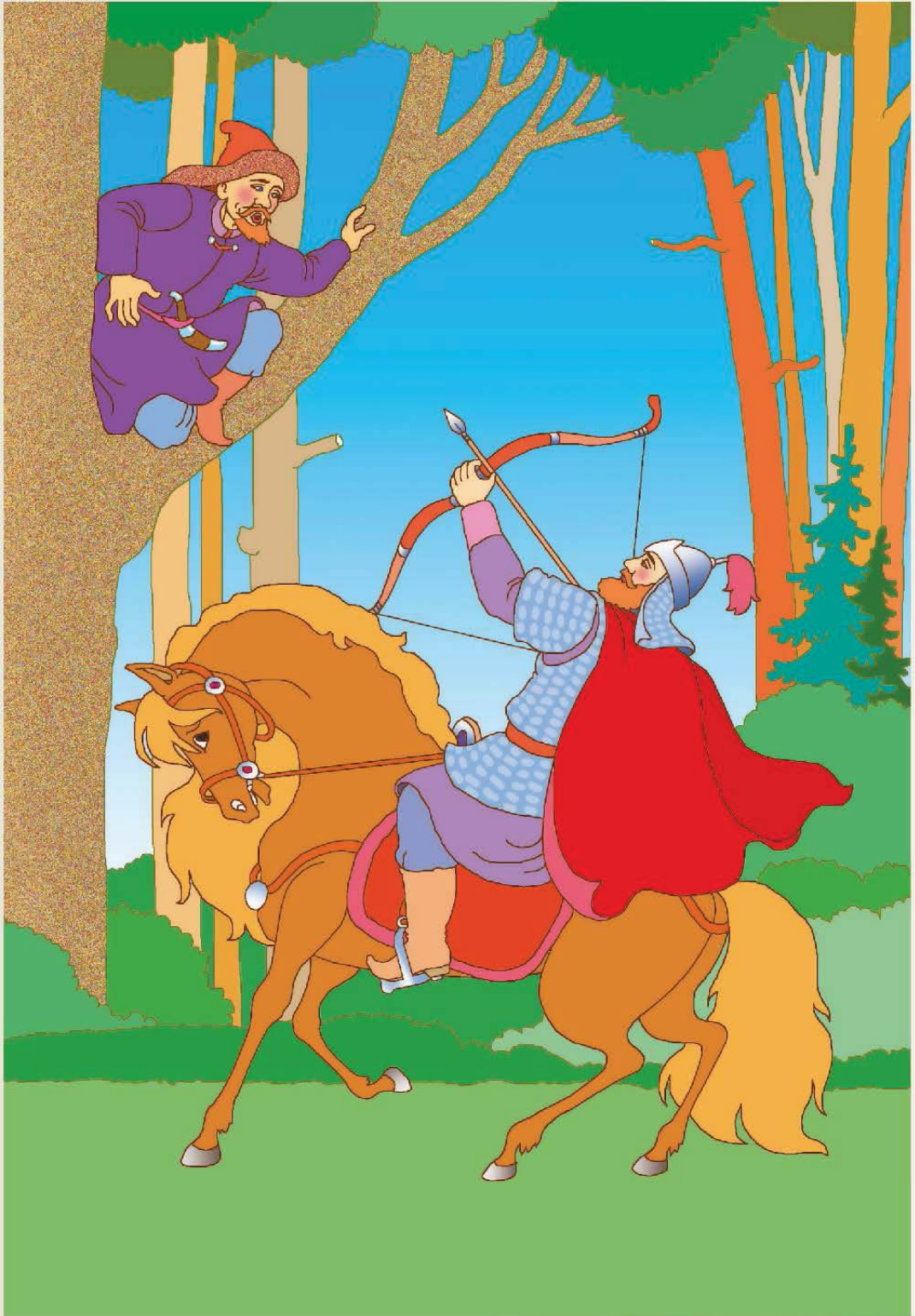
Тут Владимир-князь стал молодца выпрашивать:
– Ты скажи-ка, ты откуда, дородный добрый молодец,
Тебя как-то, молодца, да каким именем зовут,

¹ Палаты белокаменные – богатый дом, дворец.

² На пяту он дверь-то поразмахивал – распахивал настежь дверь.

³ Класть крест – креститься.

⁴ В особину – особо, отдельно.

Величают, удалого, по отечеству?
Говорил-то старый казак да Илья Муромец:
– Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да Карачарова,
Есть я старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.
Говорит ему Владимир таковы слова:
– Ай же старый казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты выехал из Мурома
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?

Говорил Илья он таковы слова:
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигова,
Ехал мимо этой Грязи да мимо Чёрной,
Мимо славной реченьки Смородины,
Мимо славной берёзы той покляпой,
Мимо славного ехал Леванидова креста.
Говорил ему Владимир таковы слова:
– Ай же мужичища-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься¹,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Ай у той ли то у Грязи-то у Чёрной,
Да у славной у речки у Смородины,
Да у той ли у берёзы у покляпяя,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит Разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному –
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветочки прочь осыпаются,
Тёмны лесушки к земле всё приклоняются,
А что есть людей – то все мертвы лежат.

Говорил ему Илья да таковы слова:
– Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей Разбойник на твоём дворе.

¹ Подлыгаться – лгать, врать.

Ему выбито ведь правое око со косицею,
И он ко стремяни булатному прикованный.
То Владимир-князь-то стольно-киевский
Он скорёшенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечико,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья Разбойника.

Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
– Засвищи-ко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-ко ты, собака, по-звериному.
Говорил-то Соловей ему Разбойник Одихмантьев сын:
– Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушать.
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушать.
Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский.
– Ай же старый казак ты Илья Муромец!
Прикажи-ка засвистать ты Соловья да й по-соловьему,
Прикажи-ка закричать да по-звериному.

Говорил Илья да таковы слова:
– Ай же Соловей Разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты в полсвиста соловьего,
Закричи-тко ты в полкрика звериного.
Говорил-то ему Соловей Разбойник Одихмантьев сын:
– Ай же старый казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавые запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные,
Не могу я засвистать да й по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
А й вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару¹ мне да зелена вина.
Я повыпью-то как чару зелена вина
– Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да й уста мои сахарны порасходятся,

¹ Чара – большая чашка.

Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному.

Говорил Илья тут князю он Владимиру:
– Ты, Владимир-князь да стольно-киевский,
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-то чару зелена вина.
Ты не малую стопу – да полтора ведра,
Подноси-ка к Соловью к Разбойнику.
– То Владимир-князь да стольно-киевский,
Он скоренько шёл в столовую свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу – да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми¹,
Приносил-то он ко Соловью Разбойнику.

Соловей Разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одним духом.
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал Разбойник по-звериному
– Маковки на теремах покривились,
А окошки в теремах рассыпались.
От него, от посвиста соловьего,
А что есть-то людей – так все мертвы лежат,
А Владимир-князь-то стольно-киевский
Куньей шубонькой он укрывается.

А й тут старый-то казак да Илья Муромец,
Он скорёшенько садился на добра коня,
Ай он вёз-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
– Тебе полно-то свистать да по-соловьему,
Тебе полно-то кричать да по-звериному,
Тебе полно-то слезить² да отцов-матерей,

¹ Меды стоялые – хмельной медовый напиток.

² Слезить – заставлять плакать.

Тебе полно-то вдовить¹ да жён молодых,
Тебе полно-то сиротить² да малых детушек!

В. Васнецов. Три богатыря

- ?** 1. Как описывается в былине Илья-Муромец? Что общего у Манаса и Ильи Муромца?
2. Какой корень в слове «былина»? О чём это говорит? Ученые считают, что многие события, которые описаны в былинах, происходили на самом деле. Образ былинного князя Владимира имеет своего прототипа³ – реального киевского князя Владимира Святославича, правившего в Киеве в период расцвета Древней Руси. Как ты думаешь, кто может скрываться за образом Соловья-Разбойника?
3. Как относится к Илье князь Владимир? Из каких слов это видно?
4. А как народ относится к Илье, какие стороны его характера подчёркивает?
5. Вспомните, что говорит Илья, когда убивает разбойника. О чём это свидетельствует?
6. Сделай «Богатырский словарик»: выпиши из эпических сказаний слова, описывающие богатырское снаряжение, объясни значение этих слов.
7. Рассмотрите картину В. Васнецова «Три богатыря». Опиши богатырей, используя строчки из былины.

¹ Вдóвить – делать вдовами.

² Сирóтить – делать сиротами.

³ Прототип – реальная личность, послужившая автору первообразом при создании художественного образа.

БАБАШ-АТА

(Кыргызская легенда)

В одном аиле жил очень благородный человек. Он был справедливым, честным, добрым. К тому же он отличался смелостью и силой. Рядом с этим аилом была гора Бабаш-Ата, которую никто не мог покорить.

И вот решил этот человек взойти на гору Бабаш-Ата. Идёт, и вдруг на пути к её вершине, где никто ещё не бывал, встретился ему аксакал. Таинственный старик дал ему семена. Не стал жадничать этот человек, не оставил их для себя. Поднявшись на вершину горы, он рассыпал их: налево – в Арсланбоб, и направо – семена орехов в Кызыл-Ункур. И сейчас эти места славятся орехами и фруктами.

Того, кто первым покорил эту гору и посеял на склонах фруктовые и ореховые деревья, народ назвал в её честь – Бабаш-Ата.

ДЖАЛАЛ-АБАД

(Кыргызская легенда)

Это было давно, когда кыргызский народ начал переселяться с Енисея к подножию Тянь-Шаньских гор. Баи и манапы захватили все богатые травой пастбища, плодородные земли. Беднякам досталась пустыня с редким саксаулом и шипящими змеями. Что же оставалось беднякам, как не идти в наём к баям за какие-то гроши.

Очень горевал бедняк Джалал. Ему было унижительно, такому здоровому и сильному, с двумя сыновьями-джигитами идти работать на глупого бая. Ночами не спал он, всё думая, как избежать неволи. И вот пришла ему светлая мысль: уйти с другими бедняками в пустыню, подальше от богатеев и там своими силами обрабатывать собственную землю. Об этом Джалал сказал аксакалам. Они и слушать не захотели и сказали ему на прощанье: пустыня и смерть – одно и то же.

Джалалу обидно было, и решил он идти без них. Поселился он с сыновьями в пустынном месте и трудился не покладая рук. Много они претерпели смертельных мук, но дело продолжали упорно.

Прошло немало времени, и вырастили они сад. Постепенно начали съезжаться к ним бедняки. Джалал всячески помогал обиженным и обездоленным. И через некоторое время упорным трудом был построен город, который называли Джалал-Абад – город Джалала.

Вопросы и задания к разделу «Сказания и легенды»

1. Сколько раз Манаса провозглашали ханом?
- 2. В каком городе жил былинный князь Владимир?
 - а) В Чернигове.
 - б) В Киеве.
 - в) В Муроме.
- 3. Что объясняется в легендах, которые ты прочитал в этом разделе?
 - а) Почему вода в Ысык-Куле солёная.
 - б) Происхождение названия города Джалал-Абада.
 - в) Происхождение названия города Ош.
4. Перечерти таблицу в тетрадь и заполни её. Материал для выполнения задания: былина, бытовая сказка, эпос, волшебная сказка, героическое сказание, колыбельная, трудовая песня, закличка, сказка о животных.

Эпические сказания	Песни	Сказки

- * 5. Что общего у былин, легенд и эпических сказаний?
 - а) В основе их – исторические события.
 - б) Они составлены из стихотворных строчек.
 - в) Они рассказывают о героических событиях.

СЕРДЕЧНЫЙ ОГОНЬ

(Кыргызская народная сказка)

Было это в далёкие времена, такие далёкие, когда Ысык-Куля ещё и в помине не было.

Пришёл в аил старый-престарый человек и сказал:

– Хочу поселиться у вас – примите или прогоните?

Гостя на почётное место усадили, угощение собрали, а старик сидит, молчит, не ест и не пьёт. Забеспокоились хозяева:

– Или угощение не по вкусу, или прием не по нраву? – спрашивают его.

– Я волшебник. Зовут меня Сыйкырчы¹. Я не ем людскую пищу.

– Чем же угощать вас, аксакал?

– Смехом.

– Смехом? Как это смехом?

– Вы засмеётесь, я сытым стану.

Как быть? То ли за шутку принять, то ли всерьёз. А старик достал серебряную чашку, поставил перед собой и сидит, ждёт, когда его смехом угощать будут. Люди переглянулись. Вот так гость! Никогда такого не видели. Кому-то из молодых это забавным показалось, он и засмеялся. Волшебная чаша мигом наполнилась сверкающим напитком. Старик пригладил борodu, выпил и вроде повеселел.

– Спасибо, дорогой хозяин! Хорошо угостил. Когда я был молод, то знал много разных разностей, да всё позабыл. Теперь умею только смех в пищу превращать да из облаков жилища строить.

Посовещались аильчане и ответили:

– Если ваше волшебство столь безобидно, мы согласны, живите у нас.

Поселился старик-волшебник в далёких горах. Из белоснежных облаков построил себе прекрасный ледяной дворец, чтобы солнце не искрилось на изящных гранях и не трогало причудливых узоров, он завесил небо тучами. Горы вокруг и все подходы ко дворцу завесил снегом, который не таял даже в самое жаркое лето. Люди прозвали его Муз Сыйкырчы, что значит Ледяной Волшебник. Сыйкырчы не появлялся среди людей и не любил, если какой-нибудь любопытный джигит у его дворца появился. Как он гостя принимал – никто не знал, потому что ни один смельчак обратно не вернулся.

¹ Сыйкырчы – волшебник.

Потом стало происходить странное. Засмеётся кто или запоёт весёлую песню – вмиг обернётся белым облаком. Поднимется облако над горами – и удаляется в сторону ледяного дворца.

Помрачнели кыргызы. Радость запретом стала. И как без радости жить, без песни, без смеха?

Жили в ту пору два друга-охотника: Батырбек и Чыныбек. У Чыныбека была маленькая сестрёнка Айгуль. Юноши очень любили девочку и боялись: не дай Аллах, засмеётся. Вот и наговаривали ей всяких страхов, пугали злым волшебником. Но страхи не мешали девочке расти и хорошеть.

Однажды возвращался Батырбек с охоты и увидел Айгуль на склоне горы, неподалеку от юрты. Она спускалась с горы с большой вязанкой курая. Батырбек крикнул:

– Отпусти вязанку! Я поймаю!

Айгуль отпустила. Вязанка быстро покатила вниз. Айгуль лёгкой козочкой запрыгала следом, подхватывая клочья травы, выпавшие из вязанки. Подбежала к Батырбеку. Щёки разругались, глаза сияют, косы ниже колен.

– Покажи добычу.

– Не было удачи, всего два кеклика¹. А ты чудо как хороша.

Айгуль весело рассмеялась.

– Не надо! Не смейся!

– Хочу, хочу смеяться! Кругом так красиво! Небо синее-синее. Эй, горы! Слушайте песню! – И она запела.

Чаныбек выскочил из юрты.

– Айгуль! Сестрёнка!

Но было поздно. Айгуль словно растаяла, заструилась лёгким паром. И вот облачко уплывает, уплывает...

Помертвели от горя Чаныбек и Батырбек. Словно окаменели сердца у них. Здесь же, над вязанкой курая, джигиты поклялись отомстить волшебнику.

Заплакали сородичи:

– Не ходите! Айгуль не вернёте и сами погибнете.

– Всё равно пойдём!

Придумали они хитрость. Батырбек сшил широченный чапан², пару чокоев³ великаньего размера и огромную шапку. А Чаныбек наполнил курджуны⁴ съестными припасами.

¹Кеклик – каменная куропатка.

²Чапан – верхняя одежда.

³Чокое – войлочные сапоги.

⁴Курджун – переметная сума.

Весь аил вышел проводить джигитов и пожелать им удачи.

Нелёгким был путь к волшебнику по глубоким ущельям и горным хребтам.

На подходе ко дворцу джигиты встали плотно друг за другом: впереди Чыныбек, позади Батырбек. Обули чокои – по две ноги в каждый. Надели один чапан на двоих, запахнулись, подпоясались одним поясом и нахлобучили шапку – одну на две головы. Было два джигита – стал один могучий батыр. Шагает вперевалку батыр, снег подминает.

У ледяного дворца заступил дорогу сухонький старикашка:

– Зачем пожаловал, гость незванный?

– За сестрой пришёл. Хозяин дома?

– Я хозяин. О сестре забудь.

– Вы хозяин великолепного дворца? Старый, совсем старый человек...

Сколько жить-то вам осталось... Добром прошу: верните Айгуль.

У старикашки затряслась бородёнка:

– Тебя переживу, дерзкий ишак!

Гневом сверкнули глаза Чыныбека:

– Добром не отдашь, так я силой возьму! На бой вызываю тебя, проклятый Сыйкырчы!

– На бой, так на бой. Осилишь меня – будет по-твоему, не осилишь – моя воля.

– Согласен!

– Мои условия: бороться на льду без передышки. Боевые рукавицы я меняю на восходе и заходе солнца.

Джигит принял условия волшебника и добавил:

– Пока ты рукавицы менять будешь, я в своем чапане полежу.

Снял Чыныбек чокои, чапан, шапку. Сложил вещи в кучу и пошёл на волшебника. Батырбек в чапане затаился.

Сыйкырчы только с виду казался хилым: от щелка рассыплется, а на деле – молодому джигиту ни в силе, ни в ловкости не уступал. Целый день боролись, не одолел Чыныбек старика.

С заходом солнца волшебник оттолкнул от себя Чыныбека и поковылял менять рукавицы. Чыныбек под чапан залез. Вместо него отдохнувший Батырбек вышел и схватился с волшебником. Но как ни старался, тоже победить не смог.

Так трое суток боролись: днем Чыныбек, ночью Батырбек. Лёд в белую пыль истолкли. Притомились джигиты, а старику – хоть бы что.

– Откуда в нём сила непомерная? – думал Батырбек.

Вдруг будто что-то стукнуло по чапану. Приподнял край – птичка замёрзшая. Незаметно подобрал её, отогрел. Птичка ожила, защебетала: «Чивик-чвик! Рукавицы... Чивик-чвик! Рукавицы..!» Слушает Батырбек и не поймет: то ли чудится ему, то ли вправду птичка о рукавицах сказала. «Чивик-чвик! Рукавицы... Чивик-чвик! Рукавицы...» – повторила она и вылетела.

Ночью Батырбек изловчился ухватить волшебника за рукавицу и разорвать её. И чудо! Сыйкырчы ослабел и еле-еле дотянул до первого луча солнца. Будь у джигита силы, как в первый день борьбы, несдобровать бы старику.

– Рукавицу сорви, – шепнул Батырбек, влезая под чапан.

Чыныбек последовал его совету: сдёрнул рукавицу. Волшебник сразу отступил, зашатался.

– Стой! Рукавицу надену, – попросил он.

– Не было уговора. До вечера далеко.

– Рука мёрзнет.

– А мне-то что! Покажешь Айгуль – тогда соглашусь.

– Кинь рукавицу в окошко – увидишь.

Кинул Чыныбек сорванную рукавицу в окно. Стена во дворце прозрачной стала. Он увидел Айгуль.

– Сестрёнка!

Заплакала Айгуль и печально склонила голову. Топнул волшебник – стена потемнела и стала как гранит. Ударил Чыныбек стену, пнул её, да что толку. Захихикал старик и схватил рукавицу. Надел на руку, к борьбе приготовился. Теперь он был настороже. Но перед заходом солнца Чыныбек ухитрился оторвать небольшой кусок рукавицы и зажать его в кулаке. Когда Сыйкырчы за новыми пошёл, джигит к своему чапану побежал.

– Батырбек, бери кусок рукавицы и ступай к людям.
– Я останусь бороться. Если б знать раньше...
– Бороться буду я! И отвлеку его. Люди разгадают тайну волшебника и помогут нам. Спеш!

Принёс Батырбек людям обрывок рукавицы Сыйкырчы.

Однако самые мудрые аксакалы пожимали плечами, глядя на этот клочок. Никто не мог разгадать тайны. Отступились мудрецы. Но не отступился Батырбек, не поверил, что людям не по силам загадка волшебника. Стал он обходить всех подряд.

В поисках зашёл в юрту к слепой старушке. Поздоровался.

– Кто ты, гость дорогой? Что привело тебя к несчастной, потерявшей единственного сына? Пропел весёлую песню мой мальчик и улетел светлым облаком. Я глаза выплакала...

– Меня привело к вам то же горе. Ищу человека, который скажет, из чего соткана эта ткань.

Батырбек положил клочок рукавицы на ладонь старушки. Слепая замерла, прижала лоскут к лицу и заголосила:

– Ой! Мальчик мой! Слышу... Голосок твой слышу... Стон твоего сердца слышу...

– О Аллах! Не помутился ли у неё разум?

Батырбек выбежал на улицу. К юрте семенил сгорбленный аксакал, заложив палку поперёк спины.

– Новое горе или старое? – спросил он джигита.

– Старое, – ответил Батырбек и обо всем рассказал.

Выслушал аксакал, подивился и в юрту вошёл.

Долго ждал Батырбек. Наконец аксакал вынес обрывок рукавицы.

– Разгадал я загадку Сыйкырчы. Из человеческих сердец делает он свои рукавицы. В этом его непомерная сила. Ты победишь волшебника только в таких же.

– Но где мне их взять?

– Их может дать только народ. Слушай! Среди синих скал, в расщелине есть ледяная глыба. Спусти эту глыбу вниз. И пусть каждый приложит руки к льдине. Тепло рук растопит лед, и на его месте останутся волшебные нити из пламени сердец.

Потянулись люди к Батырбеку. Спустили ледяную глыбищу со скалы. Каждый старался дольше подержать руки на льдине, больше тепла отдать громадине, чтобы таяла поскорее. Но если в груди человека билось недоброе, холодное сердце, льдина не таяла под его руками. Она была непростая: её мог растопить лишь огонь доброго сердца. Много в народе нашлось горячих и верных сердец, и глыба расплавилась на глазах.

Смотрит Батырбек – никаких нитей. Как же так? Позвал аксакала.

– Где же нити? – спрашивает.

Аксакал подвёл слепую старушку. Старушка пошарила руками по земле, посветлела лицом и начала что-то подгрести и складывать.

– Бабушка, что вы собираете? – обратился к ней Батырбек.

– Тёплую пряжу.

– Но я не вижу никакой пряжи!

– Тёплоту сердца чувствует только сердце. Потрогай!

Коснулся Батырбек того, что собрала слепая старушка, и будто его сердце для людей распахнулось. С глаз пелена спала: чужое горе, как своё, видеть стал. И почувствовал джигит в себе необычайную силу – быть в ответе за людскую боль и людскую радость. Теперь он не просто сам за себя, но и за других ответчик.

Связала старушка пару невидимок-рукавиц. Надел их Батырбек и отправился к Сыйкырчы. А тот уже победу над Чыныбеком отпраздновал.

Недолго боролся Батырбек с Сыйкырчы. Бросил он волшебника об землю с такой силой, что дрогнули горы и лавины снега сползли в ущелья. Взмолился волшебник:

– Пощади!

– Нет тебе пощады!

Сдернул джигит с его лап рукавицы. Пришёл конец чародею. Превратился он в ветер и улетел.

Распахнул Батырбек дворцовые двери – хоть бы одна живая душа вышла навстречу! Стоят оледеневшие фигуры юношей и девушек. Обошёл дворец и нашёл золотой сундук с боевыми рукавицами. Бережно положил в сундук ту пару рукавиц, что снял с волшебника, и тот клочок рукавицы, который помог раскрыть тайну. Как вдруг разлетелись все рукавицы в разные стороны. Стукнет горячая рукавица оледеневшую фигуру, ледяная корка трещинами пойдёт, осыплется, и человек оживает. Вот Чыныбек. Вот Айгуль. Друзья обнялись. Айгуль и плачет, и смеётся от радости. Какой поднялся шум!

От шумной радости разбежались тучи. Под лучами солнца ледяной дворец начал быстро таять и оседать. Юноши и девушки вышли на волю. Дворец рухнул и превратился в большое озеро с чуть солёной водой. Солёной от пролитых слёз. Кыргызы называли его Ысык-Кулем, то есть тёплым озером. Тёплым потому, что солнце не даёт ему замёрзнуть в самые лютые морозы.

Говорят, что Сыйкырчы временами проносится над Ысык-Кулем страшным, холодным ветром, поднимает высокие волны, пытается заморозить озеро и превратить его в ледяной дворец. Но где ему спорить с солнцем!

1. Перечисли героев сказки «Сердечный огонь». Кто из них – главные герои? Кто их противник?
2. Вспомни характерные черты волшебной сказки: похищение, волшебные помощники, испытания для героя, троекратные повторы событий, чудесные превращения, далёкие путешествия, награда герою. Какие признаки волшебной сказки есть в сказке «Сердечный огонь»? А что напоминает легенду?
3. Какая пословица подходит к этой сказке:
- а) Терпенье и труд всё перетрут.
 - б) Сила – в единстве.
 - в) Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним.
- Приготовься подробно объяснить свой ответ.

АХ И ОХ!

(Узбекская народная сказка)

Однажды шёл Ходжа Насреддин по базару и встретил своего земляка. Тот чуть не плакал.

Насреддин подошёл к нему с вопросом, отчего он так печален. И тогда бедняга рассказал Ходже, что нанялся работать к богатому купцу. Трудился у него честно и усердно, а когда пришла пора расплачиваться за работу, хозяин велел ему поймать и наказать ветер, который сбил с его любимого дерева все персики. «Когда выполнишь эту задачу, – сказал он, тогда и заплачу тебе». Не смог слуга поймать легкий ветерок... Так и ушёл без денег.

– Эх, – сказал Насреддин, – да это же известный в городе скряга! Всех своих работников он держит до тех пор, пока те не начинают требовать заработанные деньги. Тогда он даёт слуге поручение, которое невозможно выполнить, а потом выгоняет беднягу в три шеи¹.

Посочувствовал Насреддин своему земляку и решил отомстить богатому скряге, проучить его.

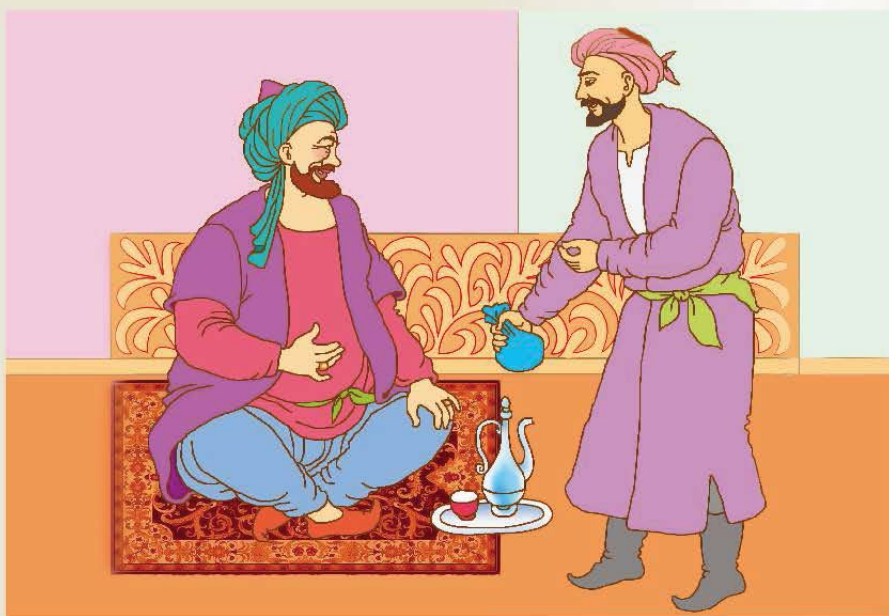
Пришёл к нему.

– Хочу, – говорит, – господин, к тебе на работу наняться.

Сговорились на три месяца. Работал Насреддин эти три месяца не за страх, а за совесть, а когда срок к концу стал подходить, явился к хозяину за заработанным.

– Я расплачусь с тобой сегодня же, но при условии, что ты выполнишь моё последнее поручение, – сказал хозяин. – Выполнишь – деньги твои, не выполнишь – пеняй на себя.

¹ Выгнать в три шеи – выгнать грубо.

– А что мне надо сделать? – осведомился Насреддин, давно уже ждавший этого приказания.

– Пойди-ка на базар и принеси мне Ах и Ох, – ухмыльнулся богач, очень довольный своей выдумкой, в полной уверенности, что даже Насреддину не под силу такая задачка.

– Хорошо, господин, – ответил наш хитрец, но пошёл вовсе не на базар, а в рощу за городом. Поймал там скорпиона и фалангу, посадил их в кошелёк и довольный вернулся домой к хозяину.

Потирая руки и хихикая, скряга спросил Насреддина:

– Ну, ты купил то, что я просил?

– А как же, господин, – ответил тот почтительно.

– Так где же это?

– Здесь, – сказал Насреддин и подал хозяину кошелёк.

Скряга засунул руку в кошелёк, и скорпион тут же ужалил его.

– О-о-ох! – во весь голос завопил скряга.

– А ещё поглубже в кошельке и Ах найдётся, – усмехнулся Насреддин.

Так и пришлось богачу своими распухшими от укусов пальцами отсчитывать Насреддину его жалованье.

- ?
1. Как ты понимаешь выражение «работать не за страх, а за совесть»?
 2. В дополнительной литературе найди сведения о скорпионе и фаланге. Чем опасен их укус?
 3. Что ты можешь сказать о Ходже Насреддине, какой он?

АЛДАР КУСА И КУПЕЦ

(Узбекская народная сказка)

Ехал один купец с караваном и хвастался своим спутникам:

– Конечно, Алдар Куса может всех обмануть, но только не меня. Алдар Куса умеет обманывать только глупцов.

Вдруг смотрит, а навстречу идёт по дороге Алдар Куса.

– Здравствуйте, – говорит Алдар Куса, – доброго пути вам желаю. А купец ещё больше расхвастался:

– Эй, Алдар Куса! – кричит. – Если ты обманщик, обмани меня.

Попробуй. Только ничего у тебя не выйдет. Не на таковского напал!

Поклонился вежливо купцу Алдар Куса. – Ах, жаль, уважаемый купец. Мой мешок-обманщик остался дома. Дайте, пожалуйста, мне вашу лошадку, я быстро обернусь и привезу мешок. И тогда вы убедитесь, обману я вас или нет?

– Хорошо, привези! – согласился купец и дал Алдар Куса лошадь. Алдар Куса уехал.

Больше его купец и не видел.

1. Какое название тебе кажется самым лучшим:

а) Хвастовство до добра не доведёт.

б) Сам напросился!

в) Мешок-обманщик.

Объясни свой выбор.

2. Сравни две сказки: «Ах и Ох» и «Алдар Куса и купец». Что в них общего? Что в них есть смешного? Чем похожи Ходжа Насреддин и Алдар Куса?

КОШЕЛЁЧЕК

(Украинская народная сказка)

Жили себе муж и жена, и была у них пара волов, а у соседей повозка. Вот как подойдёт, бывало, воскресенье или праздник какой, то и берёт себе кто-нибудь из них волов и повозку и едет в церковь или в гости, а на следующее воскресенье – другой, так между собой и делились.

Вот раз баба и говорит старику, чьи волы были:

– Отведи волов на базар и продай, а мы себе купим лошадей и повозку, будем сами по воскресеньям в церковь и к родичам ездить. Да и то сказать – ведь сосед свою повозку не кормит, а нам приходится кормить.

Накинул старик верёвку волам на рога и повёл. Ведёт по дороге, догоняет его человек на коне.

- Здорово!
- Здорово!
- А куда ты волов ведёшь?
- Продавать.
- Променяй мне волов на коня.
- Давай!

Променял он волов на коня, едет на коне. А тут навстречу ему ведёт человек на ярмарку корову.

- Здорово!
- Здорово!
- А куда это ты едешь?
- Вёл я на ярмарку волов продавать, да на коня променял.
- Променяй мне коня на корову.
- Давай!

Поменялись. Ведёт он корову, а тут человек свинью гонит.

- Здорово!
- Здорово!
- А куда это ты корову ведёшь?
- Да вёл я на ярмарку волов, да на коня променял, а коня – на корову.
- Променяй мне корову на свинью.
- Давай!

Гонит он свинью, а тут человек ведёт овцу.

Расспросили друг друга.

- Променяй свинью на овцу.
- Давай!

Гонит уже дед овцу, а тут человек несёт продавать гуся. Расспросили друг друга.

- Променяй овцу на гусыню.
- Давай!

Прошёл дед немного с гусыней, несёт человек петуха. Разговорились.

- Променяй гусыню на петуха.
- Давай!

Несёт дед петуха, а тут нашёл человек на дороге пустой кошелёчек. Разговорились.

- Вот нашёл я кошелёк, променяй петуха на кошелёчек!
- Давай!

Спрятал дед кошелёк, идёт себе на ярмарку. Подходит к городу – надо переезжать реку на пароме, а ему за перевоз заплатить нечем. Перевозчики ему говорят:

- Дашь хоть этот кошелек, то перевезём.

Отдал он.

А стоял там обоз. Как узнали у него владельцы обоза, за что он выменял кошелёчек, стали над ним смеяться.

– Что тебе, – говорят, – жинка за это сделает?

– Да ничего! Скажет: «Слава Богу, что хоть сам живой воротился». Вот и побились они об заклад: коли скажет жена так, отдадут ему чумаки¹ все двенадцать гружёных возов да ещё с батогами² в придачу. Выбрали одного из обоза и послали к его старухе.

Вот приходит он.

– Здравствуйте!

– А ты про своего старика слыхала?

– Нет, не слыхала.

– Да он волон на коня променял.

– Вот хорошо! Волы недорого стоят, как-нибудь и соберёмся купить.

– Да и коня променял на корову.

– Это ещё лучше: будет у нас молоко.

¹Чумаки – так на Украине называли возчиков, которые перегоняли обозы с товаром

²Батог – палка, короткая дубинка.

- Да и корову на свинью променял.
 - И то хорошо: будут у нас поросяточки, а то всё покупать приходится.
 - Да и свинью на овцу променял.
 - И то хорошо: будут у нас ягняточки да шёрсточка, будет мне что прясть.
 - Да и овцу променял на гусыню.
 - И то хорошо: будут у нас крашенки¹ и перья.
 - Да и гусыню на петуха променял.
 - О, это ещё лучше! Будет петушок по утрам петь, нас на работу будить.
 - Да и петуха на кошелёк променял.
 - И это хорошо. Как кто что заработает – он, или я, или дети, – в кошелёк складывать будем.
 - Да он и кошелёк-то за перевоз отдал.
 - Ну что ж, слава Богу, что хоть сам живой воротился.
- Вот чумакам и нечего делать – отдали они ему все двенадцать возов.

1. Какое название подходит к этой сказке?

- а) Как старик чумаков обхитрил.
- б) Выгодный обмен.
- в) И то хорошо!

2. Ответь на вопросы:

- Старик отправился:
 - а) В магазин.
 - б) На базар.
 - в) На ярмарку.
- За перевоз старик отдал:
 - а) Рубль.
 - б) Петуха.
 - в) Кошелёк.
- Как старуха встретила старика?
 - а) Обрадовалась.
 - б) Стала ругаться.
 - в) Выгнала его из дому.
- Как перебирались через реку?
 - а) На плоте.
 - б) На пароме.

¹ Крашенки – крашенные яйца для христианского праздника Пасхи.

- Как старик свою старуху звал:
 - а) Жена.
 - б) Баба.
 - в) Жинка.
 - Чумаки – это:
 - а) Пастухи.
 - б) Возчики.
 - в) Купцы.
3. Что ты узнал о традиционном быте украинцев из этой сказки?
 4. Можно ли сказать, что здесь добро победило зло?
 5. Почему сказка называется «Кошелёчек»?

МУДРЫЙ СТАРИК

(Татарская народная сказка)

Жил один падишах. Был он жестокий, особенно не любил стариков и приказывал убивать всех, кому исполнится семьдесят лет. «Всё равно от них нет никакой пользы», – говорил падишах.

В столице падишаха жил юноша. У него был семидесятилетний отец. Юноша следил, чтобы старик никому на глаза не попадался. Каждый вечер юноша рассказывал отцу обо всём, что видел и слышал за день.

– Сегодня днём, – рассказал он однажды, – падишах со своими советниками пошёл на берег реки. Увидел он на дне драгоценный камень и приказал достать его. Пловцы нырнули в воду, но не нашли там никакого камня, а когда вынырнули – увидели, что драгоценный камень по-прежнему сверкает на дне реки. Ни падишах, ни его визири не могут узнать, где же находится камень.

– Скажи, сынок, нет ли на берегу дерева? – спросил старик.

– Есть. Его ветви свисают над водой в том месте, где падишах увидел драгоценный камень, – сказал юноша.

– Ну так слушай, что я тебе скажу. Драгоценный камень лежит не на дне реки, а в птичьем гнезде. В воде же блестит только его отражение, – сказал старик.

Наутро собрались падишах с визирями на берегу реки, смотрят – камень по-прежнему сверкает на дне. Нырнули – ничего нет! Тут подошёл к падишаху юноша, поклонился и говорит:

– Видите дерево? На том дереве есть гнездо, а в гнезде лежит камень. Там его и ищите.

Кинулись к дереву визири и через минуту принесли падишаху драгоценный камень.

Визири затаили против юноши злобу. Пришли они к падишаху и сказали:

– Позволь, падишах, показать юноше двух жеребцов, одинаковых по виду, и пусть он отгадает, который молодой, который старый.

Падишах согласился.

– Не горюй, сынок! Эта загадка очень простая, – успокоил юношу вечером отец. – Когда выведут жеребцов, внимательно посмотри на их повадки: молодой жеребец шагу спокойно не сделает – издали начнёт приплясывать.

На другое утро вывели двух одинаковых жеребцов. Один жеребец идёт, всё приплясывает, а другой идёт и только головой мотает.

– Вот этот жеребец молодой, а тот старый, – уверенно сказал юноша.

Тогда визири велели обтесать два одинаковых бревна, и юноша должен был отгадать, какое бревно отпилено от верхней половины дерева, какое – от нижней.

– Не горюй, сынок, – успокоил его вечером отец, – ты вели опустить оба бревна в воду и посмотри: бревно от верхней половины дерева всплывёт всё целиком, а бревно, отпиленное от нижней половины, одним концом опустится в воду.

Наступило утро. Пришёл юноша в назначенное место.

– Опустите оба бревна в воду, – сказал он.

Опустили брёвна в воду, и сразу одно всплыло наверх, а другое наполовину погрузилось в воду.

– Вот это – верхняя часть дерева, это – нижняя, – уверенно сказал юноша.

Удивился падишах:

– Говори правду: кто тебя научил? Если не скажешь, прикажу тебя казнить!

«Что будет, то и будет – скажу правду», – подумал юноша и признался:

– Меня научил старый отец. Я прячу его, чтобы уберечь от смерти.

– Видно, и старики бывают полезны, – сказал падишах и отменил свой жестокий приказ.

1. Почему злой падишах велел убивать стариков?
2. Какие задачи старик помог решить своему сыну?
3. А что помогло старику?
4. Запиши в тетрадь несколько советов, которые ты услышал от старших родственников.
- * 5. Как ты думаешь, почему умным может быть и ребёнок, и юноша, и старик, а мудрым – только пожилой человек? Чтобы ответить на этот вопрос, посоветуйся со старшими.

ТОЛЬ СЕ И МЕДВЕДЬ

(Корейская народная сказка)

В одной бедной деревенской семье жил мальчик. Звали его Толь Се. Часто приходилось ему отправляться в горы за топливом. Однажды, когда Толь Се рубил дрова далеко в горах, он вдруг услышал какой-то шум. Мальчик в удивлении отложил топор, огляделся и увидел, что прямо к нему бежит медведь.

– Эй, негодник! Кто позволил тебе рубить здесь дрова? – зарычал медведь.

– А кто мне запретит делать это? Я рублю деревья, которые никому не принадлежат, – возразил Толь Се.

– Ах, ты ещё и рассуждаешь? Да как ты смеешь своевольничать, когда в лесу есть хозяин! – заревел медведь во всю глотку.

Толь Се смекнул, что неразумно злить медведя, и решил договориться с ним по-хорошему.

– Да, я не прав. В другой раз попрошу у тебя разрешения.

Медведь утихомирился и проворчал:

– Ну то-то же! В этих горах без моего ведома никто не смеет сорвать и пучка травы.

Потом он похлопал по узелку, висевшему у Толь Се на чиге¹, и спросил:

– Это что-нибудь съедобное? Тогда выкладывай!

Толь Се пришлось отдать свой обед медведю. Тот съел всё, даже крупинки риса не оставил.

– И каждый раз приноси! – прорычал он и, переваливаясь, побрёл вглубь леса.

Голодный Толь Се надел на себя чиге и направился домой. А медведь с того дня всегда отбирал у него обед.

Толь Се продолжал ходить в лес каждый раз, когда дома кончались дрова. Однажды он поднимался по косогору и вдруг увидел косулю. Она, прихрамывая, подбежала к нему, присела на землю и попросила:

– Мальчик, подлечи мне ногу. Я повстречала медведя – и вот как он меня покалечил.

Пожалел Толь Се косулю, оторвал кусок рубахи и перевязал ей ногу.

– Сразу легче стало! Большое спасибо тебе. Вот беда-то, житья нет от этого медведя!

И косуля рассказала мальчику о своих мучениях. Оказалось, что медведь обижает их обоих.

¹Чиге – приспособление для переноски груза на спине.

– Слушай, а почему, в самом деле, мы должны всё это терпеть?! – воскликнул Толь Се.

– Есть у меня хорошая мысль, – сказала косуля. – Как ты думаешь, если, – и она зашептала что-то Толь Се на ухо.

– Да-да! Так-так! Конечно! – одобрительно закивал Толь Се.

Расставшись с косулей, Толь Се углубился в лес и принялся рубить дрова. Тюк! Тюк! – разносился стук топора по лесу. Вскоре послышался тяжёлый топот.

– Эй, ты! Опять рубишь деревья без моего разрешения? – зарычал медведь.

– Не сердись, я принёс тебе каши, – сказал Толь Се. Он быстро снял с чиге узелок и отдал медведю чашку с рисом. Медведь плюхнулся на землю и начал жадно пожирать кашу. Но тут из глубины леса донёсся какой-то шум. Медведь удивлённо спросил:

– Что это?

– Да тут недавно проходили охотники. Наверное, это они возвращаются, – ответил Толь Се.

Медведь сразу присмирел.

– Что? Охотники? А ружья у них есть?

– Конечно. И с каждым охотником по пяти злых гончих.

Медведь засуетился:

– Это правда? А что, этих людей уже видно?

– Угу, они идут прямо сюда, – ответил Толь Се, поглядев в сторону.

– Спаси меня! Я не буду больше причинять тебе зла и отблагодарю тебя! – стал просить медведь.

– Что ж, это нетрудно. Но куда бы тебя спрятать?

– Спрячь меня под чиге, – заторопил медведь.

Он подлез под чиге и уткнулся носом в землю.

В это время из-за деревьев раздался голос:

– Эй, дровосек, ты не видел тут медведя?

– Нет, не видел, – ответил невозмутимо Толь Се.

– А что это лежит у тебя под чиге? – снова спросил голос.

– Скажи, что это дрова. Скорее! – подсказал медведь.

– А, да это дрова, что я нарубил.

– Если это дрова, то почему ты сложил их под чиге?

– Положи меня на чиге. Скорее! – взмолился медведь.

Толь Се с трудом переложил его. Из-за деревьев спросили снова:

– А если это дрова, почему же ты не связал их?

– Скорее свяжи меня! – стал молить перепуганный медведь. Толь Се крепко скрутил его верёвкой. А голос из-за кустов продолжал:

– Эй, мальчик! Тут что-то неладно. Если это дрова, почему ты не наколот их?

И медведь, со страху не разобравшись, завопил:

– Руби топором! Скорее!

Толь Се взмахнул топором и убил медведя. И тотчас же из-за деревьев выбежала косуля.

– Уф! Как легко на душе стало!

– А ловко мы всё это придумали, косуля! – восхитился Толь Се.

– Нам повезло, что медведь был так глуп.

– Теперь я буду спокойно ходить за дровами.

– А я смогу спокойно спать, – сказала косуля.

1. Как ты думаешь, это сказка про животных, бытовая или волшебная? Объясни свой ответ.
2. Что помогло Толь Се победить медведя? Выбери один ответ и объясни, почему ты так думаешь:
 - а) Он был очень храбрым.
 - б) Он сумел договориться с косулей.
 - в) Ему помогла волшебная косуля.
- * 3. Придумай продолжение этой сказки. Начни так: «Положил Толь Се медведя на чиге и пошёл домой...»

Вопросы и задания к разделу «Сказки народов Кыргызстана»

1. Какой народ сочинил сказку?

- а) корейцы
- б) кыргызы
- в) узбеки
- г) украинцы
- д) татары

- 1. «Сердечный огонь»
- 2. «Ах и ох!»
- 3. «Алдар Куса и купец»
- 4. «Кошелёчек»
- 5. «Мудрый старик»
- 6. «Толь Се и медведь»

2. В какой сказке (в ответах можно указать порядковый номер сказки из первого задания):

- а) Высмеиваются глупость и хвастовство?
- б) Восхваляется уважение и почтительность к старшим?
- в) Высмеивается жадность и коварство?

3. Какая из сказок этого раздела больше всего похожа на легенду?

4. Назовите:

- а) Бытовую сказку.
- б) Волшебную сказку.
- в) Сказку о животных.

5. Чем отличаются сказки от эпических сказаний?

- а) Сказки – это устное народное творчество, а сказания – нет.
- б) В сказках бывают чудеса, а в сказаниях чудес не бывает.
- в) В сказаниях речь идёт об исторических событиях и реальных людях, а в сказках – о вымышленных.

6. Вспомни сказочные выражения: жили-были; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; за тридевять земель... Какие другие выражения часто встречаются в сказках?

* 7. Придумай волшебную сказку по схеме. Используй сказочные выражения.

1	2	3	4	5	6
Сказочное начало.	Похищение или поиск сокровищ.	Герой отправляется в путь и встречает чудесных помощников.	Встреча с противником, тройное испытание.	Спасение, возвращение домой, награда.	Сказочная концовка.

М. Гаспаров

ЭЗОП. МУДРЕЦ-РАБ

Эзоп был сочинитель басен. Считалось, что все басенные рассказы, которые потом на разный лад пересказывались в течение многих веков, впервые были придуманы Эзопом: и про волка и ягнёнка, и про лису и виноград, и про лягушек, просящих царя.

Эзоп сочинял басни потому, что он был раб и говорить прямо то, что он думал, было для него опасно. Это был его иносказательный «эзоповский язык». А о том, как он был рабом, и у кого, и что из этого получилось, в народе рассказывали множество весёлых историй.

Он был фригиец, из Малой Азии, а фригийцы, по твёрдому греческому убеждению, только и годились, чтобы быть рабами. А вид его был такой: голова была как котёл, нос курносый, губы толстые, руки короткие, спина горбатая, брюхо вспученное. Зато боги его наградили даром слова, острым умом и искусством сочинять басни.

От речистого раба хозяин сразу поспешил отделаться и повёл Эзоп с другими рабами на рынок Самос. Стали разбирать дорожную поклажу. Эзоп попросил товарищей: «Я здесь новый, слабый, дайте мне вон ту хлебную корзину», – и показал на самую большую и тяжёлую. Посмеялись над ним, но дали. Однако на первом же привале, когда все поели хлеба, Эзопова корзина сразу стала легче, а у остальных рабов их мешки и ящики как были тяжелы, так и остались. Тут-то и стало ясно, что ум у уродца не промах.

На острове Самос Эзоп купил простак философ Ксанф: «Хочешь, я куплю тебя?» – сказал Ксанф. «А тебе не всё равно, чего я хочу? Купи меня в советники, тогда и спрашивай», – сказа Эзоп. – «Ты всегда такой разговорчивый?» – «За говорящих птиц дороже платят». – «Да ты-то ведь не птица, а урод».

– «Бочки в погребе тоже уродливы, а вино в них на славу». Подивился Ксанф и купил Эзоп.

Долго жил Эзоп, сочинял басни, побывал и у вавилонского царя, и у египетского, и на пиру семи мудрецов. А погиб он в Дельфах.

Боялись дельфийцы его басен и сбросили Эзопа со скалы. За это их город постигла чума, и ещё долго пришлось им расплачиваться за Эзопову смерть.

Так рассказывали о народном мудреце Эзопе. Большинство Эзоповских басен вам хорошо знакомы: они пересказывались на всех языках и в стихах, и в прозе, в том числе и И. А. Крыловым. Но есть среди них и такие, которые меньше известны; вот некоторые из них.

Басни Эзопа

ВОЛК И СОБАКА

Волк увидел огромную собаку в ошейнике на цепи и спросил: «Кто тебя так приковал и откормил?» Ответила собака: «Хозяин!» «Нет, – сказал волк, – не для волка такая судьба! Мне и голод милей, чем рабский ошейник».

СВИНЬЯ И ЛЬВИЦА

Свинья смеялась над львицей, что рождает только одного детёныша. Львица ответила: «Одного, но льва!»

ОСЁЛ, КОТОРЫЙ ВЁЗ СОЛЬ

Шёл осёл через реку с грузом соли, поскользнулся и упал; соль подтаяла, и ему стало легче. Он обрадовался, и в следующий раз, подойдя к реке, упал уже нарочно. Но на этот раз был на нём груз губок, губки от воды разбухли, отяжелели, и осёл утонул.

ГАЛКА И ПАВЛИН

Собрались как-то раз птицы, чтобы избрать царя, и первым из первых, кто захотел быть правителем, был павлин. Он ходил перед рядами птиц и хвалил самого себя:

– Ах, какой я красивый, какой прекрасный у меня хвост! Кто бы не посмотрел на меня, сказал бы сразу: настоящий царь!

Но тут появилась простая галка и спросила:

– Павлин, а если придёт нужда нас защитить, как ты сумеешь это сделать? Вот, к примеру, если прилетит орёл?

И павлину нечего было сказать.

ЗАЙЦЫ И ЛЯГУШКИ

Поняли зайцы, какие они трусливые и порешили, что лучше им всем разом утопиться. Пришли они к обрыву над прудом, а лягушки как слышали их топотание, так и попрыгали в самую глубину. Увидел это один заяц и сказал остальным: «Давайте не будем топиться: смотрите, и трусливее нас есть звери на свете!» Так и для людей зрелище чужих несчастий служит ободрением в собственных невзгодах.

МУРАВЕЙ И ЖУК

В летнюю пору гулял муравей по пашне и собирал по зёрнышку пшеницу и ячмень, чтобы запастись на зиму. Увидел его жук и посочувствовал, что ему приходится так трудиться даже в такое время года, когда все остальные животные отдыхают. Промолчал тогда муравей; но когда пришла зима и навоз дождями размыло, остался жук голодным, и пришёл он просить у муравья корма. Сказал муравей: «Эх, жук, кабы ты тогда работал, когда меня трудом попрекал, не пришлось бы тебе теперь сидеть без корма».

Так люди в достатке не задумываются о будущем, а при перемене обстоятельств терпят жестокие бедствия.

- 1. Почему рассказ об Эзопе М. Гаспарова называется «Мудрец-раб»?
- 2. Как ты понимаешь выражение «ум не промах»?
- 3. Что олицетворяет павлин из басни «Галка и павлин»:
а) хвастовство, б) гордость, в) глупость?
- 4. Что олицетворяет Жук в басне «Муравей и жук»:
а) хитрость, б) зависть; в) беспечность?

* 5. Из какой басни мораль?

а) Правителя украшает	1. «Осёл, который вёз соль» не красота, а сила.
б) Иной раз хитрости	2. «Волк и собака» приводят к беде.
в) Лучше быть голодным, но свободным.	3. «Галка и павлин»

Иван Крылов

ВОЛК И КОТ

Волк из лесу в деревню забежал,
Не в гости, но живот¹ спасая;
За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гончих стая.
Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре².
Вот видит Волк мой на заборе
Кота

И молит: – «Васенька, мой друг! скажи скорее,
Кто здесь из мужичков добрее,
Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?
Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов!
Всё это ведь за мной». – «Проси скорей Степана;
Мужик предобрый он», – Кот-Васька говорит.
«То так; да у него я ободрал барана». –
«Ну, попытайся ж у Демьяна». –
«Боюсь, что на меня и он сердит:
Я у него унёс козлёнка». –
«Беги ж, вон там живёт Трофим». –
«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним:
Он на меня с весны грозит за ягнёнка!» –
«Ну, плохо ж! – Но авось тебя укроет³ Клим!» –
«Ох, Вася, у него зарезал я телёнка!» –
«Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил, –
Сказал тут Васька Волку, –

¹ Живот — здесь: жизнь.

² На запоре — на замке.

³ Авось тебя укроет — может быть, тебя спрячет.

Какую ж ты себе защиту здесь сулил¹?
Нет, в наших мужиках не столько мало толку,
Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы, – сам себя вини:
Что ты посеял – то и жни»

Иван Крылов

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВЕДЬ

Увидя, что мужик, трудясь над дугами,
Их прибыльно сбывает с рук
(А дуги гнут с терпеньем и не вдруг²).
Медведь задумал жить такими же трудами.
Пошёл по лесу треск и стук,

И слышно за версту проказу.
Орешника, берёзника и вязу
Мой Мишка погубил несметное число,
А не даётся ремесло.
Вот идет к мужику он попросить совета
И говорит: «Сосед, что за причина эта?
Деревья-таки я ломать могу,
А не согнул ни одного в дугу.
Скажи, в чём есть тут главное уменье?» –
«В том, – отвечал сосед, –
Чего в тебе, кум, вовсе нет:
В терпенье».

¹ Сулить — здесь: ждать, надеяться,

² Не вдруг – не быстро, не сразу.

1. Как ты понимаешь слова из басни «Волк и Кот»: «за шкуру он свою дрожал», «на свою беду», «он на меня... грозитя за ягнёнка», «всем насолил»?
2. Объясни значение слов из басни «Трудолюбивый медведь»: «прибыльно сбывать с рук», «не дается ремесло», «несметное число».
- * 3. В последних строчках этих басен спрятаны две пословицы. Найди их и восстанови. Можно ли сказать, что в них выражена главная мысль этих басен?

КАК БЕДНЯК ПОДРАЖАЛ БОГАЧУ

(Восточная притча)

Жила-была одна семья: муж, жена и дочь. Была эта семья бедной-пребедной, еле концы с концами сводила. Стали муж с женой думать, как бы им разбогатеть.

– Живём мы сейчас в нищете. Давай разыщем какого-нибудь богача, поселимся с ним рядом, поглядим, что он делает, и будем во всём подражать ему.

Так они и сделали. Сломали свою хижину и построили новую рядом с домом богатого бая. Бай заставлял своих работников обрабатывать поле и огород, а потом посылал их продавать урожай. Бедняки старались подражать баю, в чём могли, работали в поле, а потом часть урожая продавали на базаре. Постепенно дела у них пошли всё лучше и лучше, достаток рос.

Муж с женой решили отблагодарить бая, у которого они тайком научились вести хозяйство. Муж взял горсть золота и отправился к богачу.

– Для чего ты принёс мне золото? – удивился бай.

– Был я бедняком. Решили мы с женой сломать нашу хижину, поселиться рядом с Вашим домом и подражать Вам во всём. Наши дела быстро пошли на лад, семья разбогатела, и вот мы из благодарности просим принять наш подарок.

– Раз ты сам считаешь, что приобрёл всё своё богатство благодаря мне, значит, это моё богатство. Ты должен отдать мне всё своё состояние, а уж я сам решу, какую долю тебе выделить.

– Но я же не остался неблагодарным и принёс Вам золото. Если бы я знал, что Вы потребуете всё моё состояние, то не принёс бы Вам ничего.

Долго спорили бай и бывший бедняк. Наконец, обратились они к судье. Судья их спор разрешить не смог и повёл обоих к хану. Бывший бедняк поклонился и сказал:

– О повелитель! Я поселился рядом с домом бая, наблюдал, как он ведёт хозяйство, как посылает работников своих обрабатывать поле и торговать

на базаре. Стал я подражать баю, в чём только мог, и добился благополучия и удачи в делах. Из благодарности я принёс золото богачу, который помог мне, сам того не ведая, но он требует всё моё состояние. Прошу Вас, о повелитель, разобраться в этом деле по справедливости.

Хан обратился к баю:

– Правильно ли изложил дело этот человек?

– Всё правильно, о мой повелитель!

Понял хан, что бай жаден не в меру, и сказал:

– Бай, у тебя есть дети?

– Сын, о мой повелитель.

– А у тебя? – обратился хан к бывшему бедняку.

– Дочь, о мой повелитель.

– Чтобы между вами не было раздоров, я повелеваю обеим семьям породниться. Тогда и делить вам будет нечего.

Бай и бывший бедняк низко поклонились хану и удалились, чтобы последовать мудрому решению хана.

- 1. Что придумали бедняки, чтобы избавиться от нищеты? Как это их характеризует?
- 2. Должен ли был бедняк отдавать золото баю? Зачем он это сделал?
- 3. Прав ли был бай, когда требовал все деньги у разбогатевшего бедняка?
- 4. Чему учит эта притча?
- * 5. Почему решение хана названо мудрым?

Лев Толстой

КАК МУЖИК УБРАЛ КАМЕНЬ

На площади в одном городе лежал огромный камень. Камень занимал много места и мешал езде по городу. Призвали инженеров и спросили их, как убрать этот камень и сколько это будет стоить.

Один инженер сказал, что камень надо разбивать на куски порохом и потом по частям свезти его, и что это будет стоить 8000 рублей; другой сказал, что под камень надо подвести большой каток и на катке свезти камень, и что это будет стоить 6000 рублей.

А один мужик сказал: «А я уберу камень и возьму за это 100 рублей».

У него спросили, как он это сделает. И он сказал: «Я выкопаю подле самого камня большую яму; землю из ямы развалю по площади, свалю камень в яму и заровняю землёю».

Мужик так и сделал, и ему дали 100 рублей и ещё 100 рублей за умную выдумку.

1. Что это – легенда, притча, басня, быль? Объясни свой ответ.
2. Какая главная мысль в этом произведении?

Мухтар Борбугулов

РЕКА И РУЧЕЙКИ

В большое русло признанной Реки
Со всех сторон стекались Ручейки,
Река на них с усмешкой посмотрела:
– Как вы мелки!
Как вы смешны.

Чем еле подавать свой голосок,
Уж лучше вовсе спрятаться в песок!
Но вот недели жаркие настали,
И многие Ручьи Изнемогли.
Они ещё по камушкам журчали,
Но до реки добраться не могли.

Я видел, как один из уцелевших
От удивленья пеной изошёл:
Среди лугов, от зноя пожелтевших.
Он той Реки глубокой не нашёл.

Меж берегов,
На камни припадая,
При помощи степного ветерка,
Едва тянулась мелкая,
Немая
Уже не знаменитая Река.
– Привет тебе, вчерашняя царица! –
Сказал ручей с укором в этот раз, –
Хоть нам, ручьям, и не к лицу хвалиться,
А все ж тебе придётся согласиться,
Что ты и вовсе пропадёшь без нас.

Кто б не был ты, но помни: без народа –
Ты сел на мель.
И встретить будь готов
Судьбу Реки без малых Ручейков.

- 1. В каких строках заключена главная мысль этого произведения?
2. Можно ли стихотворение М. Борбугулова назвать притчей? А басней?
* 3. Почему Ручей называет Реку «вчерашней царицей»?
* 4. Что олицетворяет Река в этом стихотворении? А Ручейки?

Вопросы и задания к разделу «Басни и притчи»

- 1. Соотнеси автора и название его произведения.
а) Л. Толстой	1. «Как мужик убрал камень»
б) И. Крылов	2. «Галка и павлин»
в) Эзоп	3. «Трудолюбивый медведь»
- 2. Что такое «эзопов язык»?
- а) Иносказание.
б) Олицетворение.
в) Сравнение.
- 3. Что общего у басни и притчи?
- а) Это – устное народное творчество.
б) В них есть иносказание.
в) Это – поэзия.
- 4. Что олицетворяет медведь из басни Крылова?
- а) Лень.
б) Хвастовство.
в) Нетерпеливость.
- 5. Прочитай **Мудрые мысли Эзопа**:
- Волки чувят, где овцы ночуют.
 - Когда деньги говорят, правда молчит.
 - У волка всегда овца виновата.
 - Кто у власти, тот и ест сласти.

Какое высказывание Эзопа тебе понравилось больше всего? Объясни, к какой ситуации оно подходит, к какому случаю его можно сказать.

- * 6. Попробуй сочинить басню, которая бы начиналась или заканчивалась этими словами.

Александр Пушкин

ТУЧА

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несёшься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную¹ землю поила дождём.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

1. В этом стихотворении А. Пушкина много противопоставлений, контрастов. Составь пары противопоставлений из выделенных слов. Объясни, зачем они нужны.
2. Опиши тучу. Расскажи, какой она была во время грозы, какой стала потом.

Александр Пушкин

УНЫЛАЯ ПОРА! ОЧЕЙ ОЧАРОВАНИЕ!

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса –
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,

¹ Алчный – жадный.

И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдалённые седой зимы угрозы.

1. Какой здесь изображена осень?
2. Найди в стихотворении А. С. Пушкина все определения (прилагательные). Какие из них создают яркие образы? Как называются такие определения?
3. Как бы звучало это стихотворение без таких определений?

Аполлон Майков

ОСЕНЬ

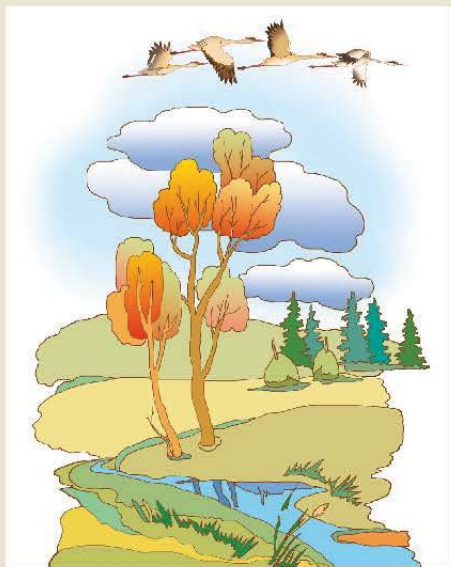
Кроет уж лист золотой
Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Вешнюю¹ леса красу.

С холоду щёки горят:
Любо в лесу мне бежать.
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
Лес с себя тайну совлёк.
Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;

Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей;

Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес...

1. В этом стихотворении герой ведёт себя активно. Что он делает? Найди строчки в тексте, где об этом сказано.

¹Вешний – весенний.

2. Часто поэты изображают природу при помощи звуков. В строке «Слышать, как сучья трещат» много свистящих и шипящих согласных, есть раскатистый звук «р-р-р». Поэтому мы вместе с поэтом слышим сухой треск и скрип сучьев. Найди подобные созвучия.

Аполлон Майков

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Осенние листья по ветру кружат,
Осенние листья в тревоге вопят:
«Всё гибнет, всё гибнет! Ты чёрен и гол,
О лес наш родимый, конец твой пришёл!»
Не слышит тревоги их царственный лес.
Под тёмной лазурью суровых небес
Его спеленали могучие сны,
И зреет в нём сила для новой весны.

1. Как А. Майков описывает листья? Для чего он приписывает им вопли? Какое чувство хочет выразить?
2. Почему про лес сказано «царственный»? Какие краски использует поэт для его описания?
3. В стихотворении А. Майкова противопоставлены листья и лес. Какое настроение у листьев? Какое – у леса?
4. Как нужно изменить ритм и интонацию при чтении первой и второй строф этого стихотворения, чтобы передать настроение листьев и леса?

Иван Бунин

ЛИСТОПАД

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Весёлой, пёстрою стеной
Стоит над светлою поляной.

Берёзы жёлтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, ёлочки темнеют,

А между клёнами синеют
То там, то здесь в листве
сквозной

Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступает в пёстрый терем свой...

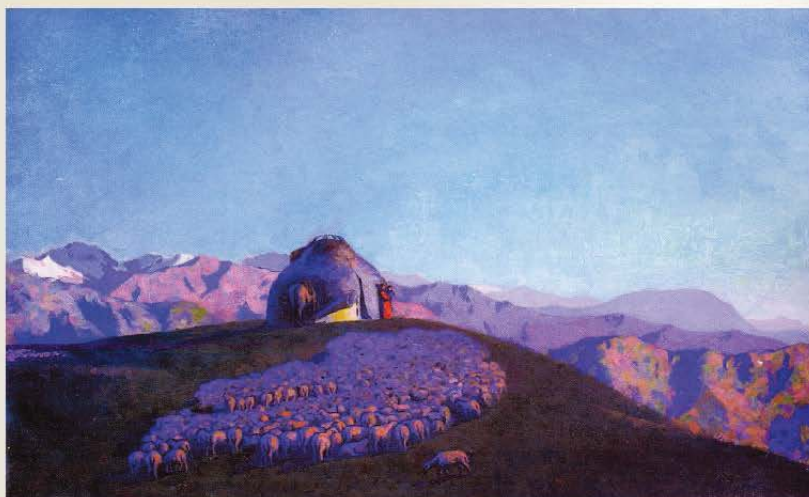
1. Что такое терем? Найди все сравнения леса с нарядным деревянным теремом.
- * 2. Почему И. Бунин назвал осень «вдовой»?

Вопросы и задания к разделу «Поэзия осени»

1. Рассмотрите картины русских художников об осени. К какому стихотворению они могут служить иллюстрацией? Объясни свой выбор.
2. Художник пишет красками, а поэт...? Какие слова в осенних стихах самые яркие?
- 3. Угадай, какой цвет:
а) лазоревый	1. ярко-красный
б) лиловый	2. голубой
в) багряный	3. сиреневый
г) пурпурный	4. красно-фиолетовый
4. Выбери одно стихотворение, выпиши из него все эпитеты. Уточни их смысл.
5. Расскажи, что ты видишь на картине С. Чуйкова «Над вечным покоем». Какого цвета трава? Какого цвета горы? Какие тени на горах? Какое небо? Облака?
6. Напиши сочинение по одной из картин (см. памятку на стр. 199). Постарайся использовать как можно больше эпитетов.

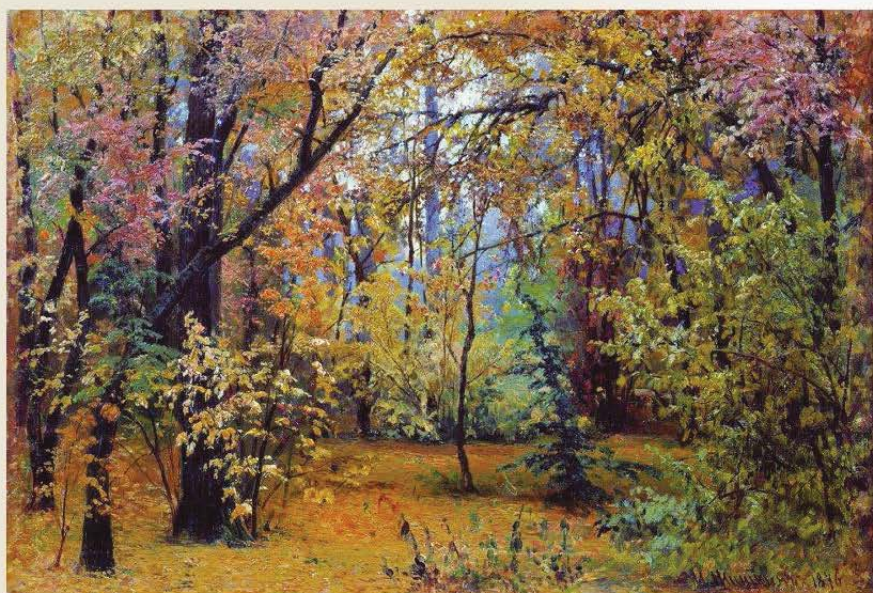
НАШ МУЗЕЙ

С. Чуйков. Над вечным покоем

И. Левитан. Осень. Усадьба

И. Шишкин. Осенний лес

Александр Пушкин

СКАЗКА О МЁРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна Села ждать его одна.
Ждёт-пождёт с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда¹ очи
Разболелись, глядячи
С белой зори до ночи;
Не видать милого друга!
Только видит: вьётся вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белёшенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник² в самый, в ночь
Бог даёт царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издаlechа наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелёшенько вздохнула,
Восхищенья не снесла³
И к обедне умерла.
Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен;
Год прошёл, как сон пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Уж и впрямь была царица:

¹ Инда – даже.

² Сочельник – день перед праздником.

³ Не снесла – не вынесла.

Высока, стройна, бела,
И умом, и всем взяла;
Но зато горда, ломлива¹,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:
«Свет мой, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее».
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищёлкивать перстами²,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Но царица молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась – и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:

Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилася с ним:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
Что же зеркальце в ответ?
«Ты прекрасна, спору нет;
Но царица всех милее,
Всех румяней и белее».
Как царица отпрыгнёт,
Да как ручку замахнёт,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!..
«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врёшь ты мне назло.
Как тягаться³ ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать брюхатая сидела
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всем меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.
Так ли?» Зеркальце в ответ:
«А царица всё ж милее,
Всё ж румяней и белее».
Делать нечего. Она,
Чёрной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей,

¹ Ломлива – та, которая кривляется.

² Персты – пальцы.

³ Тягаться – здесь: спорить.

Сенной девушке¹ своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав её, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.

Чёрт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась
И до смерти испугалась,
И взмолилась: «Жизнь моя!
В чем, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалую тебя».
Та, в душе её любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, Бог с тобой».
А сама пришла домой.
«Что? – сказала ей царица, –
Где красавица девица?»
– «Там, в лесу, стоит одна, –
Отвечает ей она. –
Крепко связаны ей локти;
Попадётся зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть».

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,

Помолясь усердно Богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей душой,
За невестой молодой.
Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла
И на терем набрела.
Ей навстречу пёс, заяля,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пёс бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь²,
Поднялась на крыльцо
И взялась за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми³ стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой⁴.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно!
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,

Всё порядком убрала,
Засветила Богу свечку⁵,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

¹ Сенная девушка – горничная, служанка.

² Подбираясь – здесь: приподняв подол длинного платья.

³ Святые – здесь: священные изображения, иконы.

⁴ Изразцовый – покрытый плиткой.

⁵ Засветила Богу свечку – зажгла свечу перед иконами.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: «Что за диво!
Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,
С нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица».

И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,

Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок;
Рюмку полную наливали,
На подносе подавали.
От зелёного вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломила
Да кусочек прикусила
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх, во светлую светлицу,
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днём идёт, мелькая,
А царевна молодая
Всё в лесу, не скучно ей
У семи богатырей.

Перед утренней зарёю
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина¹ в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.
А хозяйшкой она
В терему меж тем одна
Приберёт и приготовит.
Им она не прекословит,
Не перечут² ей они.
Так идут за днями дни.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: «Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы ради,
Да нельзя, так Бога ради
Помири нас Как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сestroю.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?»
«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, –
Им царевна говорит, –
Коли лгу, пусть Бог велит

Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? Ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей».
Братья молча постояли
Да в затылке почесали.
«Спрос не грех. Прости ты нас, –
Старший молвил поклонясь, –
Коли так, не заикнуса
Уж о том». – «Я не сержуся, –
Тихо молвила она, –
И отказ мой не вина».
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.
Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить её,
А на зеркальце своё
Долго дулась и сердилась;

Наконец об нём хватилась
И пошла за ним, и, сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты прекрасна, спору нет;

¹ Сорочин – здесь: враг.

² Перечить – спорить, возражать.

Но живёт без всякой славы,
 Среди зелёных дубравы,
 У семи богатырей
 Та, что всё ж тебя милей».

И царица налетела
 На Чернавку: «Как ты смела
 Обмануть меня? и в чем!..»
 Та призналась во всём:
 Так и так. Царица злая,
 Ей рогаткой угрожая,
 Положила иль не жить,
 Иль царевну погубить.
 Раз царевна молодая,
 Милых братьев поджидая,
 Пряла, сидя под окном.
 Вдруг сердито под крыльцом
 Пёс залаял, и девица
 Видит: нищая черница¹
 Ходит по двору, клюкой
 Отгоняя пса. «Постой,
 Бабушка, постой немножко, –
 Ей кричит она в окошко, –
 Пригрожу сама я псу
 И кой-что тебе снесу».

Отвечает ей черница:
 «Ох ты, дитяtko девица!
 Пёс проклятый одолел,
 Чуть до смерти не заел.
 Посмотри, как он хлопочет!
 Выдь ко мне». – Царевна хочет
 Выдти к ней и хлеб взяла,
 Но с крылечка лишь сошла,
 Пёс ей под ноги – и лаает,

И к старухе не пускает;
 Лишь пойдёт старуха к ней,
 Он, лесного зверя злей,
 На старуху. «Что за чудо?

Видно, выспался он худо, –
 Ей царевна говорит: –
 На ж, лови!» – и хлеб летит.
 Старушонка хлеб поймала;
 «Благодарствую, – сказала. –
 Бог тебя благослови;
 Вот за то тебе, лови!»
 И к царевне наливное,
 Молодое, золотое,
 Прямо яблочко летит...
 Пёс как прыгнет, завизжит...
 Но царевна в обе руки
 Хватить – поймала. «Ради скуки
 Кушай яблочко, мой свет.
 Благодарствуй за обед» –
 Старушоночка сказала,
 Поклонилась и пропала...
 И с царевной на крыльцо
 Пёс бежит и ей в лицо
 Жалко смотрит, грозно воеет,
 Словно сердце пёсье ноет,

¹ Черница – монахиня.

Словно хочет ей сказать: ,
Брось! – Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;
«Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!» – и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела
Всё на яблоко. Оно
Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто мёдом налилось!
Видны семечки насквозь...
Подождать она хотела
До обеда; не стерпела,
В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила
И кусочек проглотила...
Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она под образа¹
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...

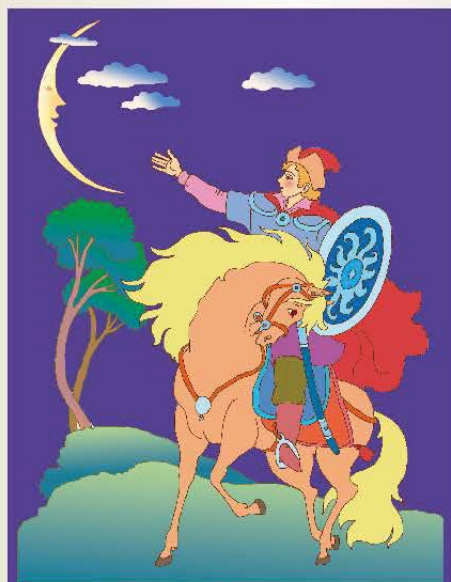
Братья в ту пору домой
Возвращались толпой
С молодецкого разбоя.
Им навстречу, грозно воя,
Пёс бежит и ко двору
Путь им кажет. «Не к добру! –
Братья молвили: – печали
Не минуем». Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,

Пёс на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, знать, оно.
Перед мёртвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить её хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили – и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб её к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решёткой оградил;
И, пред мёртвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: «Спи во гробе;
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима –
Не досталась никому,
Только гробу одному».
В тот же день царица злая,

¹ Образ – икона, священное изображение

Доброй вести ожидая,
Втайне зеркалаще взяла
И вопрос свой задала:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее».
За невестою своей Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрён;
Кто в глаза ему смеётся,
Кто скорее отвернётся;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец.
«Свет наш солнышко! Ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с тёплой весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». – «Свет ты мой, –
Красно солнце отвечало, –
Я царевны не видало.
Знать её в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь её да встретил
Или след её заметил».
Тёмной ночи Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
«Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаешь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлокий,

И, обычай твой любя,
Звёзды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». – «Братец мой,
Отвечает месяц ясный, –
Не видал я девы красной.
На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна, видно,
Пробежала». – «Как обидно!» –
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
«Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай».
Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,

Не боишься никого,
Кроме Бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених её». – «Постой, –
Отвечает ветер буйный, –
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места;
В том гробу твоя невеста».
Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал
И пошёл к пустому месту,
На прекрасную невесту
Посмотреть ещё хоть раз.
Вот идёт; и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг неё страна пустая;
Под горою тёмный вход.
Он туда скорей идёт.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумлёнными глазами,

И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встаёт она из гроба...
Ах!., и зарыдали оба.
В руки он её берет
И на свет из тьмы несёт,
И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубит уже молва:
Дочка царская жива!
Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним, Говоря:
«Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна всё ж милее,
Всё румяней и белее».
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут её тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь её похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мёд, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

1. Какие сказки А. С. Пушкина ты знаешь?
2. Чем отличается эта сказка от других сказок А. С. Пушкина?
3. Можно ли эту сказку считать волшебной? Почему?

4. Назови главных героев. Какие чувства они у тебя вызвали? А как к ним относится А. С. Пушкин?
5. Выбери одну из героинь «Сказки о мёртвой царевне» и составь её словесный портрет.
6. На сколько частей можно разделить эту сказку? Назови главную тему каждой части.
7. Приготовься к выразительному чтению по ролям диалогов из сказки: мачехи и зеркальца, Елисея и ветра (солнца, месяца) или других. Постарайся интонацией передать настроение и характер каждого персонажа.

Всеволод Гаршин

ЛЯГУШКА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

(Сказка)

Жила-была на свете лягушка квакушка. Сидела она в болоте, ловила комаров да мошку, весною громко квакала вместе со своими подругами. И весь век она прожила бы благополучно – конечно, в том случае, если бы не съел её аист. Но случилось одно происшествие.

Однажды она сидела на сучке высунувшейся из воды коряги и наслаждалась тёплым мелким дождиком.

«Ах, какая сегодня прекрасная мокрая погода! – думала она. – Какое это наслаждение – жить на свете!»

Дождик моросил по её пёстренькой лакированной спинке; капли его подтекали ей под брюшко и за лапки, и это было восхитительно приятно, так приятно, что она чуть-чуть не заквакала, но, к счастью, вспомнила, что была уже осень и что осенью лягушки не квакают, – на это есть весна, – и что, заквакав, она может уронить свое лягушечье достоинство. Поэтому она промолчала и продолжала нежиться.

Вдруг тонкий, свистящий, прерывистый звук раздался в воздухе. Есть такая порода уток: когда они летят, то их крылья, рассекая воздух, точно поют, или, лучше сказать, посвистывают. Фью-фью-фью-фью – раздаётся в воздухе, когда летит высоко над вами стадо таких уток, а их самих даже и не видно, так они высоко летят. На этот раз утки, описав огромный полукруг, спустились и сели как раз в то самое болото, где жила лягушка.

– Кря, кря! – сказала одна из них, – Лететь ещё далеко; надо покушать.

И лягушка сейчас же спряталась. Хотя она и знала, что утки не станут есть её, большую и толстую квакушку, но всё-таки, на всякий случай, она

нырнула под корягу. Однако, подумав, она решилась высунуть из воды свою лупоглазую голову: ей было очень интересно узнать, куда летят утки.

– Кря, кря! – сказала другая утка, – уже холодно становится! Скорей на юг! Скорей на юг!

И все утки стали громко крякать в знак одобрения.

– Госпожи утки! – осмелилась сказать лягушка, – что такое юг, на который вы летите? Прошу извинения за беспокойство.

И утки окружили лягушку. Сначала у них явилось желание съесть её, но каждая из них подумала, что лягушка слишком велика и не пролезет в горло. Тогда все они начали кричать, хлопая крыльями:

– Хорошо на юге! Теперь там тепло! Там есть такие славные тёплые болота! Какие там червяки! Хорошо на юге!

Они так кричали, что почти оглушили лягушку. Едва-едва она убедила их замолчать и попросила одну из них, которая казалась ей толще и умнее всех, объяснить ей, что такое юг. И когда та рассказала ей о юге, то лягушка пришла в восторг, но в конце всё-таки спросила, потому что была осторожна:

– А много ли там мошек и комаров?

– О! целые тучи! – отвечала утка.

– Ква! – сказала лягушка и тут же обернулась посмотреть, нет ли здесь подруг, которые могли бы услышать её и осудить за кваканье осенью. Она уж никак не могла удержаться, чтобы не квакнуть хоть разик.

– Возьмите меня с собой!

– Это мне удивительно! – воскликнула утка. – Как мы тебя возьмём? У тебя нет крыльев.

– Когда вы летите? – спросила лягушка.

– Скоро, скоро! – закричали все утки. – Кря, кря! кря! кря! Тут холодно! На юг! На юг!

– Позвольте мне подумать только пять минут, – сказала лягушка, – я сейчас вернусь, я наверно придумаю что-нибудь хорошее.

И она шлёпнулась с сучка, на который было снова влезла, в воду, нырнула в тину и совершенно зарылась в ней, чтобы посторонние предметы не мешали ей размышлять. Пять минут прошло, утки совсем было собрались лететь, как вдруг из воды, около сучка, на котором она сидела, показалась её морда, и выражение этой морды было самое сияющее, на какое только способна лягушка.

– Я придумала! Я нашла! – сказала она. – Пусть две из вас возьмут в свои клювы прутик, а я прицеплюсь за него посередине. Вы будете лететь, а я ехать. Нужно только, чтобы вы не крякали, а я не квакала, и всё будет превосходно.

Хотя молчать и тащить хоть бы и легкую лягушку три тысячи вёрст не бог знает какое удовольствие, но её ум привёл уток в такой восторг, что они

единодушно согласились нести её. Решили переменяться каждые два часа, и так как уток было, как говорится в загадке, столько, да ещё столько, да полстолько, да четверть столько, а лягушка была одна, то нести её приходилось не особенно часто. Нашли хороший, прочный прутик, две утки взяли его в клювы, лягушка прицепилась ртом за середину, и всё стадо поднялось на воздух. У лягушки захватило дух от страшной высоты, на которую её подняли; кроме того, утки летели неровно и дёргали прутик;

бедная квакушка болталась в воздухе, как бумажный паяц, и изо всей мочи стискивала свои челюсти, чтобы не оторваться и не шлепнуться на землю. Однако она скоро привыкла к своему положению и даже начала осматриваться. Под нею быстро проносились поля, луга, реки и горы, которые ей, впрочем, было очень трудно рассматривать, потому что, висая на прутике, она смотрела назад и немного вверх, но кое-что все-таки видела и радовалась и гордилась.

«Вот как я превосходно придумала», – думала она про себя.

А утки летели вслед за несшей её передней парой, кричали и хвалили её.

– Удивительно умная голова наша лягушка, – говорили они, – даже между утками мало таких найдётся.

Она едва удержалась, чтобы не поблагодарить их, но вспомнив, что, открыв рот, она свалится со страшной высоты, ещё крепче стиснула челюсти и решила терпеть. Она болталась таким образом целый день: несшие её утки переменялись на лету, ловко подхватывая прутик; это было очень страшно: не раз лягушка чуть было не квакала от страха, но нужно было иметь присутствие духа, и она его имела. Вечером вся компания остановилась в каком-то болоте; с зарёю утки с лягушкой снова пустились в путь, но на этот раз путешественница, чтобы лучше видеть, что делается на пути, прицепилась спинкой и головой вперёд, а брюшком назад. Утки летели над сжатыми полями, над пожелтевшими лесами и над деревнями, полными хлеба в скирдах; оттуда доносился людской говор и стук цепов, которыми молотили рожь. Люди смотрели на стаю уток и, замечая в ней что-то странное, показывали на неё руками. И лягушке ужасно захотелось лететь поближе к земле, показать себя и послушать, что об ней говорят. На следующем отдыхе она сказала:

– Нельзя ли нам лететь не так высоко? У меня от высоты кружится голова, и я боюсь свалиться, если мне вдруг сделается дурно.

И добрые утки обещали ей лететь пониже. На следующий день они летели так низко, что слышали голоса:

– Смотрите, смотрите! – кричали дети в одной деревне, – утки лягушку несут!

Лягушка услышала это, и у неё прыгало сердце.

– Смотрите, смотрите! – кричали в другой деревне взрослые, – вот чудо-то!

«Знают ли они, что это придумала я, а не утки?» – подумала квакушка.

– Смотрите, смотрите! – кричали в третьей деревне. – Экое чудо! И кто это придумал такую хитрую штуку?

Тут лягушка уж не выдержала и, забыв всякую осторожность, закричала изо всей мочи:

– Это я! Я!

И с этим криком она полетела вверх тормашками на землю. Утки громко закричали; одна из них хотела подхватить бедную спутницу на лету, но промахнулась. Лягушка, дрыгая всеми четырьмя лапками, быстро падала на землю; но так как утки летели очень быстро, то и она упала не прямо на то место, над которым закричала и где была твёрдая дорога, а гораздо дальше, что было для неё большим счастьем, потому что она бултыхнулась в грязный пруд на краю деревни.

Она скоро вынырнула из воды и тотчас же опять сгоряча закричала во все горло:

– Это я! Это я придумала!

Но вокруг неё никого не было. Испуганные неожиданным плеском, местные лягушки все попрятались в воду. Когда они начали показываться из неё, то с удивлением смотрели на новую.

И она рассказала им чудную историю о том, как она думала всю жизнь и наконец изобрела новый, необыкновенный способ путешествия на утках; как у неё были свои собственные утки, которые носили её, куда ей было угодно; как она побывала на прекрасном юге, где так хорошо, где такие прекрасные тёплые болота и так много мошек и всяких других съедобных насекомых.

– Я заехала к вам посмотреть, как вы живёте, – сказала она. – Я пробуду у вас до весны, пока не вернутся мои утки, которых я отпустила.

Но утки уж никогда не вернулись. Они думали, что квакушка разбилась о землю, и очень жалели её.

 1. Опиши лягушку-путешественницу. Используй слова: *мечтательная, изобретательная, смелая, болтливая, хвастливая.*

2. Почему упала лягушка? Выбери один ответ:

- а) Потому что она не умела летать.
- б) Потому что она хвасталась.
- в) Её сбросили утки.

Найди в тексте слова, которые покажут, что ты прав.

Дмитрий Мамин-Сибиряк

СЕРАЯ ШЕЙКА

(Сказка)

1

Первый осенний холод, от которого пожелтела трава, привел всех птиц в большую тревогу. Все начали готовиться в далёкий путь и все имели такой серьёзный, озабоченный вид. Да, нелегко перелететь пространство в несколько тысяч вёрст... Сколько бедных птиц дорогой выбьется из сил, сколько погибнет от разных случайностей, – вообще, было о чём серьезно подумать.

Серьёзная, большая птица – лебеди, гуси и утки собирались в дорогу с важным видом, сознавая всю трудность предстоящего подвига; а более всех шумели, суетились и хлопотали маленькие птички – кулички-песочники, кулички-плавунчики, чернозобики, черныши, зуйки. Они давно уж собирались стайками и переносились с одного берега на другой, по отмелям и болотам с такой быстротой, точно кто бросил горсть гороху. У маленьких птичек была такая большая работа...

Лес стоял тёмный и молчаливый, потому что главные певцы улетели, не дожидаясь холода.

– И куда эта мелочь торопится! – ворчал старый Селезень, не любивший себя беспокоить. – В своё время все улетим... Не понимаю, о чём тут беспокоиться.

– Ты всегда был лентяем, поэтому тебе и неприятно смотреть на чужие хлопоты, – объяснила его жена, старая Утка.

– Я был лентяем? Ты просто несправедлива ко мне, и больше ничего. Может быть, я побольше всех забочусь, а только не показываю вида. Толку от этого немного, если буду бегать с утра до ночи по берегу, кричать, мешать другим, надоедать всем.

Утка вообще была не совсем довольна своим супругом, а теперь окончательно рассердилась:

– Ты посмотри на других-то, лентяй! Вон наши соседи, гуси или лебеди, – любо на них посмотреть. Живут душа в душу... Небось лебедь или гусь не бросит своего гнезда и всегда – впереди выводка. Да, да... А тебе до детей и дела нет. Только и думаешь о себе, чтобы набить зоб. Лентяй, одним словом... Смотреть-то на тебя даже противно!

– Не ворчи, старуха!.. Ведь я ничего не говорю, что у тебя такой неприятный характер. У всякого есть свои недостатки... Я не виноват, что гусь – глупая птица и поэтому нянчится со своим выводком. Вообще моё правило – не вмешиваться в чужие дела. Зачем? Пусть всякий живёт по-своему.

Селезень любил серьёзные рассуждения, причём оказывалось как-то так, что именно он, Селезень, всегда прав, всегда умён и всегда лучше всех. Утка давно к этому привыкла, а сейчас волновалась по совершенно особенному случаю.

– Какой ты отец? – накинулась она на мужа. – Отцы заботятся о детях, а тебе – хоть трава не расти!..

– Ты это о Серой Шейке говоришь? Что же я могу поделать, если она не может летать? Я не виноват...

Серой Шейкой они называли свою калеку-дочь, у которой было переломлено крыло ещё весной, когда подкралась к выводку Лиса и схватила утёнка. Старая Утка смело бросилась на врага и отбила утёнка; но одно крылышко оказалось сломанным.

– Даже и подумать страшно, как мы покинем здесь Серую Шейку одну, – повторяла утка со слезами. – Все улетят, а она останется одна-одиношенька. Да, совсем одна... Мы улетим на юг, в тепло, а она, бедняжка, здесь будет мёрзнуть... Ведь она наша дочь, и как я её люблю, мою Серую Шейку! Знаешь, старик, останусь-ка я с ней зимовать здесь вместе...

– А другие дети?

– Те здоровы, обойдутся и без меня.

Селезень всегда старался замять разговор, когда речь заходила о Серой Шейке. Конечно, он тоже любил её, но зачем же напрасно тревожить себя? Ну, останется, ну, замёрзнет, – жаль, конечно, а все-таки ничего не поделаешь. Наконец, нужно подумать и о других детях. Жена вечно волнуется, а нужно смотреть на вещи просто. Селезень про себя жалел жену, но не понимал в полной мере её материнского горя. Уж лучше было бы, если бы тогда Лиса совсем съела Серую Шейку, – ведь все равно она должна погибнуть зимою.

2

Старая Утка, ввиду близившейся разлуки, относилась к дочери-калеке с удвоенной нежностью. Бедная Серая Шейка ещё не знала, что такое раз-

лука и одиночество, и смотрела на сборы других в дорогу с любопытством новичка. Правда, ей иногда делалось завидно, что её братья и сестры так весело собираются к отлёту, что они будут опять где-то там, далеко-далеко, где не бывает зимы.

– Ведь вы весной вернетесь? – спрашивала Серая Шейка у матери.

– Да, да, вернёмся, моя дорогая... И опять будем жить все вместе.

Для утешения начинавшей задумываться Серой Шейки мать рассказала ей несколько таких же случаев, когда утки оставались на зиму. Она была лично знакома с двумя такими парами.

– Как-нибудь, милая, перебежься, – успокаивала старая Утка.

– Сначала поскучаешь, а потом привыкнешь. Если бы можно было тебя перенести на тёплый ключ, что и зимой не замерзает, – совсем было бы хорошо. Это недалеко отсюда... Впрочем, что же и говорить-то попусту, всё равно нам не перенести тебя туда!

– Я буду все время думать о вас... – повторяла бедная Серая Шейка. – Всё буду думать: где вы, что вы делаете, весело ли вам... Все равно и будет, точно и я с вами вместе.

Старой Утке нужно было собрать все силы, чтобы не выдать своего отчаяния. Она старалась казаться весёлой и плакала потихоньку ото всех. Ах, как ей было жаль милой, бедненькой Серой Шейки!.. Других детей она теперь почти не замечала и не обращала на них внимания, и ей казалось, что она даже совсем их не любит.

А как быстро летело время! Был уже целый ряд холодных утренников, от инея пожелтели берёзки и покраснели осины. Вода в реке потемнела, и самая река казалась больше, потому что берега оголились, – береговая поросль быстро теряла листву. Холодный осенний ветер обрывал засыхавшие листья и уносил их. Небо часто покрывалось тяжёлыми облаками, ронявшими мелкий осенний дождь. Вообще хорошего было мало, и который день уже неслись мимо стаи перелётной птицы...

Первыми тронулись болотные птицы, потому что болота уже начинали промерзать. Дальше всех оставались водоплавающие. Серую Шейку больше всего огорчал перелёт журавлей, потому что они так жалобно курлыкали, точно звали её с собой. У неё в первый раз сжалось сердце от какого-то тайного предчувствия, и она долго провожала глазами уносившуюся в небе журавлиную стаю.

«Как им, должно быть, хорошо!» – думала Серая Шейка.

Лебеди, гуси и утки тоже начинали готовиться к отлёту. Отдельные гнёзда соединялись в большие стаи. Старые и бывалые птицы учили молодых. Каждое утро эта молодёжь с весёлым криком делала большие прогулки, чтобы укрепить крылья для далёкого перелёта. Умные вожаки сначала обучали отдельные партии, а потом – всех вместе. Сколько было крика, молодого веселья и радости...

Одна Серая Шейка не могла принимать участия в этих прогулках и любовалась ими только издали. Что делать, приходилось мириться со своей судьбой. Зато как она плавала, как ныряла! Вода для неё составляла всё.

– Нужно отправляться... пора! – говорили старики вожаки. – Что нам здесь ждать?

А время летело, быстро летело... Наступил и роковой день. Вся стая сбилась в одну живую кучу на реке. Это было ранним осенним утром, когда вода еще была покрыта густым туманом. Утиный косяк¹ сбился из трёхсот штук. Слышно было только кряканье главных вожаков.

Старая Утка не спала всю ночь – это была последняя ночь, которую она проводила вместе с Серой Шейкой.

– Ты держись вон около того берега, где в реку сбегает ключик, – советовала она. – Там вода не замерзнет целую зиму...

Серая Шейка держалась в стороне от косяка, как чужая... Да все были так заняты общим отлётом, что на неё никто не обращал внимания. У старой Утки всё сердце изболелось за бедную Серую Шейку. Несколько раз она решала про себя, что останется; но как останешься, когда есть другие дети и нужно лететь вместе с косяком?..

– Ну, трогай! – громко скомандовал главный вожак, и стая поднялась разом вверх.

Серая Шейка осталась на реке одна и долго провожала глазами улетевший косяк. Сначала все летели одной живой кучей, а потом вытянулись в правильный треугольник и скрылись.

«Неужели я совсем одна? – думала Серая Шейка, заливаясь слезами. – Уж лучше было бы, если бы тогда Лиса меня съела...»

3

Река, на которой осталась Серая Шейка, весело катилась в горах, покрытых густым лесом. Место было глухое – и никакого жилья кругом. По утрам вода у берегов начинала замерзать, а днём тонкий, как стекло, лёд таял.

¹ Косяк – здесь: стая.

«Неужели вся река замерзнет?» – думала Серая Шейка с ужасом.

Скучно ей было одной, и она все думала про своих улетевших братьев и сестёр. Где-то они сейчас? Благополучно ли долетели? Вспоминают ли про неё? Времени было достаточно, чтобы подумать обо всём. Узнала она и одиночество. Река была пуста, и жизнь сохранялась только в лесу, где по-свистывали рябчики, прыгали белки и зайцы.

Раз со скуки Серая Шейка забралась в лес и страшно перепугалась, когда из-под куста кубарем выкатил Заяц.

– Ах, как ты меня напугала, глупая! – проговорил Заяц, немного успокоившись. – Душа в пятки ушла... И зачем ты толчешься здесь? Ведь все утки давно улетели...

– Я не могу летать: Лиса мне крылышко перекусила, когда я была ещё совсем маленькой...

– Уж эта мне Лиса!.. Нет хуже зверя. Она и до меня давно добирается... Ты берегись её, особенно когда река покроется льдом. Как раз сцапает...

Они познакомились. Заяц был такой же беззащитный, как и Серая Шейка, и спасал свою жизнь постоянным бегством.

– Если бы мне крылья, как птице, так я бы, кажется, никого на свете не боялся!.. У тебя вот хоть и крыльев нет, так зато ты плавать умеешь, а не то возьмёшь и нырнёшь в воду, – говорил он. – А я постоянно дрожу со страху... У меня – кругом враги. Летом ещё можно спрятаться куда-нибудь, а зимой всё видно.

Скоро выпал и первый снег, а река всё ещё не поддавалась холоду. Всё, что замерзло по ночам, вода разбивала. Борьба шла не на живот, а на смерть. Всего опаснее были ясные, звёздные ночи, когда все затихало и на реке не было волн. Река точно засыпала, и холод старался сковать её льдом сонную.

Так и случилось. Была тихая-тихая, звёздная ночь. Тихо стоял тёмный лес на берегу, точно стража из великанов. Горы казались выше, как это бывает ночью. Высокий месяц обливал всё своим трепетным, искрившимся светом. Бурлившая днём, горная река присмирела, и к ней тихо-тихо подкрался холод, крепко-крепко обнял гордую, непокорную красавицу и точно прикрыл её зеркальным стеклом.

Серая Шейка была в отчаянии, потому что не замерзла только самая середина реки, где образовалась широкая полынья¹. Свободного места, где можно было плавать, оставалось не больше пятнадцати сажен.

Огорчение Серой Шейки дошло до последней степени, когда на берегу показалась Лиса – это была та самая Лиса, которая переломила ей крыло.

¹ Полынья – на реке или на озере место, свободное ото льда.

– А, старая знакомая, здравствуй! – ласково проговорила Лиса, оставившаяся на берегу. – Давненько не видались... Поздравляю с зимой.

– Уходи, пожалуйста, я совсем не хочу с тобой разговаривать, – ответила Серая Шейка.

– Это за мою-то ласку! Хороша же ты, нечего сказать!.. А впрочем, про меня много лишнего говорят. Сами наделают что-нибудь, а потом на меня и свалят... Пока – до свиданья!

Когда Лиса убралась, приковылял Заяц и сказал:

– Берегись, Серая Шейка: она опять придёт.

И Серая Шейка тоже начала бояться, как боялся Заяц. Бедная даже не могла любоваться творившимися кругом неё чудесами. Наступила уже настоящая зима. Земля была покрыта белоснежным ковром. Не оставалось ни одного тёмного пятнышка. Даже голые берёзы, ольхи, ивы и рябины убралась инеем, точно серебристым пухом. А ели сделались ещё важнее. Они стояли засыпанные снегом, как будто надели дорогую тёплую шубу.

Да, чудно хорошо было кругом! А бедная Серая Шейка знала только одно, что эта красота – не для неё, и трепетала при одной мысли, что её полынья вот-вот замёрзнет и ей некуда будет деться. Лиса действительно пришла через несколько дней, села на берегу и опять заговорила:

– Соскучилась я по тебе, уточка... Выходи сюда, а не хочешь, так я и сама к тебе приду... Я не спесива...

И Лиса принялась ползти осторожно по льду к самой полынье. У Серой Шейки замерло сердце. Но Лиса не могла подобраться к самой воде, потому что там лёд был ещё очень тонок. Она положила голову на передние лапки, облизнулась и проговорила:

– Какая ты глупая, уточка... Вылезай на лёд! А впрочем, до свиданья! Я тороплюсь по своим делам...

Лиса начала приходить каждый день – поведать, не застыла ли полынья. Наступившие морозы делали своё дело. От большой полыньи оставалось всего одно окно, в сажень величиной. Лёд был крепкий, и Лиса садилась на самом краю. Бедная Серая Шейка со страху ныряла в воду, а Лиса сидела и зло посмеивалась над ней:

– Ничего, ныряй, а я тебя все равно съем... Выходи лучше сама.

Заяц видел с берега, что проделывала Лиса, и возмущался всем своим заячьим сердцем:

– Ах, какая бессовестная эта Лиса!.. Какая несчастная эта Серая Шейка! Съест её Лиса...

4

По всей вероятности, Лиса и съела бы Серую Шейку, когда полынья замёрзла бы совсем, но случилось иначе. Заяц всё видел своими собственными косыми глазами.

Дело было утром. Заяц выскочил из своего логовища покормиться и поиграть с другими зайцами. Мороз был здоровый, и зайцы грелись, поколачивая лапку о лапку. Хотя и холодно, а всё-таки весело.

– Братцы, берегись! – крикнул кто-то.

Действительно, опасность была на носу. На опушке леса стоял сгорбленный старичок охотник, который подкрался на лыжах совершенно неслышно и высматривал, которого бы зайца застрелить.

«Эх, тёплая старухе шуба будет!» – соображал он, выбирая самого крупного зайца.

Он даже прицелился из ружья, но зайцы его заметили и кинулись в лес как сумасшедшие.

– Ах, лукавцы!¹ – рассердился старичок. – Вот уж я вас... Того не понимают, глупые, что нельзя старухе без шубы. Не мёрзнуть же ей... А вы Акинтича не обманете, сколько ни бегайте. Акинтич-то похитрее будет... А старуха Акинтичу вон как наказывала: «Ты смотри, старик, без шубы не приходи!» А вы – бегать...

Старичок пустился разыскивать зайцев по следам, но зайцы рассыпались по лесу, как горох. Старичок порядком измучился, обругал лукавых зайцев и присел на берегу реки отдохнуть.

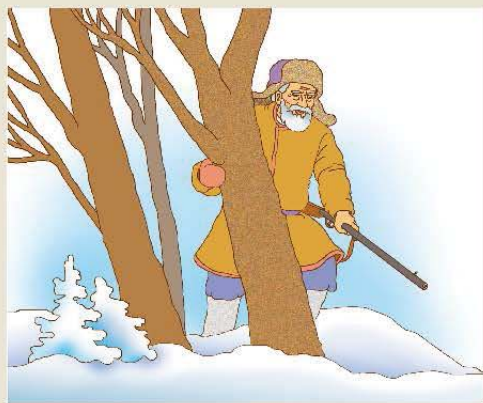
– Эх, старуха, старуха, убежала наша шуба! – думал он вслух. – Ну, вот отдохну и пойду искать другую.

Сидит старичок, горюет, а тут, глядь, – Лиса по реке ползёт, – так и ползёт, точно кошка.

– Ге, ге, вот так штука! – обрадовался старичок. – К старухиной-то шубе воротник сам ползёт... Видно, пить захотела, а то, может, и рыбки вздумала половить.

Лиса действительно подползла к самой полынье, в которой плавала Серая Шейка, и улеглась на льду. Стариковские глаза видели плохо и из-за Лисы не замечали утки.

¹ Лукавец – хитрец.

«Надо так её застрелить, чтобы воротника не испортить, – соображал старик, прицеливаясь в Лису. – А то вот как старуха будет браниться, если воротник-то в дырках окажется... Тоже своя сноровка везде надобна, а без снасти¹ и клопа не убьёшь».

Старичок долго прицеливался, выбирая место в будущем воротнике. Наконец грянул выстрел. Сквозь дым от выстрела охотник видел, как что-то

метнулось на льду, – и со всех ног кинулся к полынье. По дороге он два раза упал, а когда добежал до полыньи, только руками развёл: воротника как не бывало, а в полынье плавала одна перепуганная Серая Шейка.

– Вот так штука! – ахнул старичок, разводя руками. – В первый раз вижу, как Лиса в утку обратилась... Ну и хитёр зверь!

– Дедушка, Лиса убежала, – объяснила Серая Шейка.

– Убежала? Вот тебе, старуха, и воротник к шубе... Что же я теперь буду делать, а? Ну, и грех вышел... А ты, глупая, зачем тут плаваешь?

– А я, дедушка, не могла улететь вместе с другими. У меня одно крылышко попорчено...

– Ах, глупая, глупая!.. Да ведь ты замёрзнешь тут или Лиса тебя съест... Да...

Старичок подумал-подумал, покачал головой и решил:

– А мы вот что с тобой сделаем: я тебя внучкам унесу. Вот-то обрадуются... А весной ты старухе яичек нанесёшь да утятку выведешь. Так я говорю? Вот то-то, глупая...

Старичок добыл Серую Шейку из полыньи и положил за пазуху.

«А старухе я ничего не скажу, – соображал он, направляясь домой. – Пусть её шуба с воротником вместе ещё погуляет в лесу. Главное – внучки вот как обрадуются...»

Зайцы всё это видели и весело смеялись. Ничего, старуха и без шубы на печке не замёрзнет.

1. Могла ли такая история произойти на самом деле?
2. Это сказка или рассказ? Что здесь есть чудесного?
3. Как по-другому можно назвать эту сказку:
 - а) Храбрая уточка.

¹ Снасть – приспособление.

- б) Раненая уточка.
- в) Одинокая уточка.

Выбери одно название или придумай своё. Объясни свой выбор.

- ! 4. Рассмотр и иллюстрации, придумай заголовки к каждой. Приготовься пересказывать сказку по картинкам.
- * 5. Придумай продолжение этой сказки.

Чынгыз Айтматов

МАТЬ-ОЛЕНИХА

(Сказка из повести «Белый пароход»¹)

1

Случилось это давно. В давние-предавние времена, когда лесов на земле было больше, чем травы, а воды в наших краях было больше, чем суши, жило одно кыргызское племя на берегу большой и холодной реки. Энесай называлась та река. Протекает она далеко отсюда, в Сибири. На коне туда три года и три месяца скакать. Теперь эта река зовётся Енисей, а в ту пору она называлась Энесай. Потому и песня была такая:

Есть ли река шире тебя, Энесай,
Есть ли земля роднее тебя, Энесай?
Есть ли горе глубже тебя, Энесай,
Есть ли воля вольнее тебя, Энесай?
Нету реки шире тебя, Энесай,
Нету земли роднее тебя, Энесай,
Нету горя глубже тебя, Энесай,
Нету воли вольнее тебя, Энесай...

Вот такая она была, река Энесай.

Разные народы стояли тогда на Энесае. Трудно приходилось им, потому что жили они в постоянной вражде. Много врагов окружало кыргызское племя. То одни нападали, то другие, то кыргызы сами ходили в набег на других, угоняли скот, жгли жилища, убивали людей. Убивали всех, кого удавалось убить, – такие были времена. Человек не жалел человека. Человек истреблял человека.

Дошло до того, что некому стало хлеб сеять, скот умножать, на охоту ходить. Легче стало жить грабежом: пришёл, убил, забрал. А за убийство надо отвечать ещё большей кровью и за месть – ещё большей мезтью. И

¹ Сокращения.

чем дальше, тем больше лилось крови. Помутился разум у людей. Некому было примирить врагов. Самым умным и лучшим считался тот, кто умел застигнуть врага врасплох, перебить чужое племя до последней души, захватить стада и богатства.

Появилась в тайге странная птица. Пела, плакала по ночам до рассвета человеческим жалобным голосом, приговаривала, перелетая с ветки на ветку: «Быть великой беде! Быть великой беде!» Так оно и случилось, настал тот страшный день.

В тот день кыргызское племя на Энесае хоронило своего старого вождя. Много лет предводительствовал батыр Кульче, во многие походы ходил, во многих сечах рубился. В боях уцелел, но настал час его смертный. В великой печали пребывали соплеменники два дня, а на третий собрались предать земле останки батыра. По давнему обычаю тело вождя полагалось нести в последний путь берегом Энесая по обрывам и кручам, чтобы с высоты простилась душа умершего с материнской рекой.

Энесай, ведь «эне» – это мать, а «сай» – это русло, река. Чтобы душа его пропела в последний раз песню об Энесае:

Есть ли река шире тебя, Энесай,
Есть ли земля роднее тебя, Энесай?
Есть ли горе глубже тебя, Энесай,
Есть ли воля вольнее тебя, Энесай?
Нету реки шире тебя, Энесай,
Нету земли роднее тебя, Энесай,
Нету горя глубже тебя, Энесай,
Нету воли вольнее тебя, Энесай...

На погребальной сопке у открытой могилы полагалось батыра поднять над головами и показать ему четыре стороны света: «Вот твоя река. Вот твоё небо. Вот твоя земля. Вот мы, рождённые от одного с тобой корня. Мы все пришли проводить тебя. Спи спокойно». В память далёким потомкам на могиле батыра ставилась каменная глыба.

В дни похорон юрты всего племени расставляли цепью по берегу, чтобы каждая семья могла проститься у своего порога с батыром, когда будут проносить его тело на погребение, склонить к земле белый флаг скорби, голосить и плакать при этом и затем идти дальше вместе со всеми к следующей юрте, где опять будут причитать и плакать, и склонять белый флаг скорби, и так до конца пути, до самой погребальной сопки.

...Все были наготове, ожидая выноса батыра. А на опушке леса стояли на привязи девять жертвенных кобылиц, девять жертвенных быков, девять девяток жертвенных овец на поминальную тризну.

И тут случилось непредвиденное. Как бы ни враждовали энесайцы между собой, но в дни похорон вождей не принято было идти войной на соседей. А теперь полчища врагов, незаметно окруживших на рассвете погружённое в печаль становище кыргызов, выскочили из укрытий сразу со всех сторон, так что никто не успел сесть в седло, никто не успел взяться за оружие. И началось невиданное побоище. Убивали всех подряд. Так было задумано врагами, чтобы одним ударом покончить с дерзким племенем кыргызов. Убивали поголовно всех, чтобы некому было помнить об этом злодеянии, некому было мстить, чтобы время занесло сыпучим песком следы прошлого. Было – не было...

Человека долго рожать и растить, а убить – скорее скорого. Многие уже лежали порубленные, утопая в лужах крови, многие кинулись в реку, спасаясь от мечей и копий, и потонули в волнах Энесая. А вдоль берега, вдоль круч и обрывов пылали на целые вёрсты кыргызские юрты, объятые пламенем. Никто не успел убежать, никого не осталось в живых. Всё было порушено и сожжено. Тела поверженных сбросили с круч в Энесай. Враги ликovali: «Теперь эти земли наши! Теперь эти леса наши! Теперь эти стада наши!»

С богатой добычей уходили враги и не заметили, как вернулись из леса двое детей – мальчик и девочка. Непослушные и озорные, они ещё утром тайком от родителей побежали в ближайший лес драть лыки на лукошки. Заигрались они, не заметили, как зашли глубоко в чащу. А когда услышали шум и крики побоища и кинулись назад, то не застали в живых ни отцов, ни матерей своих, ни братьев, ни сестёр...

Увидели дети пыль копытную и пустились вдогонку. Вслед за лютыми врагами бежали дети с плачем и зовом. Только дети могли так поступить. Вместо того чтобы скрыться от убийц, они пустились их догонять. Лишь бы не оставаться одним, лишь бы уйти прочь от погромленного, проклятого места. Взявшись за руки, мальчик и девочка бежали за угоном, просили подождать, просили взять с собой. Но где было услышать их слабые голоса в гуле, ржанье и топоте, в жарком беге угона!

Долго в отчаянии бежали мальчик и девочка. Но так и не догнали. А потом упали на землю. Боялись оглянуться вокруг, боялись шевельнуться. Жутко им было. Прижались друг к дружке и не заметили, как уснули.

Недаром говорят – у сироты семь судеб. Ночь прошла благополучно. Зверь их не тронул, лесные чудовища не уволокли. А когда проснулись, было утро. Солнце светило. Птицы пели. Встали дети и снова побрели по следу угона. Собирали по пути ягоды и коренья. Шли они и шли, а на третий день остановились на горе. Смотрят, внизу на широком зелёном лугу великое пиршество идёт. Сколько юрт поставлено – не счесть, сколько костров дымят – не счесть, сколько народу вокруг костров – не счесть. Девушки на качелях качаются, песни поют. Силачи на потеху народу, как беркуты, кружат, кидают друг друга наземь. То враги праздновали свою победу.

Стояли на горе мальчик и девочка, не решались подойти. Но очень уж хотелось очутиться возле костров, где так вкусно пахло жареным мясом, хлебом, диким луком.

Не выдержали дети, стали спускаться с горы...

 Как ты думаешь, что произойдёт дальше?

2

Удивились хозяева пришельцам, окружили их кучей.

– Кто вы? Откуда?

– Мы голодные, – отвечали мальчик и девочка, – дайте нам поесть.

Те догадались по их речи, кто они такие. Зашумели, загалдели. Стали спорить: убить их, недобитое вражеское семя, тотчас же или к хану вести? Пока спорили, какая-то сердобольная женщина успела сунуть детям по

куску варёной конины. Их тащили к самому хану, а они не могли оторваться от еды. Повели их в высокую красную юрту, у которой стояла стража с серебряными топорами. А по становищу пронеслась тревожная весть, что неизвестно откуда появились дети кыргызского племени. Что бы это значило? Все побросали свои игры и пиршества, сбежались огромной толпой к ханской юрте. А хан в тот час восседал на белой как снег кошме со своими знатными воинами. Пил кумыс, подслащённый медом, песни слушал хвалебные. Когда узнал хан, зачем к нему явились, в страшную ярость пришёл: «Как вы смели тревожить меня? Разве не перебили мы племя кыргызское начисто? Разве не сделал я вас владыками Энесая на вечные времена? Чего же вы сбежались, трусливые души? Посмотрите, кто перед вами! Эй, Рябая Хромая Старуха! – крикнул хан. И сказал ей, когда она выступила из толпы: – Уведи-ка их в тайгу и сделай так, чтобы на этом кончилось племя кыргызское, чтобы в помине его не было, что-бы имя его забылось вовеки. Ступай, Рябая Хромая Старуха, сделай так, как я велю...»

Молча повиновалась Рябая Хромая Старуха, взяла мальчика и девочку за руки и повела их прочь. Долго шли они лесом, а потом вышли к берегу Энесая на высокую кручу. Здесь Рябая Хромая Старуха остановила детишек, поставила рядышком на краю обрыва. И перед тем, как столкнуть их вниз, проговорила:

– О великая река Энесай! Если гору сбросить в твою глубину, канет¹ гора, как камень. Если бросить сосну столетнюю, унесет её, как щепку. Прими же в воды свои две маленькие песчинки – двух детей человеческих. Нет им места на земле. Мне ли тебе сказывать, Энесай? Если бы звёзды стали людьми, им не хватило бы неба. Если бы рыбы стали людьми, им не хватило бы рек и морей. Мне ли тебе сказывать, Энесай? Возьми их, унеси их. Пусть покинут они наш постылый мир в младенчестве, с чистыми душами, с совестью детской, не запятнанной злыми умыслами и злыми делами, чтобы не знать им людского страданья и самим не причинять муки другим. Возьми их, возьми их, великий Энесай...

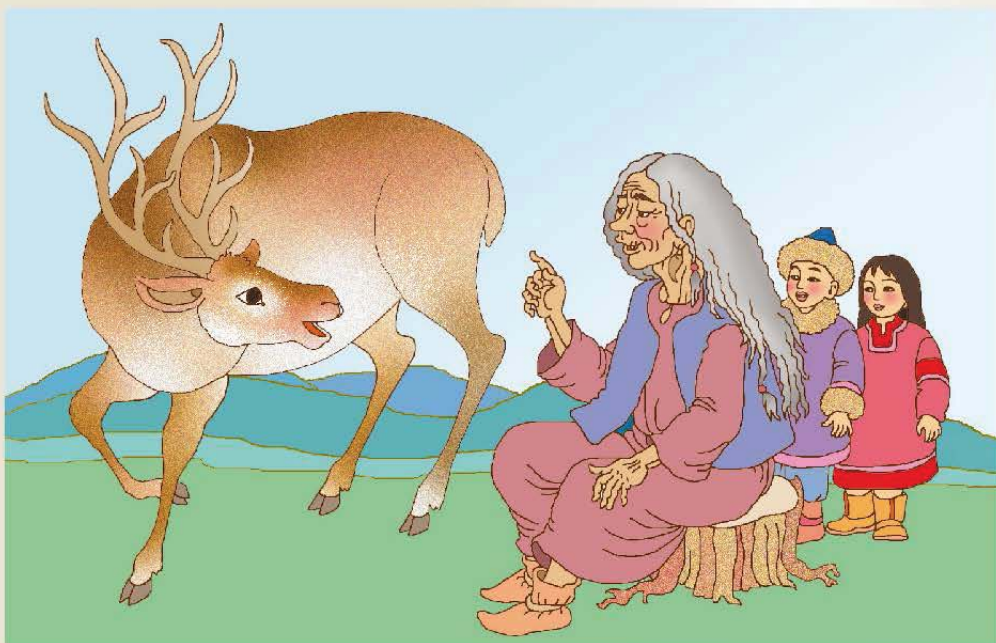
Только сказала она эти слова, как рядом раздался голос:

– Обожди, большая, мудрая женщина, не губи безвинных детей.

Обернулась Рябая Хромая Старуха, глянула – диву далась, стоит перед ней олениха, матка маралья. Да такие глаза у неё большущие, смотрят с укором и грустью. А сама олениха белая, как молозиво² первоматки, брюхо бурой шёрсткой подбито, как у малого верблюжонка. Рога – красота одна – развесистые, будто сучья осенних деревьев. А вымя чистое да гладкое, как груди женщины-кормилицы.

¹ Кануть – пропасть, исчезнуть.

² Молозиво – первое молоко.

– Кто ты? Почему ты говоришь человеческим языком? – спросила Рябая Хромая Старуха.

– Я мать-олениха, – отвечала ей та. – А заговорила так потому, что иначе ты не поймёшь меня, не слушаешься.

– Чего ты хочешь, мать-олениха?

– Отпусти детей, большая, мудрая женщина. Прошу тебя, отдай их мне.

– Зачем они тебе?

– Люди убили двойню мою, двух оленят. Я ищу себе детей.

– Ты хочешь их выкормить?

– Да, большая, мудрая женщина.

– А ты хорошенько подумала, мать-олениха? – засмеялась Рябая Хромая Старуха. – Ведь они дети человеческие. Они вырастут и будут убивать твоих оленят.

– Когда они вырастут, они не станут убивать моих оленят, – отвечала ей matka маралья. – Я им буду матерью, а они – моими детьми. Разве станут они убивать своих братьев и сестёр?

– Ох, не скажи, мать-олениха, не знаешь ты людей! – качала головой Рябая Хромая Старуха. – Не то что лесных зверей, они и друг друга не жалеют. Отдала бы я тебе сироток, чтобы ты сама узнала, что правдивы мои слова, но ведь и этих детей люди убьют у тебя. Зачем же тебе столько горя?

– Я уведу детей в далекий край, где их никто не разыщет. Пощади детишек, большая, мудрая женщина, отпусти их. Буду я им верной матерью...

Вымя моё переполнилось. Плачет моё молоко по детям. Просит моё молоко детей.

– Ну что ж, коли так, – промолвила Рябая Хромая Старуха, подумав, – бери да уводи их быстрее. Уводи сирот в свой далекий край. Но если погибнут они в пути дальнем, если убьют их разбойники встречные, если чёрной неблагодарностью отплатят тебе твои дети людские, – пеняй на себя.

Благодарила мать-олениха Рябую Хромую Старуху. А мальчику и девочке сказала:

– Теперь я ваша мать, вы мои дети. Поведу я вас в далекий край, где лежит среди снежных гор лесистых горячее море – Ысык-Куль.

Обрадовались мальчик и девочка, резво побежали за Рогатой матерью-оленихой. Но потом они устали, ослабли, а путь далёкий – из одного края света в другой. Не ушли бы они далеко, если бы Рогатая мать-олениха не кормила их молоком своим, не согревала телом своим по ночам. Долго шли они. Всё дальше оставалась позади старая родина Энесай, но и до новой родины, до Ысык-Куля, ещё было очень далеко. Лето и зиму, весну, лето и осень, ещё лето и зиму, ещё весну, ещё лето и осень пробирались они сквозь дремучие леса, по знойным степям, по зыбучим пескам, через высокие горы и бурные реки. Гнались за ними стаи волков, но Рогатая мать-олениха, посадив детей на себя, уносила их от лютых зверей. Гнались за ними на конях охотники со стрелами, крича: «Олениха похитила детей человеческих! Держи! Лови!» – и стрелы пускали вдогонку; и от них, от незваных спасателей, уносила детей Рогатая мать-олениха. Бежала она быстрее стрелы, только шептала: «Крепче держитесь, дети мои, – погоня!»

Привела наконец Рогатая мать-олениха детей своих на Ысык-Куль. Стояли они на горе – дивовались¹. Кругом снежные хребты, а посреди гор, поросших зелёным лесом, насколько глаз хватает, море плещется. Ходят белые волны по синей воде, ветры гонят их издали, угоняют вдаль. Где начало Ысык-Куля, где конец – не узнать. С одного края солнце восходит, а на другом ещё ночь. Сколько гор стоит вокруг Ысык-Куля – не счесть, а за теми горами сколько ещё таких же снежных гор высится – тоже не угадать.

– Это и есть ваша новая родина, – сказала Рогатая мать-олениха.

– Будете жить здесь, землю пахать, рыбу ловить, скот разводить. Живите здесь с миром тысячи лет. Да продлится ваш род и умножится. Да не забудут потомки ваши речь, которую вы сюда принесли, пусть им сладко будет говорить и петь на своём языке. Живите, как должны жить люди, а я буду с вами и с детьми ваших детей во все времена...

¹ Дивовались – удивлялись.

Вот так мальчик и девочка, последние из кыргызского племени, обрели себе новую родину на благословенном и вечном Ысык-Куле.

❓ Знаешь ли ты, что случилось дальше?

3

Быстро время прошло. Мальчик стал крепким мужчиной, а девочка – зрелой женщиной. И тогда поженились они, стали мужем и женой. А Рогатая мать-олениха не покинула Ысык-Куль, жила в здешних лесах.

Однажды на рассвете разбушевался вдруг Ысык-Куль, зашумел. Роды наступили у женщины, мучилась она. А мужчина испугался. Взбежал на скалу и стал громко звать:

– Где ты, Рогатая мать-олениха? Слышишь, как шумит Ысык-Куль? Твоя дочь рождает. Приходи скорей, Рогатая мать-олениха, помоги нам...

И слышался тогда издали звон переливчатый, словно караванный колокольчик позванивает. Всё ближе и ближе доносился тот звон. Прибежала Рогатая мать-олениха. На рогах своих, подцепив за дужку, принесла она

детскую колыбель – бешик. Бешик был из белой берёзы, а на дужке бешика серебряный колокольчик гремел. И поныне гремит тот колоколец на бешиках ысык-кульских. Качает мать колыбель, а колокольчик серебряный позванивает, будто бежит издали Рогатая мать-олениха, спешит, колыбель берёзовую несёт на рогах...

Как только явилась на зов Рогатая мать-олениха, так и разродилась женщина.

– Этот бешик для вашего первенца, – сказала Рогатая мать-олениха. – И будет у вас много детей. Семеро сыновей, семеро дочерей!

Обрадовались мать и отец. Назвали первенца своего в честь Рогатой матери-оленихи – Бугубаем. Вырос Бугубай, взял красавицу из племени кипчаков, и стал **умножаться род Бугу** – род Рогатой матери-оленихи. Стал большим и сильным род бугинцев на Ысык-Куле. Чтили Рогатую мать-олениху бугинцы как святыню. На бугинских юртах над входом вышивался знак – рога марала, чтобы издали было видно, что юрта принадлежит роду Бугу. Когда отражали бугинцы набег врагов, когда состязались на скачках, раздавался клич: «Бугу!» И всегда бугинцы выходили победителями. А в лесах ысык-кульских бродили тогда белые рогатые маралы, красоте которых завидовали звёзды в небе. То были дети Рогатой матери-оленихи. Никто их не трогал, никто в обиду не давал. При виде марала бугинец сходил с седла, уступая дорогу. Красоту любимой девушки сравнивали с красотой белого марала...

Так было, пока не умер один очень богатый, очень знатный бугинец – у него овец было тысячи тысяч, лошадей – тысячи тысяч, а все люди вокруг в пастухах у него были. Великие поминки устроили его сыновья. Созвали они на поминки самых знаменитых людей со всех концов земли. Для гостей поставили тысячу сто юрт на берегу Ысык-Куля. Не счесть, сколько скота было зарезано, сколько кумыса выпито, сколько яств кашгарских было подано.

Сыновья богача ходили важные: пусть знают люди, какие богатые и щедрые наследники остались после умершего, как они его уважают, как почитают его память... («Э-э, сын мой, худо, когда люди не умом блещут, а богатством!»)

...Много дней, как праздник, справлялись те знаменитые поминки. Очень хотелось кичливым¹ сыновьям богача затмить других, превзойти всех на свете, чтобы слава о них пошла по всей земле. **И надумали они установить на гробнице отца рога марала**, дабы все знали, что это усыпальница их славного предка из рода Рогатой матери-оленихи. («Э-э, сын

¹ Кичливый – гордый, надменный, спесивый.

мой, ещё в древности люди говорили, что богатство рождает гордыню, гордыня – безрассудство».)

Захотелось сыновьям богатея оказать памяти отца эту неслыханную честь, и ничто их не удержало. Сказано – сделано! Послали охотников, убили охотники марала, срубили его рога. А рога сажень¹, как крылья орла на взлёте. Понравились сыновьям маральи рога, по восемнадцать отростков на каждом – значит, жил восемнадцать лет. Хорош! Велели они мастерам установить рога на гробнице.

Старики возмутились:

– По какому праву убили марала? Кто посмел поднять руку на потомство Рогатой матери-оленихи?

А им отвечают наследники богача:

– Марал убит на нашей земле. И всё, что ходит, ползает, летает в наших владениях, от мухи до верблюда, – оно наше. Мы сами знаем, как нам поступать с тем, что наше. Убирайтесь.

Слуги отхлестали стариков плётками, посадили на коней задом наперед и погнали их с позором прочь.

С этого и пошло... Великое несчастье свалилось на потомство Рогатой матери-оленихи. Чуть ли не каждый стал охотиться в лесах на белых маралов. Каждый бугинец долгом считал установить на гробницах предков маральи рога. Дело это теперь почиталось за благо, за особое уважение к памяти умерших. А кто не умел добыть рога, того считали теперь недостойным человеком. Стали торговать маральими рогами, стали запасать их впрок. Появились такие люди из рода Рогатой матери-оленихи, что сделали своим ремеслом добычу маральих рогов и продажу их за деньги. («Э-э, сын мой, а там, где деньги, слову доброму не место, красоте не место».)

Гиблое время наступило для маралов в ысык-кульских лесах. Не было им пощады. Бежали маралы в недоступные скалы, но и там доставали их. Напускали на них своры гончих собак, чтобы выгоняли маралов на стрелков в засаде, били без промаха. Косяками губили маралов, выбивали их целыми стадами. Об заклад бились, кто достанет такие рога, на каких отростков больше.

И не стало маралов. Опустели горы. Не услышать марала ни в полночь, ни на рассвете. Не увидеть ни в лесу, ни на поляне, как он пасётся, как скачет, запрокинув на спину рога, как перемахивает через пропасть, точно птица в полёте. Народились люди, которые за всю свою жизнь ни разу не видели марала. Только слышали о нём сказки да видели рога на гробницах.

¹ Сажень – размером с сажень, то есть больше двух метров.

А что случилось с Рогатой матерью-оленихой?

Обиделась она, крепко обиделась на людей. Говорят, когда маралам совсем не стало житья от пугль и гончих собак, когда осталось маралов столько, сколько на пальцах нетрудно перечесать, поднялась Рогатая мать-олениха на самую высокую горную вершину, попрощалась с Ысык-Кулем и увела последних детей своих за великий перевал, в другой край, в другие горы.

Вот какие дела бывают на земле. Вот и сказка вся. Хочешь верь, хочешь нет.

А когда Рогатая мать-олениха уходила, сказала она, что никогда не вернётся...

1. Назови основные события, которые произошли в первой части сказки.
2. Расскажи, как проходили похороны батыра Кульче?
3. Найди во второй части описание матери-оленихи. Что в ней было чудесного?
4. Найди в третьей части слова рассказчика; выделенные жирным шрифтом. Выпиши их в тетрадь.
5. Кого осуждает рассказчик?
6. Подготовь пересказ третьей части, используй для составления плана выделенные предложения.
7. Какая главная мысль истории про мать-олениху? Выбери один ответ и объясни свой выбор:
 - а) Надо беречь животных, и они отплатят нам добром.
 - б) Надо соблюдать заветы предков.
 - в) Надо быть добрым и благодарным.
 - г) Жестокость и жадность до добра не доведут.
- * 8. У этой истории про мать-олениху есть автор – знаменитый кыргызский писатель Чынгыз Айтматов. Но он – только записал сказание, которое много столетий рассказывал кыргызский народ. На что больше похожа эта история? На сказку? На легенду? На притчу? Объясни свой ответ.

Вопросы и задания к разделу «Литературные сказки»

1. Объясни своими словами, что такое «литературная сказка».
2. Из какой сказки А. С. Пушкина эти строчки:
 - а) И к царевне наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летит...

б) Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку.

в) Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна?»

3. Вспомни, какие сказки А. С. Пушкина ты читал или слышал раньше?
Какую сказку ты любишь больше всего? Почему?

4. Назови сказку, в которой:

а) Главный герой очень любил хвастаться и из-за этого пострадал.

б) Главного героя спас охотник.

в) Главного героя спас поцелуй.

г) Главных героев спасла олениха.

 * 5. Когда Чынгыз Айтматов сочинял сказку о матери-оленихе, он переработал:

а) Легенду.

б) Народную сказку.

в) Былину.

 6. Что случилось, если бы у Красной Шапочки были сапоги-скороходы? А если бы Колобка утащили гуси-лебеди? Попробуй обработать, «переделать» какую-нибудь сказку. Для этого можно соединить двух персонажей из разных сказок или дать им волшебные предметы из других сказок. Сочини свою сказку для этого раздела.

А. А. Рылов. В голубом просторе

Михаил Меньшиков

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Лебеди прилетают на Ысык-Куль осенью. Они собираются стаями и плавают то вблизи берегов, то уходят на середину озера. А когда поднимается над озером морозный туман, лебедей не увидишь: они как бы сливаются с белёсым маревом¹, нависшим над Ысык-Кулем.

В такие дни Джаныш Абаков, двенадцатилетний мальчик, не по годам рослый, берёт у папы старый бинокль и обшаривает глазами прибрежные кусты и камыши. Но лебеди редко выходят на берег. Они предпочитают жить на воде. Вдали, в тумане, они появляются, словно льдинки в мороз, и тут же исчезают. И по тому, как они плывут, Джаныш угадывает, спокойны они или взволнованы, потревожили их сегодня или нет. Настоящие рыбаки и охотники никогда не трогают их. И лишь нехорошие люди (папа Джаныша называет их браконьерами) нападают на лебедей. Они на быстроходных моторных лодках подплывают к стае и поднимают шум. Джаныш знает, лебеди не могут взлететь с воды сразу. Чтобы подняться в воздух, они делают продолжительный разбег. А пока они готовятся к взлёту, люди хватают их за шеи и убивают.

¹ Маревы – туманная дымка.

– Просто! без всяких выстрелов, – говорит папа и от огорчения цокает языком.

И Джаныш даже слышал, кто убивает лебедей. Их он видит каждый день. И одноглазого сторожа склада «Заготзерно» Макара, и грузного секретаря сельсовета Рустами, и коротконового пастуха Исабая.

И как не ловчится инспектор охраны заповедника Халмурза, он не может поймать их с поличным. Однажды папа Джаныша сказал Халмурзе – толстогубому, хмурому человеку в очках, что если притаиться вон там, в камышах, можно поймать браконьеров.

– Это ты правильно придумал, – согласился инспектор. – Только никому об этом говори. – Халмурза сокрушённо вздохнул. – Эх, схватить бы мне одного из них...

И как рука у них поднимается убивать таких птиц? Народ говорит, что туда, где появился лебедь, приходит счастье.

Вечером, отправляясь в заросли камыша, Халмурза зашёл к отцу Джаныша, колхозному электромонтёру, и выпросил большой электрический фонарь с аккумулятором.

– Возьмите меня, – попросил Джаныш Халмурзу.

– Нельзя тебе... Всякое может случиться... – ответил инспектор.

– Если не помешает, возьми его, – попросил папа. – Не маленький уже. Матери дома нет: уехала к бабушке во Фрунзе. А я ухожу дежурить на электростанцию.

– Ну, если просит отец... – инспектор улыбнулся. – Одевайся потеплее. Кто знает, сколько придётся сидеть в камышах.

Темнело, когда катер инспектора вошёл в жёлтые заросли камыша. Халмурза достал бинокль и оглядел Ысык-Куль. Вдали, чуть ли не на середине озера, маячил тёмный предмет.

– А вон браконьеры, – сказал он и передал бинокль Джанышу. – Погляди, Макар и Исабай плывут сюда.

Холодная лунная ночь опустилась над Ысык-Кулем. Издалека, из Рыбачьего, как тихий вздох, доносились гудки паровозов. Несмелыми и неяркими звёздочками горели огоньки кыштак¹. Потом по озеру пополз белёсый морозный туман. Он укрыл огоньки кыштак; растворилась в нём и лодка Макара и Исабая.

– Плохо! – сказал Халмурза. – Потерять их можем.

Джаныш промолчал. Он сидел на лавочке в тёплом тулупе и больших папиных сапогах; ему было тепло и немножко хотелось спать.

– Еще днём, видно, заметили, где ночуют лебеди, – тихонько сказал Халмурза.

В тумане неясно, словно тень, вырисовывалась лодка с человеком, стоявшим на корме. По мере приближения её можно было увидеть и другого человека – гребца. Вот уже слышны и голоса людей. В камышах беспокойно завозились сонные лебеди.

Халмурза обнял Джаныша. Мальчик почувствовал, как напрягалось тело инспектора.

– Никого нет! – громко сказал Макар. – Начинай. – Он с силой ударил вёслами по воде. Взвизгнули уключины. Лодка быстро рванулась к камышам. – А ну смелее... Хватай!

В этот миг вспыхнул ослепительный свет. Сноп его вырвал из сгустившейся темноты Исабая и Макара.

Инспектор чуть-чуть опоздал. В руках Исабая уже хрипел, бился лебедь. Испуганно охнув, Исабай выпустил птицу из рук.

Джанышу показалось, что он спит и видит тяжёлый сон; он закричал тонко, пронзительно.

Халмурза подцепил багром лодку Макара и Исабая. – А ну отпусти, – свирепо крикнул Макар. Он схватил железный прут и бросился навстречу инспектору.

– Не ударишь, – сказал Халмурза. – Я знаю, ты большой трус!

Макар размахнулся, железный прут со свистом описал дугу над головой инспектора.

¹ Кыштак – кишлак, маленький аил.

– А ну ещё! – зло крикнул Халмурза. Он цепью прикрепил лодку Макара и Исабая к своей. Макар отвернулся, бросил прут в воду.

Раненый лебедь лежал распластанный на воде. Джаныш пытался втащить его в лодку, но не смог. Слишком тяжёлой оказалась птица. Помог Халмурза. И когда птицу положили на дно моторки, она хлопнула крыльями, вздохнула.

– Недолго проживёт! – сказал инспектор. – Пусть умрёт на воде... Он осторожно поднял лебедя, положил его на воду и отвёл лодку немного в сторону.

Медленно, словно просыпаясь от глубокого сна, лебедь глянул на чёрное небо, на воду и застонал.

– Лебедь прощается с жизнью, – объяснил Халмурза.

При свете фонаря Джаныш увидел, как большая слеза покатилась по его лицу. К лебедю, пренебрегая опасностью, вытянув шею, подплыло несколько птиц.

Потом Халмурза выключил мотор и направился к берегу. На буксире шла лодка Макара и Исабая.

Джанышу уже не хотелось спать. Он знал, что никогда не забудет эту светлую ночь, озеро, укрытое туманом, и лебедя, прощающегося с жизнью...

- 1. Определи главную тему этого рассказа:
 - а) мальчик помогает ловить браконьеров;
 - б) мальчик любит лебедями;
 - в) лебедь прощается с жизнью.
- 2. Определи идею, главную мысль этого рассказа:
 - а) лебеди прекрасны, их нельзя убивать;
 - б) дети должны беречь животных;
 - в) преступников надо наказывать.
- 3. Когда так говорят: «лебединая песня»?
- 4. Найди в тексте народную примету про лебедей. Запиши в тетрадь ещё две-три приметы про птиц. Нарисуй к ним картинку.

Толеген Касымбеков

В ЛЕСУ

Однажды осенью ребята из школы, в которой учились Токон с Ашимом, решили сделать подарок витаминному заводу. Кто-то из пятиклассников

предложил отправить заводу орехи, которых было полным-полно в лесу. На пионерском сборе это предложение было принято единогласно, уговаривать никого не пришлось – всем хотелось отправиться в поход.

Перед выходом в лес пионеры разбились на звенья. Возглавлял отряд вожатый Тургумбек. Растянувшись цепочкой, ребята отправились в путь. По дороге все шутили и смеялись, наперегонки бежали к небольшому роднику, что спрятался под ивовым кустом, и с удовольствием пили холодную, до ломоты в зубах воду.

Один только Токон не испытывал веселья. Он то и дело оглядывался назад, туда, где за поворотом пыльной просёлочной дороги остался аил. Ещё минуту назад он виднелся на горизонте, подпирая синее небо телевизионными антеннами, а теперь на том месте смутно белело маленькое облачко.

Чем дальше уходил Токон от родного дома, тем отчётливее ощущал, как в сердце неудержимо закрадывались страх и тревога.

Когда отряд приблизился к лесу, Токон не выдержал и прошептал на ухо своему другу:

– Эй, Ашим, оказывается, мы далеко ушли. Если наступит ночь, что будем делать тогда? Куда пойдём?

– А никуда не пойдём, заночуем в лесу, – ответил беззаботно Ашим, срывая на ходу красивый жёлтый цветок.

– В лесу... – испуганно повторил Токон и замер на месте, не смея идти дальше.

– Ты чего? – удивился Ашим и неожиданно для себя громко рассмеялся, глядя на Токон.

А тот действительно в эту минуту был смешон. Его и без того большие глаза округлились, а узкий подбородок, перекосившись, вздрагивал в такт рукам.

Ашим смеялся, а бедному Токону было не до смеха. Мысль о том, что ночь застанет их в лесу, сразу напомнила дедушкины сказки о страшных привидениях и зверях, которые бродят по ночам в лесу в поисках пищи.

Закрыв глаза, Токон тут же представил, как он сидит в тёмной чаще леса, а в это время к нему подкрадывается кто-то... «И зачем я только согласился идти в этот дурацкий поход, – думал он. – Сидел бы, как раньше, дома или ещё лучше – поехал к дяде в город. Там люди, машины... И мороженое продают, а вечером на улице горят фонари».

Летние каникулы он всегда проводил в городе и поэтому ни разу не был с ребятами в лесу. Ещё на сборе он хотел отказаться от похода, думал притвориться больным, да этот Ашим как пристал, а ещё друг называется...

– Не поеду, – отговаривался вчера Токон. А Ашим к нему:

– Да что ты, Токон. Пожалеешь. В лесу так здорово, и ягод сколько хочешь, и по деревьям лазать можно.

Так и уговорил Токон. А Токону лес виделся таинственным и загадочным, со странными существами, которые в любую минуту могут схватить человека.

И теперь, идя по узкой лесной тропинке, Токон то и дело озирался по сторонам. За каждым подозрительным кустом ему мерещились хищные звери и чудовища.

Токон думал, что, может быть, ещё не поздно вернуться в село, но боялся отстать от отряда и торопливо шагал вслед за Ашимом. Настроение его совсем упало, но никто, кроме Ашима, этого не замечал.

– Ого! Вот это орех, – донеслось впереди, и все ускорили шаги. Вскоре пионеры наткнулись на заросли дикой вишни, сливы. Пробовали кислосладкие яблоки: ребята попали в настоящий сад, где всего было вдоволь. Рядом с огромным орешником можно было встретить лозы дикого винограда, которые, цепляясь за ветки деревьев, карабкались вверх, к свету и солнцу.

Вдоволь насытившись, школьники дружно приступили к сбору орехов. Звенья договорились соревноваться между собой, и каждому из них хотелось занять первое место.

На многоголосый шум пришёл лесничий. Увидев пионеров и узнав, зачем они пришли в лес, он успокоился, потом подошёл к Тургумбеку и пообещал ему прислать вечером телегу, чтобы увезти собранные орехи. Тургумбек поблагодарил доброго лесничего и кинулся догонять ребят.

Радостные возгласы сборщиком слышались по всему лесу. Сбитые орехи гулко ударялись о ветки и с шелестом падали на землю. Это веселило юных сборщиков, и они с ещё большим азартом атаковали дерево за деревом. Иногда орехи сыпались как град, и это вызывало у ребят неопиcуемый восторг.

Токон до самого обеда не отлучался от ребят. Всё время старался не отстать от неугомонного Ашима, который, не уставая, кружил вокруг деревьев. На любой посторонний шорох Токон пугливо озирался по сторонам, словно маленький козлёнок, отбившийся от стада.

Он всё ждал, что вот-вот из-за кустов выскочит какое-нибудь лесное чудовище, а оно всё не показывалось. Токон уже начал сомневаться в дедушкиных рассказах о лесных зверях, о том, что их в лесу – великое множество.

– Как здесь красиво, – восхищался он, глядя на стройные белые берёзы, могучие столетние дубы. В степи трава уже давно высохла, а в лесу она была ещё зелёной, словно на дворе стояла не осень, а ранняя весна. Расцветения попадались разные. Собирая их, можно составить целый гербарий.

– А где же «семиголовый дракон» моего деда? – спрашивал сам себя Токон, и на некоторое время к нему снова подбирался страх. Но постепенно страх проходил, вернее, Токон забывал о нём, любясь старым лесом.

Где-то неподалёку, чуть левее Токона, слышались голоса.

– Наверное, соседнее звено, – решил Токон. – Пойду-ка напугаю их.

Он незаметно свернул налево и двинулся сквозь кустарник на голоса. Ашим и другие ребята не заметили, как отстал от них Токон. Даже Тургумбек, шедший из соседнего звена, не встретил праздного шагающего по лесу Токона.

Токон брёл по густой траве. Вокруг сильно пахло мятой, где-то неподалёку журчал ручей. Пройдя ещё немного, он увидел маленькие подозрительные ямки. То были норы.

– Наверное, кровожадного зверя, – решил Токон и тут же свернул в сторону, спеша поскорее уйти от страшного места.

Вдруг за соседним кустом барбариса раздался подозрительный шорох. Токон замер, не двигаясь с места, и стоял до тех пор, пока из-за кустов не выпорхнула горлица, не на шутку испугавшая его.

Потом Токона насторожил стрёкот двух сорок. Они сидели на ветке орешины и насмешливо смотрели на озиравшегося по сторонам путника. Когда он подошёл к ним поближе, они улетели, решив держаться подальше от человека.

Неожиданно под деревом Токон увидел странного зверя. Шерсть на нём была сизо-голубая, а вдоль спины тянулась чёрная полоса. Широко открывая пасть, из которой выглядывали острые желтоватые зубы, хищник валялся в траве. Стараясь не дышать, Токон внимательно наблюдал за диким зверем.

В этот самый миг из-за куста появился другой зверь, точь-в-точь похожий на первого. Он сразу набросился на своего сородича, тот оскалился, защищаясь. Послышалось грозное рычание...

Это были барсуки, хотя Токон принял их за волков. Он так и стоял, не смея двинуться с места. Лицо его побелело от страха, а руки нервно дрожали.

Наконец, опомнившись, Токон начал потихоньку отступать назад, но сухие листья предательски зашуршали. Барсуки испуганно посмотрели в ту сторону, где стоял Токон.

«Увидели. Теперь нападут... – размышлял Токон. – Что делать?..» И вдруг он громко закричал:

– Маа-маа!

Перепуганные зверьки опрометью бросились наутёк. Они бежали неловко, с трудом переставляя толстые, короткие лапы.

Такой поворот дела удивил Токона. Он остановился и широко раскрытыми глазами смотрел на убегающих барсуков.

«Интересно, – думал он. – Дикие звери, а боятся меня. Как же так? И зубы у них есть...»

Вскоре испуг его прошёл, и он смело зашагал по лесу.

О том, что случилось с ним, Токон никому не рассказал. Он сидел на старом пне и не спеша колот орехи, поглядывая на работающих ребят.

К нему подошёл светловолосый мальчик в жёлтой рубашке и, улыбаясь, спросил:

– А ты почему не помогаешь нам собирать орехи?

– Нельзя ему, – смеясь, ответил кто-то из пионеров за Токон. – Он слабенький, ореха не поднимет.

– Ну, это мы ещё посмотрим, – разозлился Токон.

Недолго думая, он подбежал к самому большому дереву и начал быстро карабкаться вверх. Забравшись на макушку, сильно потрянул ветви, и на землю градом посыпались переспелые орехи. Девчонки кинулись собирать их.

– Вот вас! Я вам покажу, кто я такой, – кричал он и, напрягаясь, все сильнее тряс ветки орешины.

Этого ему показалось мало. Тогда он выбрал самую урожайную ветку и, подождав, пока ребята встанут под неё, сильно потрянул ногой.

– Ой-ой!

– Ой, по голове! – закричали внизу, и все разом разбежались.

Токон засмеялся:

– Что, бездельники, – испугались?

Один из ребят по имени Шамши, держась рукой за ушибленную голову, сердито произнёс:

– Сейчас перестанешь смеяться.

Он взял в руки большой незрелый орех.

– Что ты, что ты, – завопил с дерева Токон, – я же пошутил. Не бей, Шамши, я больше не буду...

После этого Токон перед тем, как тряхнуть ветки, предупреждал товарищей. Весело кричал:

– А ну убегайте поскорее, пока целы.

До вечера ребята собрали несколько мешков орехов, заполнили все корзины и стали готовиться в обратный путь.

– О-о... Да ты, оказывается, здесь! – закричал Ашим, увидев друга. – А мы думали, что ты убежал домой. Ну как, понравился лес?

– Конечно, ещё спрашиваешь.

Отряд с песнями возвращался в аил. А на другой день пионеры упаковали орехи в ящики, написав на них: «Джалал-Абад, витаминный завод».

- ?** 1. Почему Токон боялся ходить в лес?
2. Как менялось его настроение в лесу? Перечисли все состояния Токон и события, которые с ним произошли:
а) Токон не хотел идти в поход;
б) В сердце Токон закрадывались страх и тревога;
в) Токону мерещились дикие звери и чудовища;
г) (продолжи список)
- !** *3. Пользуясь этим списком, перескажи рассказ от имени Токон. Постарайся передать все его переживания.

Михаил Пришвин

СТАРЫЙ ГРИБ

(Рассказ¹)

Было это под осень, когда берёзки и осинки начинают сыпать на молодые ёлочки вниз золотые и красные пятячки.

¹ В сокращении

День был тёплый и даже паркий, когда грибы лезут из влажной, тёплой земли. В такой день, бывает, ты всё дочиста выберешь, а вскоре за тобой пойдёт другой грибник и тут же, с того самого места, опять собирает, ты берёшь, а грибы всё лезут и лезут.

Вот такой и был теперь грибной, паркий день. Но в этот раз мне с грибами не везло. Набрал я себе в корзину всякую дрянь: сыроежки, красно-головки, подберёзники, – а белых грибов нашлось только два. Будь бы боровики, настоящие грибы, стал бы я, старый человек, наклоняться за чёрным грибом¹! Но что делать, по нужде поклонись и сыроежке.

Очень парко было, и от поклонов моих загорелось у меня всё внутри и до смерти пить захотелось. Но не идти же в такой день домой с одними чёрными грибами! Времени было впереди довольно поискать белых.

Бывают ручейки в наших лесах, от ручейков расходятся лапки, от лапок мочежинки² или просто даже потные³ места. До того мне пить хотелось, что, пожалуй бы, даже и мокрой землицы попробовал. Но ручей был очень далеко, а дождевая туча ещё дальше: до ручья ноги не доведут, до тучи не хватит рук.

И слышу я, где-то за частым ельничком серенькая птичка пищит:

«Пить, пить!»

Это, бывает, перед дождиком серенькая птичка – дождевик – пить просит:

«Пить, пить!»

– Дурочка, – сказал я, – так вот тебя тучка-то и послушается!

Поглядел на небо, и где тут дожждаться дождя: чистое небо над нами и от земли пар, как в бане.

Что тут делать, как быть?

А птичка тоже по-своему всё пищит:

«Пить, пить!»

Усмехнулся я тут сам себе, что вот какой я старый человек, столько жил, столько видел всего на свете, столько узнал, а тут просто птичка, и у нас с ней одно желание.

– Дай-ка, – сказал я себе, – погляжу на товарища.

Продвинулся я осторожно, бесшумно в частом ельнике, приподнял одну веточку: ну, вот и здравствуйте!

Через это лесное оконце мне открылась поляна в лесу, посредине её две березы, под берёзами – пень и рядом с пнём в зелёном брусничнике красная сыроежка, такая огромная, каких в жизни своей я ещё никогда не

¹ Чёрный гриб – не ценный, не стоящий гриб. Самые ценные грибы называются белыми, а остальные грибы, хоть какого цвета, – чёрными.

² Лапки и мочежинки – здесь: тоненькие струйки от ручейков.

³ Потные – здесь: влажные.

видел. Она была такая старая, что края её, как это бывает только у сыроежек, завернулись вверх.

И от этого вся сыроежка была в точности как большая глубокая тарелка, притом наполненная водой. Повеселело у меня на душе.

Вдруг вижу: слетает с берёзы серая птичка, садится на край сыроежки и носиком – тюк! – в воду. И головку вверх, чтобы капля в горло прошла.

«Пить, пить!» – пищит ей другая птичка с берёзы.

Листик там был на воде в тарелке – маленький, сухой, жёлтый. Вот птичка клюнет, вода дрогнет, и листик загуляет. А я-то из оконца вижу всё и радуюсь и не спешу: много ли птичке надо, пусть себе напьётся, нам хватит!

Одна напилась, полетела на берёзу. Другая спустилась и тоже села на край сыроежки. И та, что напилась, сверху ей:

«Пить, пить!»

Вышел я из ельника так тихо, что птички не очень меня испугались, а только перелетели с одной берёзы на другую.

Но пищать они стали не спокойно, как раньше, а с тревогой, и я их так понимал, что одна спрашивала:

«Выпьет?»

Другая отвечала:

«Не выпьет!»

Я так понимал, что они обо мне говорили и о тарелке с лесной водой: одна загадывала – «выпьет», другая спорила – «не выпьет».

– Выпью, выпью! – сказал я им вслух.

Они ещё чаще запищали своё: «Выпьет-выпьет».

Но не так-то легко было мне выпить эту тарелку лесной воды.

Конечно, можно бы очень просто сделать, как делают все, кто не понимает лесной жизни и в лес приходит только, чтобы себе взять чего-нибудь. Такой своим грибным ножиком осторожно подрезал бы сыроежку, поднял к себе, выпил бы воду, а ненужную ему шляпку от старого гриба шмякнул бы тут же о дерево.

Удаль какая!

А по-моему, это просто неумно. Подумайте сами, как мог бы я это сделать, если из старого гриба на моих глазах напилась две птички, и мало ли кто пил без меня, и вот я сам, умирая от жажды, сейчас напьюсь, а после меня опять дождик нальёт, и опять все станут пить. А там дальше созреют в грибе семена – споры, ветер подхватит их, рассеет по лесу для будущего...

Видно, делать нечего. Покряхтел я, покряхтел, опустился на свои старые колени и лёг на живот. По нужде¹, говорю, поклонился я сыроежке.

¹По нужде – здесь: по необходимости.

А птички-то! Птички играют своё:
«Выпьет – не выпьет?»

1. Что нового ты узнал из этого рассказа?
2. Из каких слов видно, что автор любит и понимает лесную жизнь?
3. Найди в рассказе три сравнения. Выпиши их в тетрадь и проанализируй.
4. Какова идея этого произведения? Выбери один ответ и объясни свой выбор:
 - а) Нужда заставит колени гнуть.
 - б) Возле леса жить – голоду не видать.
 - в) Бережливость дороже богатства.

Константин Паустовский

ЗАЯЧЬИ ЛАПЫ

К ветеринару в наше село пришёл с Урженского озера Ваня Малявин и принёс завернутого в рваную ватную куртку маленького тёплого зайца. Заяц плакал и часто моргал красными от слёз глазами...

– Ты что, одурел? – крикнул ветеринар. – Скоро будешь ко мне мышей таскать, оголец¹!

– А вы не лаяйтесь², это заяц особенный, – хриплым шёпотом сказал Ваня. – Его дед прислал, велел лечить.

– От чего лечить-то?

– Лапы у него пожжённые.

Ветеринар повернул Ваню лицом к двери, толкнул в спину и прикрикнул вслед:

– Валяй, валяй! Не умею я их лечить. Зажарь его с луком – деду будет закуска.

Ваня ничего не ответил. Он вышел в сени, заморгал глазами, потянул носом и уткнулся в бревенчатую стену. По стене потекли слёзы. Заяц тихо дрожал под засаленной курткой.

– Ты чего, малый? – спросила Ваню жалостливая бабка Анисья; она привела к ветеринару свою единственную козу. – Чего вы, сердешные, вдвоём слёзы льёте? Ай случилось что?

– Пожжённый он, дедушкин заяц, – сказал тихо Ваня. – На лесном пожаре лапы себе пожёт, бегать не может. Вот-вот, гляди, умрёт.

¹ Оголец – мальчишка.

² Не лаяйтесь – не ругайтесь.

– Не умирать, малый, – прошамкала Анисья. – Скажи дедушке своему, ежели большая у него охота зайца выходить, пушай несёт его в город к Карлу Петровичу.

Ваня вытер слёзы и пошёл лесами домой, на Урженское озеро. Он не шёл, а бежал босиком по горячей песчаной дороге. Недавний лесной пожар прошёл стороной на север около самого озера. Пахло гарью и сухой гвоздикой. Она большими островами росла на полянах.

Заяц стонал.

Ваня нашёл по дороге пушистые, покрытые серебряными мягкими волосами листья, вырвал их, положил под сосенку и развернул зайца. Заяц посмотрел на листья, уткнулся в них головой и затих.

– Ты чего, серый? – тихо спросил Ваня. – Ты бы поел.

Заяц молчал.

– Ты бы поел, – повторил Ваня, и голос его задрожал. – Может, пить хочешь?

Заяц повёл рваным ухом и закрыл глаза.

Ваня взял его на руки и побежал напрямик через лес – надо было поскорее дать зайцу напиться из озера.

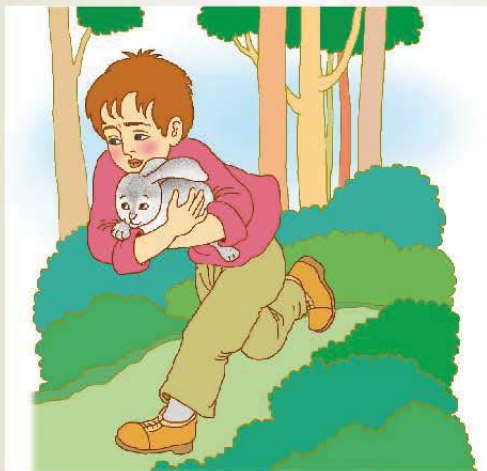
Неслыханная жара стояла в то лето над лесами. Утром наплывали вереницы белых облаков. В полдень облака стремительно рвались вверх, к зениту, и на глазах уносились и исчезали где-то за границами неба. Жаркий ураган дул уже две недели без передышки. Смола, стекавшая по сосновым стволам, превратилась в янтарный камень.

Наутро дед надел чистые онучи¹ и новые лапти, взял посох и кусок хлеба и пошёл в город. Ваня нёс зайца сзади. Заяц совсем притих, только изредка вздрагивал всем телом и судорожно вздыхал.

Суховей вздул над городом облако пыли, мягкой, как мука. В ней летал куриный пух, сухие листья и солома. Издали казалось, что над городом дымит тихий пожар.

На базарной площади было очень пусто, знойно; извозчичьи лошади дремали около водоразборной будки, и на головах у них были надеты соломенные шляпы. Дед перекрестился.

– Не то лошадь, не то невеста – шут их разберёт! – сказал он и сплюнул.

¹ Онучи – куски ткани, которой обматывают ноги, надевая сапоги или лапти.

Долго спрашивали прохожих про Карла Петровича, но никто толком ничего не ответил. Зашли в аптеку. Толстый старый человек в пенсне и в коротком белом халате сердито пожал плечами и сказал:

– Это мне нравится! Довольно странный вопрос! Карл Петрович Корш – специалист по детским болезням – уже три года как перестал принимать пациентов. Зачем он вам?

Дед, заикаясь от уважения к аптекарю и от робости, рассказал про зайца.

– Это мне нравится! – сказал аптекарь. – Интересные пациенты завелись в нашем городе. Это мне замечательно нравится!

Он нервно снял пенсне, протёр, снова нацепил на нос и уставился на деда. Дед молчал и топтался на месте. Аптекарь тоже молчал. Молчание становилось тягостным.

– Почтовая улица, три! – вдруг в сердцах крикнул аптекарь и захлопнул какую-то растрёпанную толстую книгу. – Три!

Дед с Ваней добрали до Почтовой улицы как раз вовремя – из-за Оки заходила высокая гроза. Ленивый гром потягивался за горизонтом, как за-спанный силач распрямлял плечи и нехотя потряхивал землю. Серая рябь пошла по реке. Бесшумные молнии исподтишка, но стремительно и сильно били в луга; далеко за Полями уже горел стог сена, зажжённый ими. Крупные капли дождя падали на пыльную дорогу, и вскоре она стала похожа на лунную поверхность: каждая капля оставляла в пыли маленький кратер.

Карл Петрович играл на рояле нечто печальное и мелодичное, когда в окне появилась растрёпанная борода деда.

Через минуту Карл Петрович уже сердился.

– Я не ветеринар, – сказал он и захлопнул крышку рояля. Тотчас же в лугах проворчал гром. – Я всю жизнь лечил детей, а не зайцев.

– Что ребенок, что заяц – всё одно, – упрямо пробормотал дед. – Всё одно! Полечи, яви милость! Ветеринару нашему такие дела неподсудны. Он у нас коновал. Этот заяц, можно сказать, спаситель мой: я ему жизнью обязан, благодарность оказывать должен, а ты говоришь – бросить!

Ещё через минуту Карл Петрович – старик с седыми взъерошенными бровями, – волнуясь, слушал спотыкающийся рассказ деда.

Карл Петрович в конце концов согласился лечить зайца. На следующее утро дед ушёл на озеро, а Ваню оставил у Карла Петровича ходить за зайцем.

Через день вся Почтовая улица, заросшая гусиной травой, уже знала, что Карл Петрович лечит зайца, обгоревшего на страшном лесном пожаре и спасшего какого-то старика. Через два дня об этом уже знал весь маленький город, а на третий день к Карлу Петровичу пришёл длинный юноша

в фетровой шляпе, назвался сотрудником московской газеты и попросил дать беседу о зайце.

Зайца вылечили. Ваня завернул его в ватное тряпье и понёс домой. Вскоре историю о зайце забыли, и только какой-то московский профессор долго добивался от деда, чтобы тот ему продал зайца. Присылал даже письма с марками на ответ. Но дед не сдавался. Под его диктовку Ваня написал профессору письмо:

Заяц не продажный, живая душа, пусть живёт на воле. При сём остаюсь Ларион Малявин.

...Этой осенью я ночевал у деда Лариона на Урженском озере. Созвездия, холодные, как крупинки льда, плавали в воде. Шумел сухой тростник. Утки зябли в зарослях и жалобно кричали всю ночь.

Деду не спалось. Он сидел у печки и чинил рваную рыболовную сеть. Потом поставил самовар – от него окна в избе сразу запотели и звёзды из огненных точек превратились в мутные шары. Во дворе лаял Мурзик. Он прыгал в темноту, ляскал зубами и отскакивал – воевал с непроглядной октябрьской ночью. Заяц спал в сенях и изредка во сне громко стучал задней лапой по гнилой половице.

Мы пили чай ночью, дожидаясь далёкого и нерешительного рассвета, и за чаем дед рассказал мне наконец историю о зайце.

В августе дед пошёл охотиться на северный берег озера. Леса стояли сухие, как порох. Деду попался зайчонок с рваным левым ухом. Дед выстрелил в него из старого, связанного проволокой ружья, но промахнулся. Заяц удрал.

Дед пошёл дальше. Но вдруг затревожился: с юга, со стороны Лопухов, сильно тянуло гарью. Поднялся ветер. Дым густел, его уже несло белой пеленой по лесу, затягивало кусты. Стало трудно дышать.

Дед понял, что начался лесной пожар и огонь идёт прямо на него. Ветер перешёл в ураган. Огонь гнало по земле с неслыханной скоростью. По словам деда, даже поезд не мог бы уйти от такого огня. Дед был прав: во время урагана огонь шёл со скоростью тридцати километров в час.

Дед побежал по кочкам, спотыкался, падал, дым выедал ему глаза, а сзади был уже слышен широкий гул и треск пламени.

Смерть наступала деда, хватала его за плечи, и в это время из-под ног у деда выскочил

заяц. Он бежал медленно и волочил задние лапы. Потом только дед заметил, что они у зайца обгорели.

Дед обрадовался зайцу, будто родному. Как старый лесной житель, дед знал, что звери гораздо лучше человека чувствуют, откуда идёт огонь, и всегда спасаются. Гибнут они только в тех редких случаях, когда огонь их окружает.

Дед побежал за зайцем. Он бежал, плакал от страха и кричал: «Погоди, милый, не беги так-то быстро!»

Заяц вывел деда из огня. Когда они выбежали из леса к озеру, заяц и дед – оба упали от усталости. Дед подобрал зайца и понёс домой. У зайца были опалены задние ноги и живот. Потом дед его вылечил и оставил у себя.

– Да, – сказал дед, поглядывая на самовар так сердито, будто самовар был всему виной, – да, а перед тем зайцем, выходит, я сильно провинился, милый человек.

– Чем же ты провинился?

– А ты выдь, погляди на зайца, на спасителя моего, тогда узнаешь. Бери фонарь!

Я взял со стола фонарь и вышел в сенцы. Заяц спал. Я нагнулся над ним с фонарем и заметил, что левое ухо у зайца рваное. Тогда я понял всё.

- 1. Кто главный герой рассказа? Объясни, почему ты так думаешь?
- 2. Кто тебе понравился больше всего? Чем? Как относится к этому герою автор?
- 3. Перечитай описание лесного пожара. Что испытал дед Ларион во время пожара?
- * 4. Что понял рассказчик, увидев рваное ухо зайца?
- * 5. Почему дед Ларион чувствовал свою вину перед зайцем?

Константин Паустовский

ТЁПЛЫЙ ХЛЕБ

(Сказка)

Когда кавалеристы проходили через деревню Бережки, немецкий снаряд разорвался на окраине и ранил в ногу вороного коня. Командир оставил раненого коня в деревне, а отряд ушёл дальше, пыля и позванивая удилами, – ушёл, закатился за рощи, за холмы, где ветер качал спелую рожь.

Коня взял к себе мельник Панкрат. Мельница давно не работала, но мучная пыль навеки въелась в Панкрата. Она лежала серой коркой на его ватнике и картузе. Из-под картуза посматривали на всех быстрые глаза мельника. Панкрат был скорый на работу, сердитый старик, и ребята считали его колдуном.

Панкрат вылечил коня. Конь остался при мельнице и терпеливо возил глину, навоз и жерди – помогал Панкрату чинить плотину.

Панкрату трудно было прокормить коня, и конь начал ходить по дворах побираться. Постоит, пофыркает, постучит мордой в калитку, и, глядишь, ему вынесут свекольной ботвы или чёрствого хлеба, или, случалось даже, сладкую морковку. По деревне говорили, что конь ничей, а вернее – общественный, и каждый считал своей обязанностью его покормить. К тому же конь – раненый, пострадал от врага.

Жил в Бережках со своей бабкой мальчик Филька, по прозвищу «Ну Тебя». Филька был молчаливый, недоверчивый, и любимым его выражением было: «Да ну тебя!» Предлагал ли ему соседский мальчишка походить на ходулях или поискать позеленевшие патроны, Филька отвечал сердитым басом: «Да ну тебя! Ищи сам!» Когда бабка выговаривала ему за неласковость, Филька отворачивался и бормотал: «Да ну тебя! Надоела!»

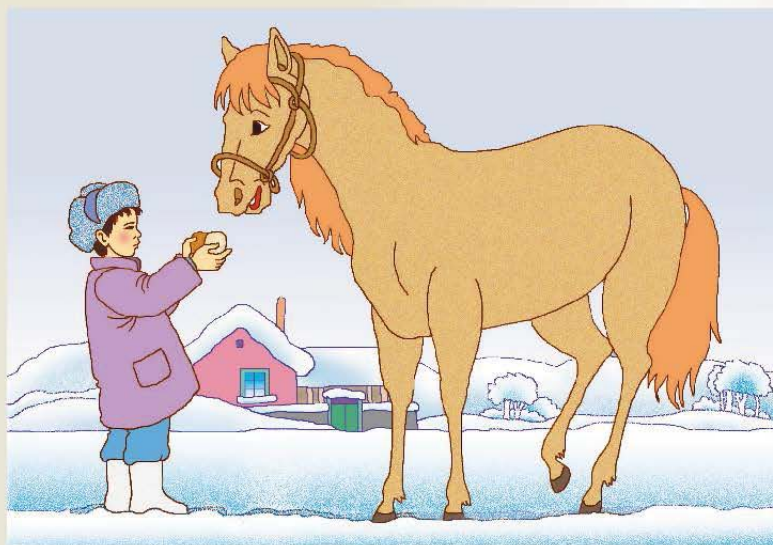
Зима в этот год стояла тёплая. В воздухе висел дым. Снег выпадал и тотчас таял. Мокрые вороны садились на печные трубы, чтобы обсохнуть, толкались, каркали друг на друга. Около мельничного лотка вода не замерзала, а стояла чёрная, тихая, и в ней кружились льдинки. Панкрат починил к тому времени мельницу и собирался молоть хлеб, – хозяйки жаловались, что мука кончается, осталось у каждой на два-три дня, а зерно лежит немолотое.

В один из таких тёплых серых дней раненый конь постучал мордой в калитку к Филькиной бабке. Бабки не было дома, а Филька сидел за столом и жевал кусок хлеба, круто посыпанный солью.

Филька нехотя встал, вышел за калитку. Конь переступил с ноги на ногу и потянулся к хлебу. «Да ну тебя! Дьявол!» – крикнул Филька и наотмашь ударил коня по губам. Конь отшатнулся, замотал головой, а Филька закинул хлеб далеко в рыхлый снег и закричал:

– На вас не напасёшься, на христорадников¹! Вон твой хлеб! Иди копай его мордой из-под снега! Иди копай! И вот после этого злорадного окрика и случились в Бережках те удивительные дела, о каких и сейчас люди говорят, покачивая головами, потому что сами не знают, было ли это или ничего такого и не было.

¹ Христорадники – нищие.

Слеза скатилась у коня из глаз. Конь заржал жалобно, протяжно, взмахнул хвостом, и тотчас в голых деревьях, в изгородях и печных трубах завыл, засвистел пронзительный ветер, вздул снег, запорошил Фильке горло. Филька бросился обратно в дом, но никак не мог найти крыльца – так уже мело кругом и хлестало в глаза. Летела по ветру мёрзлая солома с крыш, ломались скворечни, хлопали оторванные ставни. И всё выше взвивались столбы снежной пыли с окрестных полей, неслись на деревню, шурша, крутясь, перегоняя друг друга.

Филька вскочил наконец в избу, припёр дверь, сказал: «Да ну тебя!» – и прислушался. Ревела, обезумев, метель, но сквозь её рев Филька слышал тонкий и короткий свист – так свистит конский хвост, когда рассерженный конь бьёт им себя по бокам. Метель начала затихать к вечеру, и только тогда смогла добраться к себе в избу от соседки Филькина бабка. А к ночи небо зазеленело, как лёд, звёзды примёрзли к небесному своду, и колючий мороз прошёл по деревне. Никто его не видел, но каждый слышал скрип его валенок по твёрдому снегу, слышал, как мороз, озоруя, стискивал толстые брёвна в стенах, и они трещали и лопались.

Бабка, плача, сказала Фильке, что наверняка уже замёрзли колодцы и теперь их ждёт неминуемая смерть. Воды нет, мука у всех вышла, а мельница работать теперь не сможет, потому что река застыла до самого дна. Филька тоже заплакал от страха, когда мыши начали выбегать из подпола и хорониться под печкой в соломе, где ещё оставалось немного тепла. «Да ну вас! Проклятые!» – кричал он на мышей, но мыши всё лезли из подпола. Филька забрался на печь, укрылся тулупчиком, весь трясся и слушал причитания бабки.

– Сто лет назад упал на нашу округу такой же лютый мороз, – говорила бабка. – Заморозил колодцы, побил птиц, высушил до корня леса и сады. Десять лет после того не цвели ни деревья, ни травы. Семена в земле пожухли и пропали. Голая стояла наша земля. Обегал её стороной всякий зверь – боялся пустыни.

– Отчего же страяся тот мороз? – спросил Филька.

– От злости людской, – ответила бабка. – Шёл через нашу деревню старый солдат, попросил в избе хлеба, а хозяин, злой мужик, заспанный, крикливый, возьми и дай одну только чёрствую корку. И то не дал в руки, а швырнул на пол и говорит: «Вот тебе! Жуй!» – «Мне хлеб с полу поднять невозможно, – говорит солдат. – У меня вместо ноги деревяшка.» – «А ногу куда девал?» – спрашивает мужик. «Утерял я ногу на Балканских горах в турецкой баталии», – отвечает солдат. «Ничего. Раз дюже голодный – подымешь, – засмеялся мужик.

– Тут тебе камердинеров нету». Солдат побряхтел, изловчился, поднял корку и видит – это не хлеб, а одна зелёная плесень. Один яд!

Тогда солдат вышел на двор, свистнул – и враз сорвалась метель, пурга, буря закружила деревню, крыши посрывала, а потом ударил лютый мороз. И мужик тот помер.

– Отчего же он помер? – хрипло спросил Филька.

– От охлаждения сердца, – ответила бабка, помолчала и добавила: – Знать, и нынче завёлся в Бережках дурной человек, обидчик, и сотворил злое дело. Оттого и мороз.

– Чего ж теперь делать, бабка? – спросил Филька из-под тулупа. – Неужто помирать?

– Зачем помирать? Надеяться надо.

– На что?

– На то, что поправит дурной человек своё злодейство.

– А как его исправить? – спросил, всхлипывая, Филька.

– А об этом Панкрат знает, мельник. Он старик хитрый, учёный. Его спросить надо. Да неужто в такую стужу до мельницы добежишь? Сразу кровь остановится.

– Да ну его, Панкрата! – сказал Филька и затих.

Ночью он слез с печи. Бабка спала, сидя на лавке. За окнами воздух был синий, густой, страшный. В чистом небе над осокорями стояла луна, убранная, как невеста, розовыми венцами.

Филька запахнул тулупчик, выскочил на улицу и побежал к мельнице. Снег пел под ногами, будто артель весёлых пильщиков пилила под корень берёзовую рощу за рекой. Казалось, воздух замёрз и между землёй и лунной осталась одна пустота – жгучая и такая ясная, что если бы подняло

пылинку на километр от земли, то и её было бы видно, и она светилась бы и мерцала, как маленькая звезда.

Чёрные ивы около мельничной плотины поседали от стужи. Ветки их поблёскивали, как стеклянные. Воздух колот Фильке грудь. Бежать он уже не мог, а тяжело шёл, загребая снег валенками.

Филька постучал в окошко Панкратовой избы. Тотчас в сарае за избой заржал и забил копытом раненый конь. Филька охнул, присел от страха на корточки, затаился. Панкрат отворил дверь, схватил Фильку за шиворот и втащил в избу.

– Садись к печке, – сказал он. – Рассказывай, пока не замёрз.

Филька, плача, рассказал Панкрату, как он обидел раненого коня и как из-за этого упал на деревню мороз.

– Да-а, – вздохнул Панкрат, – плохо твоё дело! Выходит, что из-за тебя всем пропадать. Зачем коня обидел? За что? Бессмысленный ты гражданин!

Филька сопел, вытирал рукавом глаза.

– Ты брось реветь! – строго сказал Панкрат. – Реветь вы все мастера. Чуть что нашкодил – сейчас в рёв. Но только в этом я смысла не вижу. Мельница моя стоит, как запаянная морозом навеки, а муки нет, и воды нет, и что нам придумать – неизвестно.

– Чего же мне теперь делать, дедушка Панкрат? – спросил Филька.

– Изобрести спасение от стужи. Тогда перед людьми не будет твоей вины. И перед раненой лошастью – тоже. Будешь ты чистый человек, весёлый. Каждый тебя по плечу потреплет и простит. Понятно?

– Понятно, – ответил упавшим голосом Филька.

– Ну, вот и придумай. Даю тебе сроку час с четвертью.

В сенях у Панкрата жила сорока. Она не спала от холода, сидела на хомуте – подслушивала. Потом она боком, озираясь, поскакала к щели под дверь. Выскочила наружу, прыгнула на перильца и полетела прямо на юг. Сорока была опытная, старая и нарочно летела у самой земли, потому что от деревень и лесов всё-таки тянуло теплом и сорока не боялась замёрзнуть. Никто её не видел, только лисица в осиновом яру высунула морду из норы, повела носом, заметила, как тёмной тенью пронеслась по небу сорока, шарахнулась обратно в нору и долго сидела, почёсываясь и соображая: куда ж это в такую страшную ночь подалась сорока?

А Филька в это время сидел на лавке, ёрзал, придумывал.

– Ну, – сказал наконец Панкрат, затапывая махорочную сигарку, – время твоё вышло. Выкладывай! Льготного срока не будет.

– Я, дедушка Панкрат, – сказал Филька, – как рассветёт, соберу со всей деревни ребят. Возьмём мы ломы, пешни, топоры, будем рубить лёд у лотка около мельницы, покамест не дорубимся до воды и не потечёт она на колесо. Как пойдёт вода, ты пускай мельницу! Повернёшь колесо двадцать раз, она разогреется и начнёт молоть. Будет, значит, и мука, и вода, и всеобщее спасение.

– Ишь ты, шустрый какой! – сказал мельник. – Подо льдом, конечно, вода есть. А ежели лёд толщиной в твой рост, что ты будешь делать?

– Да ну его! – сказал Филька. – Пробьём мы, ребята, и такой лёд!

– А ежели замёрзнете?

– Костры будем жечь.

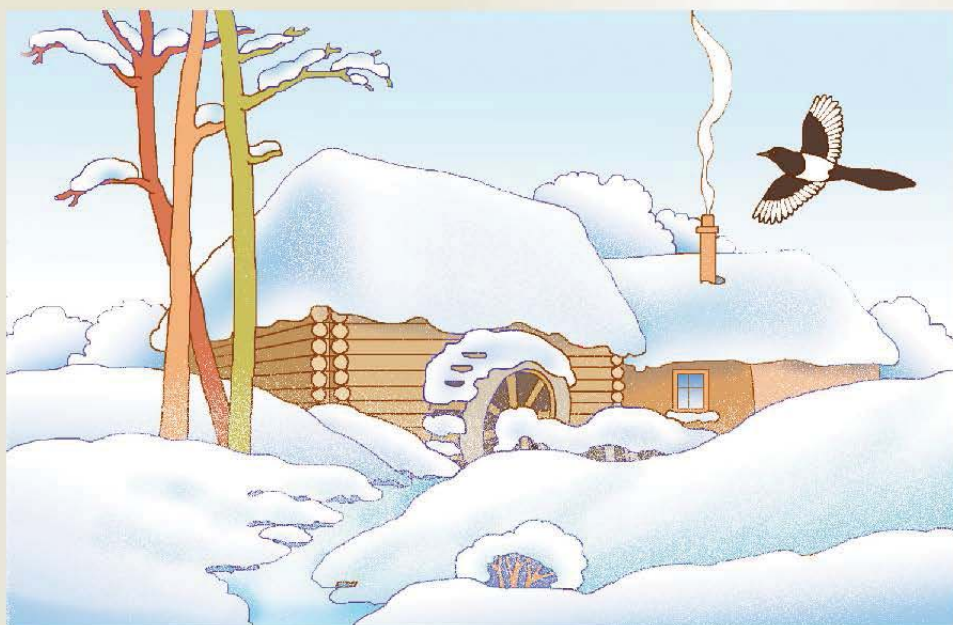
– А ежели не согласятся ребята за твою дурь расплачиваться своим горбом? Ежели скажут: «Да ну его! Сам виноват – пусть сам лёд и скалывает».

– Согласятся! Я их умолю. Наши ребята – хорошие.

– Ну, валяй собирай ребят. А я со стариками потолкую. Может, и старики натянут рукавицы да возьмутся за ломы.

В морозные дни солнце восходит багровое, в тяжёлом дыму. И в это утро поднялось над Бережками такое солнце. На реке был слышен частый стук ломов. Трещали костры. Ребята и старики работали с самого рассвета, скалывали лёд у мельницы. И никто сгоряча не заметил, что после полудня небо затянулось низкими облаками и задул по седым ивам ровный и тёплый ветер. А когда заметили, что переменялась погода, ветки ив уже оттаяли, и весело, гулко зашумела за рекой мокрая берёзовая роща. В воздухе запахло весной, навозом.

Ветер дул с юга. С каждым часом становилось всё теплее. С крыш падали и со звоном разбивались сосульки. Вороны вылезли из-под застрех и снова обсыхали на трубах, толкались, каркали.

Не было только старой сороки. Она прилетела к вечеру, когда от теплоты лёд начал оседать, работа у мельницы пошла быстро, и показалась первая полынья с тёмной водой.

Мальчишки стащили треухи и прокричали «ура». Панкрат говорил, что если бы не тёплый ветер, то, пожалуй, и не обколоть бы лёд ребятам и старикам. А сорока сидела на раките над плотиной, трещала, трясла хвостом, кланялась на все стороны и что-то рассказывала, но никто, кроме ворон, её не понял. А сорока рассказывала, что она долетела до тёплого моря, где спал в горах летний ветер, разбудила его, натрещала ему про лютый мороз и упростила его прогнать этот мороз, помочь людям.

Ветер будто бы не осмелился отказать ей, сороке, и задул, понёсся над полями, посвистывая и посмеиваясь над морозом. И если хорошенько прислушаться, то уже слышно, как по оврагам под снегом бурлит-журчит тёплая вода, моет корни брусники, ломает лёд на реке.

Всем известно, что сорока – самая болтливая птица на свете, и потому вороны ей не поверили – покаркали только между собой: что вот, мол, опять завралась старая.

Так до сих пор никто и не знает, правду ли говорила сорока, или всё это она выдумала от хвастовства. Одно только известно, что к вечеру лёд треснул, разошёлся, ребята и старики нажали – и в мельничный лоток хлынула с шумом вода.

Старое колесо скрипнуло – с него посыпались сосульки – и медленно повернулось. Заскрежетали жернова, потом колесо повернулось быстрее,

и вдруг вся старая мельница затряслась, заходила ходуном и пошла стучать, скрипеть, молотить зерно.

1. Найди в рассказе вступление. Для чего оно нужно?
2. Какой характер был у Фильки? Как он относился к людям? Из каких строчек это видно?
3. Какой поступок Фильки вызвал метель и страшный мороз?
4. Кто помог Фильке осознать свой поступок?
5. Как он стал исправлять последствия своего поступка? Кто помогал ему?

Сергей Аксаков

СНЕГ

Великолепен был вид зимней природы. Мороз выжал влажность из древесных сучьев и стволов, и кусты и деревья, даже камыши и высокие травы опушились блестящим инеем, по которому безвредно скользили солнечные лучи, осыпая их только холодным блеском алмазных огней. Красны, ясны и тихи стояли короткие зимние дни, похожие, как две капли воды, один на другой, а как-то невесело, беспокойно становилось на душе, да и народ приуныл. Болезни, безветрие, бесснежие, и впереди бескормица для скота. Как тут не приуныть?

Все молились о снеге, как летом о дожде, и вот, наконец, пошли косички по небу, мороз начал сдавать, померкла ясность синего неба, потянул западный ветер, и пухлая белая туча, незаметно надвигаясь, заволокла со всех сторон горизонт. Как будто сделав своё дело, ветер опять утих, и благодатный снег начал прямо, медленно, большими клочьями опускаться на землю.

Радостно смотрели крестьяне на порхающие в воздухе пушистые снежинки, которые, сначала порхая и кружась, опускались на землю. Снег начал идти с деревенского раннего обеда, шёл беспрестанно, час от часу гуще и сильнее.

Я всегда любил смотреть на тихое падение или опущение снега. Чтобы вполне насладиться этой картиной, я вышел в поле, и чудное зрелище представилось глазам моим: всё безграничное пространство вокруг меня представляло вид снежного потока, будто небеса разверзлись, рассыпались снежным пухом и наполнили весь воздух движением и поразительной тишиной. Наступали длинные зимние сумерки; падающий снег начал закрывать все предметы и белым мраком одевал землю...

Александр Пушкин

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалай
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет.
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя: где же кружка?
Сердцу будет веселей.

1. ? Сравни состояние природы в этот зимний вечер и настроение людей – Пушкина и его няни? Что их объединяет?
2. ! Найди и проанализируй сравнения.
3. Попробуй нарисовать бурю так, чтобы она была похожа на бурю, изображённую Пушкиным.

Александр Пушкин

НЯНЕ

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых

Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,

3. Какие эпитеты в стихотворении «Зимнее утро» передают состояние радости, счастья, бодрости?

Фёдор Тютчев

ЧАРОДЕЙКОЮ ЗИМОЮ...

* * *

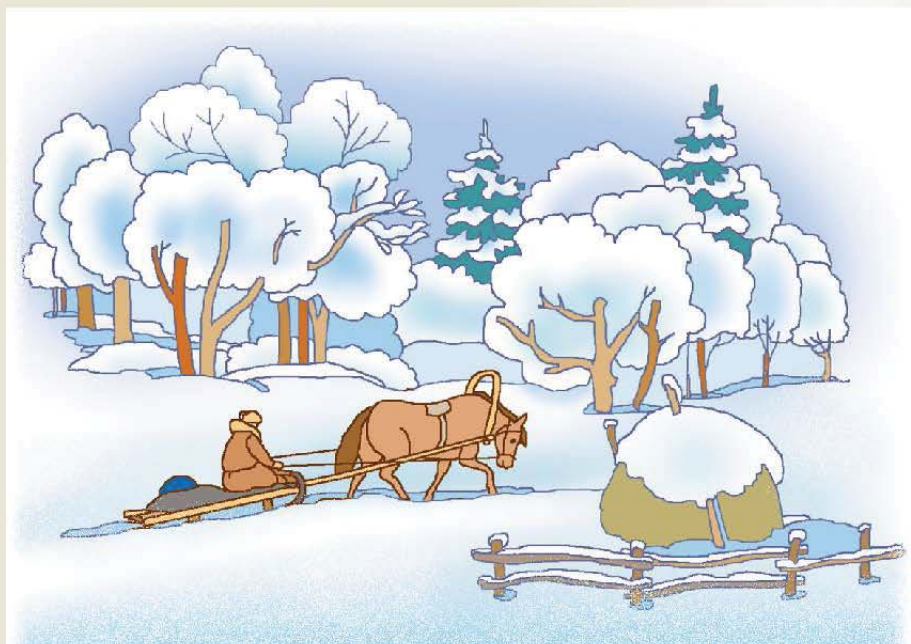
Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит –
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован, –
Не мертвец и не живой –

Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Лёгкой цепью пуховой.

Солнце зимнее ли мёщет¹
На него свой луч косой –
В нём ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

- ?** 1. Почему Ф. Тютчев про лес говорит «не мертвец и не живой»?
2. Как ты понимаешь слова «ослепительная краса»?
- *** 3. Какую сказку напоминает это стихотворение? Что в них общего?

¹ Мёщет – мечет, бросает.

Николай Некрасов

НЕ ВЕТЕР БУШУЕТ НАД БОРОМ...

(Из поэмы «Мороз-красный нос»)

* * *

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи –
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.
Глядит – хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?
Идёт – по деревьям шагает,
Трещит по замёрзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде...

- 1. Воевода – это господин, правитель. Почему Н. Некрасов именно так назвал мороз?
- 2. Как ты себе представляешь Мороза-воеводу?
- 3. Нарисуй иллюстрацию к этому стихотворению.

Вопросы и задания к разделу «Поэзия зимы»

1. Для чего поэты при описании зимы прибегают к олицетворениям?
2. Из какого стихотворения рифмы: бором – дозором, ручьи – свои?
3. Из какого стихотворения сравнения: «луна, как бледное пятно», снег – «великолепный ковёр»?
4. Найди в стихотворениях три сравнения и проанализируй их.
5. Рассмотрите картины с зимними пейзажами в разделе «Наш музей». К каким стихотворениям они подходят? Что в них общего?
6. Напиши по любой картине мини-сочинение на тему «Зима». Используй художественные приёмы: эпитеты, олицетворения, сравнения.

В глуши лесов сосновых

Царь сослал Пушкина в село Михайловское Псковской губернии, где находилось родовое имение поэта.

В двух верстах от деревни, на косогоре, одиноко стоял барский дом, деревянный, в один этаж. Внизу, под горой, текла река. За лугами по обе

стороны виднелись два больших озера. За усадьбой – насколько видно было глазу – синел сосновый бор.

Дом был старьй, половицы скрипели. Парадные комнаты были заперты, окна завешены. Зимой отапливали только комнаты. Печи дымили.

Встав поутру рано, Пушкин каждый день купался – летом спускался к реке, зимой шёл в баню, разбивал кулаком лёд в деревянной бочке, окунался в ледяную воду. В ясную погоду садился с утра на коня. В осеннюю слякоть и в зимнюю вьюгу, когда ему хорошо работалось, до полудня писал в постели, не одевался, чтобы не отвлечься, не уйти из дому. Обедал поздно – в сумерки. До сумерек, перед обедом, в любую погоду гулял по полям, по лесу. В длинные зимние вечера играл сам с собою на бильярде, слушал нянины сказки и песни.

Няне шёл седьмой десяток. Она бодрилась, сама топила печи, варила кофе, накрывала на стол. Опустив на колени спицы с чулком, смотрела из-под очков на смуглого своего питомца с сердечной заботой.

Сначала он тосковал сильно, хотел убежать в чужие края.

Он был один. Не было с ним товарищей. Не с кем было поделиться удачей, не у кого спросить совета. Потом привык, работа заняла его.

В своих произведениях описывал он занесённые снегом леса, и свой одинокий дом, и дворового мальчика на салазках, и свой одинокий бильярд, и свою старую няню.

За два года написал он столько, что другому хватило бы на долгую жизнь.

(По В. Смирновой)

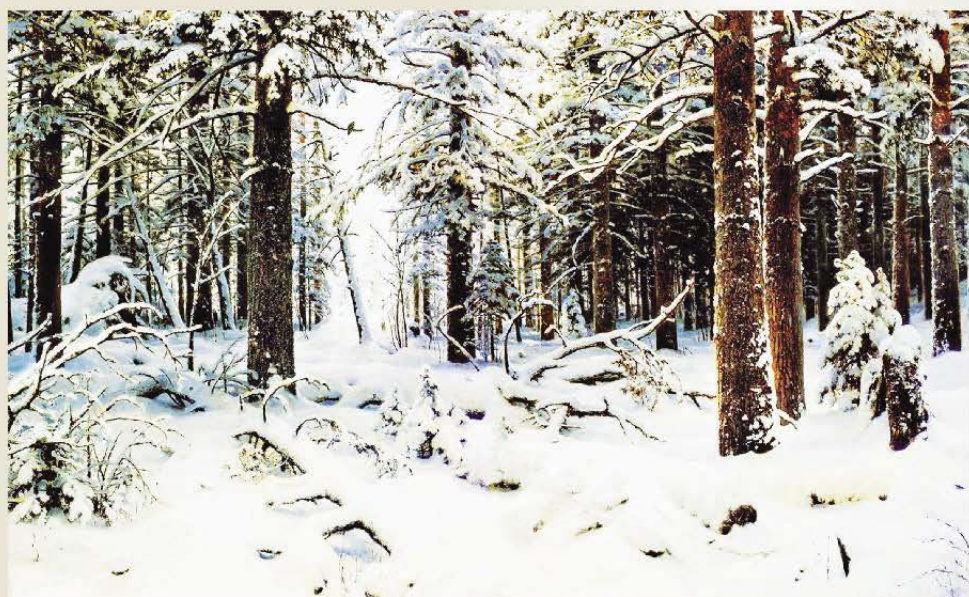
НАШ МУЗЕЙ

Н. Крымов. Зимний вечер

Б. Кустодиев. Масленица

И. Шишкин. Зима

Сергей Есенин

ЛЕБЁДУШКА¹

Из-за леса, леса тёмного,
Подымалась красна зорюшка,
Рассыпала ясной радугой
Огоньки-лучи багровые.

Загорались ярким пламенем
Сосны старые, могучие,
Наряжали сетки хвойные
В покрывала златотканые.

А кругом роса жемчужная
Отливала блёстки алые,
И над озером серебряным
Камыши, склонясь, шептались.

В это утро вместе с солнышком
Уж из тех ли тёмных зарослей
Выплывала, словно зоренька,
Белоснежная лебёдушка.

Позади ватагой стройною
Подвигались лебежатушки.
И дробилась гладь зеркальная
На колечки изумрудные...

Как и стала звать лебёдушка
Своих малых лебежатушек
Погулять на луг пестреющий,
Пощипать траву душистую.

¹ В сокращении.

Выходили лебежатушки
Теребить траву-муравушку,
И росинки серебристые,
Словно жемчуг, осыпались...

Пролетал ли коршун рощею,
Иль змея ползла равниною,
Гоготала лебедь белая,
Созывая малых детушек.

Хоронились лебежатушки
Под крыло ли материнское,
И когда гроза скрывалась,
Снова бегали-резвились.

Но не чуяла лебедушка,
Не видала оком доблестным,
Что от солнца золотистого
Надвигалась туча чёрная –

Молодой орёл под облаком
Расправлял крыло могучее
И бросал глазами молнии
На равнину бесконечную...

Грозный взмах крыла могучего
Отогнал седое облако,
И орёл, как точка чёрная,
Стал к земле спускаться кольцами.

В это время лебедь белая
Оглянула гладь зеркальную
И на небе отражавшемся
Увидала крылья длинные.

Встрепенулася лебедушка,
Закричала лебежатушкам,
Собрались детки малые
И под крылья схоронились¹.

А орёл, взмахнувши крыльями,
Как стрела на землю кинулся,
И впились когти острые
Прямо в шею лебединую.

Распустила крылья белые
Белоснежная лебедушка
И ногами помертвелыми
Оттолкнула малых детушек.

Побежали детки к озеру,
Понеслись в густые заросли,
А из глаз родимой матери
Покатились слёзы горькие.

А орёл когтями острыми
Раздирал ей тело нежное,
И летели перья белые,
Словно брызги, во все стороны.
Колыхалось тихо озеро,
Камыши, склоняясь, шептались,
А под кочками зелёными
Хоронились лебежатушки.

¹ Схорониться – спрятаться.

1. Какие слова в стихотворении тебе показались необычными? Уточни их значение по словарю. Сделай словарик устаревших слов.
- * 2. Найди в стихотворении олицетворения.
3. Что делает это стихотворение похожим на сказку? Назови не меньше трёх признаков.

Николай Некрасов

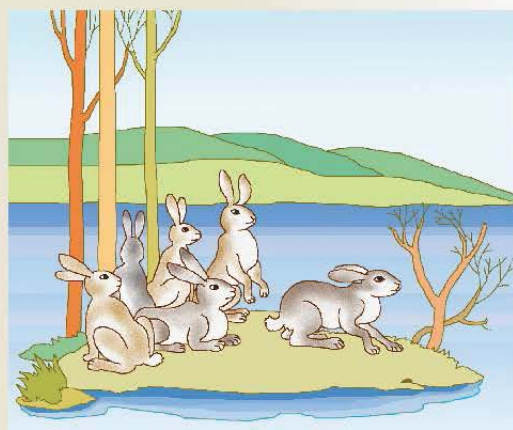
ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

(Отрывок)

...Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями её не ловили,
Кабы силками её не давили;
Зайцы вот тоже, – их жалко до слёз!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут¹, –
Нет! ещё мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал – их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет, –
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой –
Зайцы на нём собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними осталось
Меньше аршина² земли в ширину,
Меньше сажени в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, – ничего!
Только уселась команда косая,

¹ Гинуть – гибнуть.

² Аршин – старинная мера длины – 71 см.

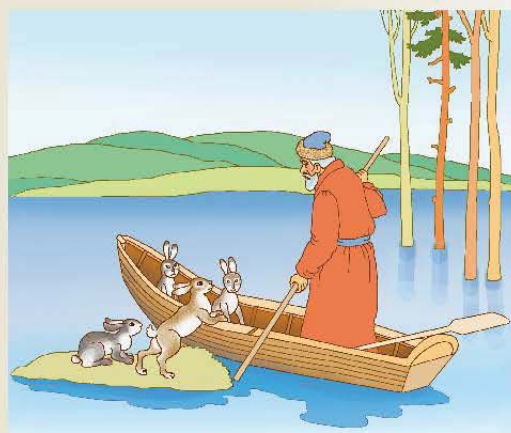

Весь островочек пропал под водой.
«То-то! – сказал я, – не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя¹, плывём в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его – тягота невелика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха –
Еле жива, а толста, как купчиха!
Я её, дуру, накрыл зипуном² –
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Зайцев с десятков спасалось на нём.
«Взял бы я вас – да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку –
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...
Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,

¹ Гуторить – разговаривать.

² Зипун – грубая крестьянская одежда.

Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил – и «с Богом!» сказал...
И во весь дух Пошли зайчишки.
А я им: «У-х!
Живей, зверишки!..
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур зимой Не попадайся!
Прицелюсь – бух!
И ляжешь... Ууу-х!..»
Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось –
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклат¹ – и домой приволок,
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выспались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул – и дали стречка!
Я проводил их всё тем же советом:
«Не попадайся зимой!»
Я их не бью ни весной, ни летом,
Шкура плохая, – линяет косой!..»

¹ Поклат – неправильно, правильно – положил.

- 1. Что такое половодье? В какое время года оно бывает?
- 2. Из каких строк видно, что дед Мазай жалел животных?
- 3. В каком месте ритм стихотворения резко меняется? Зачем это надо?
- * 4. Как относится автор к герою своего произведения? Почему ты так думаешь?

Антон Чехов

БЕЛОЛОБЫЙ

Голодная волчиха встала, чтобы идти на охоту. Ее волчата, все трое, крепко спали, сбившись в кучу, и грели друг друга. Она облизала их и пошла.

Был уже весенний месяц март, но по ночам деревья трещали от холода, как в декабре, и едва высунешь язык, как его начинало сильно щипать. Волчиха была слабого здоровья, мнительная; она вздрагивала от малейшего шума и всё думала о том, как бы дома без нее кто не обидел волчат. Запах человеческих и лошадиных следов, пни, сложенные дрова и темная унавоженная дорога пугали её; ей казалось, будто за деревьями в потёмках стоят люди и где-то за лесом воют собаки.

Она была уже не молода и чутьё у неё ослабело, так что, случалось, лисий след она принимала за собачий и иногда даже, обманутая чутьём, сбивалась с дороги, чего с нею никогда не бывало в молодости. По слабости здоровья она уже не охотилась на телят и крупных баранов, как прежде, и уже далеко обходила лошадей с жеребьятами, а питалась одною падалью; свежее мясо ей приходилось кушать очень редко, только весной, когда она, набредя на зайчиху, отнимала у неё детей или забиралась к мужикам в хлев, где были ягнята.

В верстах четырёх от её логовища, у почтовой дороги, стояло зимовье. Тут жил сторож Игнат, старик лет семидесяти, который всё кашлял и разговаривал сам с собой; обыкновенно ночью он спал, а днём бродил по лесу с ружьём-одностволкой и посвистывал на зайцев. Должно быть, раньше он служил в механиках, потому что каждый раз, прежде чем остановиться, кричал себе: «Стоп, машина!» и прежде чем пойти дальше: «Полный ход!» При нём находилась громадная чёрная собака неизвестной породы, по имени Арапка. Когда она забегала далеко вперед, то он кричал ей: «Задний ход!» Иногда он пел и при этом сильно шатался и часто падал (волчиха думала, что это от ветра) и кричал: «Сошёл с рельсов!»

Волчиха помнила, что летом и осенью около зимовья паслись баран и две ярки¹, и когда она не так давно пробежала мимо, то ей послышалось, будто в хлеву бляели. И теперь, подходя к зимовью, она соображала, что уже март и, судя по времени, в хлеву должны быть ягнята непременно. Её мучил голод, она думала о том, с какою жадностью она будет есть ягнёнка, и от таких мыслей зубы у неё щёлкали и глаза светились в потёмках, как два огонька.

Изба Игната, его сарай, хлев и колодец были окружены высокими сугробами. Было тихо. Арапка, должно быть, спала под сараем.

По сугробу волчиха взобралась на хлев и стала разгребать лапами и мордой соломенную крышу. Солома была гнилая и рыхлая, так что волчиха едва не провалилась; на неё вдруг прямо в морду пахнуло тёплым паром и запахом навоза и овечьего молока. Внизу, почувствовав холод, нежно заблеял ягнёнок. Прыгнув в дыру, волчиха упала передними лапами и грудью на что-то мягкое и тёплое, должно быть, на барана, и в это время в хлеву что-то вдруг завизжало, залаяло и залилось тонким, подвывающим голоском, овцы шарахнулись к стенке, и волчиха, испугавшись, схватила, что первое попало в зубы, и бросилась вон...

Она бежала, напрягая силы, а в это время Арапка, уже почувшая волка, неистово выла, кудахтали в зимовье потревоженные куры, и Игнат, выйдя на крыльцо, кричал:

– Полный ход! Пошёл к свистку!

И свистел, как машина, и потом – го-го-го-го!.. И весь этот шум повторяло лесное эхо.

Когда мало-помалу всё это затихло, волчиха успокоилась немного и стала замечать, что её добыча, которую она держала в зубах и волокла по снегу, была тяжелее и как будто твёрже, чем обыкновенно бывают в эту пору ягнята; и пахло как будто иначе, и слышались какие-то странные звуки... Волчиха остановилась и положила свою ношу на снег, чтобы отдохнуть и начать есть, и вдруг отскочила с отвращением. Это был не ягнёнок, а щенок, чёрный, с большой головой и на высоких ногах, крупной породы, с таким же белым пятном во весь лоб, как у Арапки. Судя по манерам, это был невежа, простой дворняжка. Он облизал свою помятую, раненую спину и, как ни в чём не бывало, замахал хвостом и залаял на волчиху. Она зарычала, как собака, и побежала от него. Он за ней. Она оглянулась и щёлкнула зубами; он остановился в недоумении и, вероятно, решив, что это она играет с ним, протянул морду по направлению к зимовью и залился звонким радостным лаем, как бы приглашая мать свою Арапку поиграть с ним и с волчихой.

¹ Ярка – овца.

Уже светало, и когда волчиха пробиралась к себе густым осинником, то было видно отчётливо каждую осинку, и уже просыпались тетерева и часто вспархивали красивые петухи, обеспокоенные неосторожными прыжками и лаем щенка.

«Зачем он бежит за мной? — думала волчиха с досадой. — Должно быть, он хочет, чтобы я его съела».

Жила она с волчатами в неглубокой яме; года три назад во время сильной бури вывернуло с корнем высокую старую сосну, отчего и образовалась эта яма. Теперь на дне её были старые листья и мох, тут же валялись кости и бычьи рога, которыми играли волчата. Они уже проснулись и все трое, очень похожие друг на друга, стояли рядом на краю своей ямы и, глядя на возвращавшуюся мать, помахивали хвостами. Увидев их, щенок остановился поодаль и долго смотрел на них; заметив, что они тоже внимательно смотрят на него, он стал лаять на них сердито, как на чужих.

Уже рассвело и взошло солнце, засверкал кругом снег, а он всё стоял поодаль и лаял. Волчата сосали свою мать, пихая её лапами в тощий живот, а она в это время грызла лошадиную кость, белую и сухую; её мучил голод, голова разболелась от собачьего лая, и хотелось ей броситься на непрошенного гостя и разорвать его.

Наконец щенок утомился и охрип; видя, что его не боятся и даже не обращают на него внимания, он стал несмело, то приседая, то подсакивая, подходить к волчатам. Теперь, при дневном свете, легко уже было рассмотреть его... Белый лоб у него был большой, а на лбу бугор, какой бывает у очень глупых собак; глаза были маленькие, голубые, тусклые, а выражение всей морды чрезвычайно глупое. Подойдя к волчатам, он протянул вперёд широкие лапы, положил на них морду и начал:

— Мня, мня... нга-нга-нга!..

Волчата ничего не поняли, но замахали хвостами. Тогда щенок ударил лапой одного волчонка по большой голове. Волчонок тоже ударил его лапой по голове. Щенок стал к нему боком и посмотрел на него искоса, помахивая хвостом, потом вдруг рванулся с места и сделал несколько кругов по насту. Волчата погнались за ним, он упал на спину и задрал вверх ноги, а они втроём напали на него и, визжа от восторга, стали кусать его, но не больно, а в шутку. Вороны сидели на высокой сосне и смотрели сверху на их борьбу, и очень беспокоились. Стало шумно и весело. Солнце припекало уже по-весеннему; и петухи, то и дело перелетавшие через сосну, поваленную бурей, при блеске солнца казались изумрудными.

Обыкновенно волчиха приучают своих детей к охоте, давая им поиграть добычей; и теперь, глядя, как волчата гонялись по насту за щенком и боролись с ним, волчиха думала:

«Пускай приучаются».

Наигравшись, волчата пошли в яму и легли спать. Щенок повыл немного с голоду, потом также растянулся на солнышке. А проснувшись, опять стали играть.

Весь день и вечером волчиха вспоминала, как прошлую ночью в хлеву блеял ягненок и как пахло овечьим молоком, и от аппетита она всё щёлкала зубами и не переставала грызть с жадностью старую кость, воображая себе, что это ягненок. Волчата сосали, а щенок, который хотел есть, бегал кругом и обнюхивал снег.

«Съем-ка его...» – решила волчиха.

Она подошла к нему, а он лизнул её в морду и заскулил, думая, что она хочет играть с ним. В былое время она едала собак, но от щенка сильно пахло псиной, и, по слабости здоровья, она уже не терпела этого запаха; ей стало противно, и она отошла прочь...

К ночи похолодело. Щенок соскучился и ушёл домой.

Когда волчата крепко уснули, волчиха опять отправилась на охоту. Как и в прошлую ночь, она тревожилась малейшего шума, и её пугали пни, дрова, тёмные, одиноко стоящие кусты можжевельника, издали похожие на людей. Она бежала в стороне от дороги, по насту. Вдруг далеко впереди на дороге замелькало что-то тёмное... Она напрягла зрение и слух: в самом деле, что-то шло впереди, и даже слышны были мерные шаги. Не барсук ли? Она осторожно, чуть дыша, забирая всё в сторону, обогнала тёмное пятно, оглянулась на него и узнала. Это, не спеша, шагом, возвращался к себе в зимовье щенок с белым лбом.

«Как бы он опять мне не помешал», – подумала волчиха и быстро побежала вперёд.

Но зимовье было уже близко. Она опять взобралась на хлев по сугробу. Вчерашняя дыра была уже заделана яровой соломой, и по крыше протянулись две новые слеги. Волчиха стала быстро работать ногами и мордой, оглядываясь, не идёт ли щенок, но едва пахнуло на неё тёплым паром и запахом навоза, как сзади послышался радостный, залихватый лай. Это вернулся щенок. Он прыгнул к волчихе на крышу, потом в дыру и, почувствовав себя дома, в тепле, узнав своих овец, залаял ещё громче... Арапка проснулась под сараем и, почуяв волка, завывала, закудахтали куры, и когда на крыльце показался Игнат со своей одностволкой, то перепуганная волчиха была уже далеко от зимовья.

– Фюйть! – засвистел Игнат. – Фюйть! Гони на всех парах!

Он спустил курок – ружьё дало осечку; он спустил ещё раз – опять осечка; он спустил в третий раз – и громадный огненный снап вылетел из ствола и раздалось оглушительное «бу! бу!» Ему сильно отдало в плечо;

и, взявши в одну руку ружьё, а в другую топор, он пошёл посмотреть, отчего шум...

Немного погодя он вернулся в избу.

– Что там? – спросил хриплым голосом странник, ночевавший у него в эту ночь и разбуженный шумом.

– Ничего... – ответил Игнат. – Пустое дело. Повадился наш Белолобый с овцами спать, в тепле. Только нет того понятия, чтобы в дверь, а норовит всё как бы в крышу. Намедни ночью разобрал крышу и гулять ушёл, подлец, а теперь вернулся и опять разворошил крышу.

– Глупый.

– Да, пружина в мозгу лопнула. Смерть не люблю глупых! – вздохнул Игнат, полезай на печь. – Ну, божий человек, рано ещё вставать, давай спать полным ходом...

А утром он подозвал к себе Белолобого, больно оттрепал его за уши и потом, наказывая его хворостиной, все приговаривал:

– Ходи в дверь! Ходи в дверь! Ходи в дверь!

- 1. Как ты думаешь, такая история могла случиться на самом деле?
- 2. Какие места в рассказе показались тебе самыми интересными?
- 3. Что самое смешное в рассказе?
- 4. Придумай другое название для этого рассказа.

Александр Куприн

БАРБОС И ЖУЛЬКА

Барбос был невелик ростом, но приземист и широкогруд. Благодаря длинной, чуть-чуть вьющейся шерсти в нём замечалось отдалённое сходство с белым пуделем, но только с пуделем, к которому никогда не прикасались ни мыло, ни гребень, ни ножницы. Летом он постоянно с головы до конца хвоста бывал унизан колючими «репьями»¹, осенью же клоки шерсти на его ногах, животе, изваявшись в грязи и потом высохнув, превращались в сотни коричневых, болтающихся сталактитов. Уши Барбоса вечно носили на себе следы «боевых схваток», а в особенно горячие периоды собачьего флирта² прямо-таки превращались в причудливые фестоны³. Таких собак, как он, искони и всюду зовут Барбосами. Изредка

¹ Репях – здесь: колючие плоды репейника.

² Флирт – ухаживание.

³ Фестон – украшение одежды, похожее на бахрому.

только, да и то в виде исключения, их называют Дружками. Эти собаки, если не ошибаюсь, происходят от простых дворняжек и овчарок. Они отличаются верностью, независимым характером и тонким слухом.

Жулька также принадлежала к очень распространённой породе маленьких собак, тех тонконогих собачек с гладкой чёрной шерстью и жёлтыми подпалинами над бровями и на груди, которых так любят отставные чиновники. Основной чертой её характера

была деликатная, почти застенчивая вежливость. Это не значит, чтобы она тотчас же перевертывалась на спину, начинала улыбаться или униженно ползала на животе, как только с ней заговаривал человек (так поступают все лицемерные, льстивые и трусливые собачонки). Нет, к доброму человеку она подходила с свойственной ей смелой доверчивостью, опиралась на его колено своими передними лапками и нежно протягивала мордочку, требуя ласки. Деликатность её выражалась главным образом в манере есть. Она никогда не попрошайничала, наоборот, её всегда приходилось упрашивать, чтобы она взяла косточку. Если же к ней во время еды подходила другая собака или люди, Жулька скромно отходила в сторону с таким видом, который как будто бы говорил: «Кушайте, кушайте, пожалуйста... Я уже совершенно сыта...» Право же, в ней в эти моменты было гораздо меньше собачьего, чем в иных почтенных человеческих лицах во время хорошего обеда.

Конечно, Жулька единогласно признавалась комнатной собачкой. Что касается до Барбоса, то нам, детям, очень часто приходилось его отстаивать от справедливого гнева старших и пожизненного изгнания во двор. Во-первых, он имел весьма смутные понятия о праве собственности (особенно если дело касалось съестных припасов), а во-вторых, не отличался аккуратностью в туалете. Этому разбойнику ничего не стоило стрескать в один присест добрую половину жареного пасхального индюка, воспитанного с особенною любовью и откормленного одними орехами, или улечься, только что выскочив из глубокой и грязной лужи, на праздничное, белое, как снег, покрывало маминой кровати.

Летом к нему относились снисходительно, и он обыкновенно лежал на подоконнике раскрытого окна в позе спящего льва, уткнув морду между вытянутыми передними лапами. Однако он не спал: это замечалось по его

бровям, всё время не перестававшим двигаться. Барбос ждал... Едва только на улице против нашего дома показывалась собачья фигура, Барбос стремительно скатывался с окошка, проскальзывал на брюхе в подворотню и полным карьером нёсся на дерзкого нарушителя территориальных законов. Он твёрдо памятовал великий закон всех единоборств и сражений: бей первый, если не хочешь быть битым, и поэтому наотрез отказывался от всяких принятых в собачьем мире дипломатических приёмов, вроде предварительного взаимного обнюхивания, угрожающего рычания, завивания хвоста кольцом и так далее. Барбос, как молния, настигал соперника, грудью сшибал его с ног и начинал грызню. В течение нескольких минут среди густого столба коричневой пыли барахтались, сплетаясь клубком, два собачьих тела. Наконец Барбос одерживал победу. В то время когда враг обращался в бегство, поджимая хвост между ногами, визжа и трусливо оглядываясь назад, Барбос с гордым видом возвращался на свой пост на подоконник. Правда, что иногда при этом триумфальном шествии он сильно прихрамывал, а уши его украшались лишними фестонами, но, вероятно, тем слаще казались ему победные лавры.

Между ними Жулькой царствовало редкое согласие и самая нежная любовь. Может быть, втайне Жулька осуждала своего друга за буйный нрав и дурные манеры, но во всяком случае явно она никогда этого не высказывала. Она даже и тогда сдерживала своё неудовольствие, когда Барбос, проглотив в несколько приёмов свой завтрак, нагло облизываясь, подходил к Жулькиной миске и засовывал в неё свою мокрую мохнатую морду. Вечером, когда солнце жгло не так сильно, обе собаки любили поиграть и повозиться на дворе. Они то бегали одна от другой, то устраивали засады, то с притворно сердитым рычанием делали вид, что ожесточенно грызутся между собой.

Однажды к нам во двор забежала бешеная собака. Барбос видел её со своего подоконника, но, вместо того чтобы, по обыкновению, кинуться в бой, он только дрожал всем телом и жалобно повизгивал. Собака носилась по двору из угла в угол, нагоняя одним своим видом панический ужас и на людей, и на животных. Люди попрятались за двери и боязливо выглядывали из-за них. Все кричали, распоряжались, давали бестолковые советы и подзадоривали друг друга. Бешеная собака тем временем уже успела искушать двух свиней и разорвать нескольких уток.

Вдруг все ахнули от испуга и неожиданности. Откуда-то из-за сарая выскочила маленькая Жулька и во всю прыть своих тоненьких ножек понеслась наперерез бешеной собаке. Расстояние между ними уменьшалось с поразительной быстротой. Потом они столкнулись... Это всё произошло так быстро, что никто не успел даже отозвать Жульку назад. От сильного

толчка она упала и покати́лась по земле, а бешеная собака тотчас же повернула к воротам и выскочила на улицу.

Когда Жульку осмотрели, то на ней не нашли ни одного следа зубов. Вероятно, собака не успела её даже укусить. Но напряжение героического порыва и ужас пережитых мгновений не прошли даром бедной Жульке... С ней случилось что-то странное, необъяснимое. Если бы собаки обладали способностью сходить с ума, я сказал бы, что она помешалась. В один день она исхудала до неузнаваемости; то лежала по целым часам в каком-нибудь тёмном углу; то носилась по двору, кружась и подпрыгивая. Она отказывалась от пищи и не оборачивалась, когда её звали по имени.

На третий день она так ослабела, что не могла подняться с земли. Глаза её, такие же светлые и умные, как и прежде, выражали глубокое внутреннее мучение. По приказанию отца, её отнесли в пустой дровяной сарай, чтобы она могла там спокойно умереть...

Через час после того, как Жульку заперли, к сараю прибежал Барбос. Он был сильно взволнован и принялся сначала визжать, а потом выть, подняв кверху голову. Иногда он останавливался на минуту, чтобы понюхать с тревожным видом и настороженными ушами щель сарайной двери, а потом опять протяжно и жалостно выл.

Его пробовали отзывать от сарая, но это не помогало. Его гнали и даже несколько раз ударили верёвкой; он убегал, но тотчас же упорно возвращался на своё место и продолжал выть.

Так как дети вообще стоят к животным гораздо ближе, чем это думают взрослые, то мы первые догадались, чего хочет Барбос.

– Папа, пусти Барбоса в сарай. Он хочет проститься с Жулькой. Пусти, пожалуйста, папа, – пристали мы к отцу.

Он сначала сказал: «Глупости!» Но мы так лезли к нему и так хныкали, что он должен был уступить.

И мы были правы. Как только отворили дверь сарая, Барбос стремглав бросился к Жульке, бессильно лежавшей на земле, обнюхал её и с тихим визгом стал лизать её в глаза, в морду, в уши. Жулька слабо помахивала хвостом и старалась приподнять голову – ей это не удалось. В прощании собак было что-то трогательное. Даже прислуга, глазевшая на эту сцену, казалась тронутой.

Когда Барбоса позвали, он повиновался и, выйдя из сарая, лёг около дверей на земле. Он уже больше не волновался и не выл, а лишь изредка поднимал голову и как будто бы прислушивался к тому, что делается в сарае. Часа через два он опять завыл, но так громко и так выразительно, что кучер должен был достать ключи и отворить двери. Жулька лежала неподвижно на боку. Она издохла...

1. Сравни Барбоса и Жульку по плану:
а) внешний вид б) поступки, поведение в) характер.
2. Найди в рассказе самый смешной и самый грустный эпизоды. Прочитай их выразительно.
3. Сколько частей в этом рассказе? Найди слова в тексте, которые могут стать заголовками для каждой части. Приготовься к пересказу.
- * 4. Как ты думаешь, действительно ли животные умеют дружить друг с другом? Сочини рассказ о такой дружбе.

Муса Мураталиев

ДОВЕРИЕ

Сон ещё туманил голову Жакыпа, но он встал, оделся и, сняв с керге¹ двустволку, вышел из юрты. Глаза слипались, и Жакып чуть не наступил на собаку Учар, свернувшуюся калачиком у порога. Спросонья ему показалось, что это лежит неведомо откуда взявшееся полено.

Дворняжка вскочила, сладко потянулась и, виляя хвостом, запрыгала у ног хозяина: вот, мол, и я, готова идти куда прикажешь.

Зябко поёживаясь, Жакып посмотрел на небо: оно только-только начинало светлеть. Пора! Жакып перекинул ружьё через плечо и, обогнув юрту, направился к лесу, что сплошной чёрной стеной окружал аил со всех сторон.

Учар затрусила вслед за хозяином. То забегая вперёд, то отставая, она петляла среди деревьев и всё принюхивалась: проверяла, не появился ли ночью в её владениях чужак и не оставил ли где-нибудь своих следов и запахов.

Жакып никогда не брал Учар с собою. Охотиться с ней одно мучение. Бегаёт без толку туда-сюда по лесу и только распугивает дичь.

А случись ей отстать, так помчится потом вдогонку сломя голову – и сам испугаешься: не дикий ли зверь? Учар, наверное, это понимала и потому провожала своего хозяина лишь до определённого места – широко разросшегося кустарника джирганака. Здесь, остановившись, она обычно глядела печально вслед Жакыпу, пока он не скрывался из виду. Так и сейчас, подбежав к кусту джирганака, Учар присела на задние лапы и молча тоскливым взглядом следила за удаляющимся хозяином.

А когда Жакып исчез за деревьями и шум шагов его окончательно стих, она затрусила обратно в аил.

¹ Керге – верхняя часть остова юрты, служащая вешалкой для нетяжёлых вещей.

В лесу было холодно, сыро, темно.

Но Жакып хорошо знал все лесные тропинки, знал, куда и когда по-вернуть. Всё ему было здесь знакомо, и он шёл по лесу, словно по своему аилу – уверенно, спокойно.

Жакып спешил пройти до рассвета на нижнее болото, где, по его рас-чётам, должны появиться косули. Вчера, поздно вечером, возвращаясь с работы в лесхозе домой, он заметил их свежие следы. За ночь косули да-леко уйти не могли. Скорее всего, они заночевали где-нибудь тут, в чаще, и, значит, на рассвете выйдут пастись на болото, где растёт сочная, густая трава...

Выследить и подстрелить это стремительное, чуткое и осторожное жи-вотное не удавалось ещё никому. Один только Жакып не оставлял такой надежды. Уж очень хотелось ему на удивление и зависть всем аильчанам принести с охоты такую добычу.

Жакып считался в аиле самым лучшим стрелком, потому и называли его Жакып-мерген – «бьющий только в глаз». Удача действительно всё время сопутствовала ему – редко он возвращался из дому без хорошей добычи...

Самым опытным охотником Жакып слыл недаром. Он, как никто другой, знал множество лесных примет, знал звериные повадки, хитрости, уловки, безошибочно разбирался в любых запутанных следах. По лесу он умел ходить почти бесшумно. Хотя был уверен: как бы осторожно ни старался передвигаться охотник, звук его шагов всё равно доходит до зверей, они слышат приближение человека и затаиваются в своих укрытиях, в самых глухих чащобах.

Нет, нелегко охотнику добыть осторожного зверя. Всё в лесу, начиная с сучка, хрустящего под ногой человека, и кончая тихо вздрагивающей землёй, предупреждает зверей об опасности. Весь лес становится на их защиту: укрывает густыми плотными кустами, шумливой листвой, загоразживает стволами деревьев. Даже сами краски природы помогают зверям приспособиться, спрятаться от чужого недоброго взгляда. Трудно человеку вырвать зверя из этой круговой поруки леса. Так и идёт уже испокон веку напряжённый поединок между охотником и лесом: кто кого победит?..

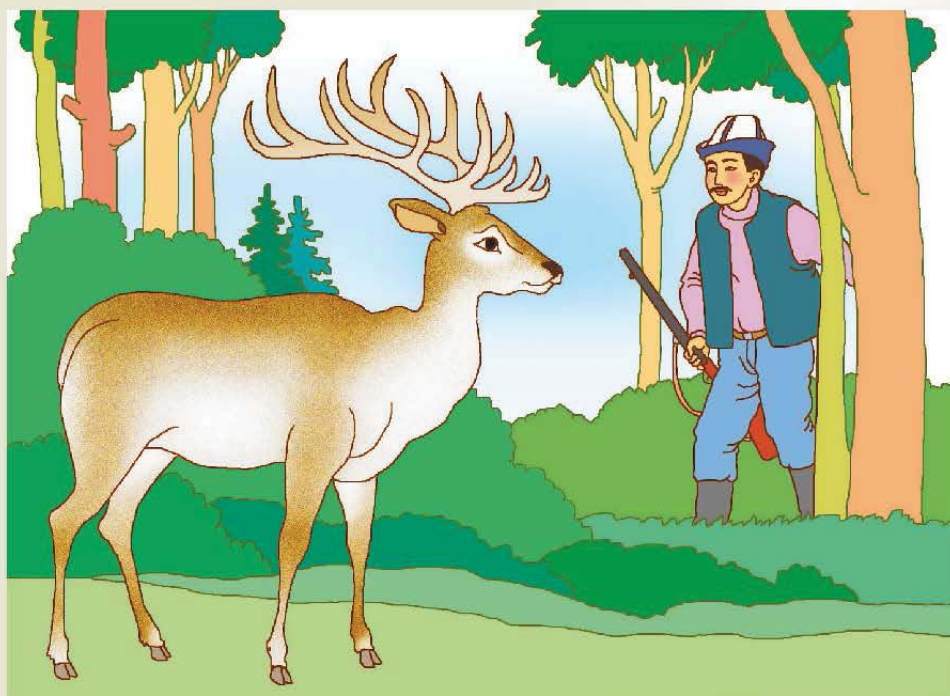
До нижнего болота было уже недалеко. Густая трава в лесу доставала Жакыпу почти до пояса. Его брюки насквозь промокли от обильной росы, и по телу поползла колючая дрожь...

Предутренний туман постепенно таял. В прогалинах ветвей заплатами засветилось небо. Наконец лес расступился, и Жакып очутился на большой зелёной поляне. Это и было нижнее болото, куда, как он надеялся, должны прийти пастись косули.

Жакып облюбывал себе раскидистое дерево на краю поляны. Взобрался на него, устроился поудобнее в развилке ветвей и, держа наготове двустволку, стал ждать появления косуль.... Прислушиваясь к шорохам леса, вглядываясь пристально в неподвижные кусты, Жакып старался угадать, где же могут быть сейчас косули. И тут же ясно, будто воочию, он увидел их мирно лежащими в далёкой чаще: рогатый козёл-вожак, косуля и двое маленьких козлят. Все ярко-рыжие, со светлыми пятнами на боках. Лежат, жуют свою бесконечную жвачку. Жакып представил рядом с ними и себя. Вот он тербит их за уши, легонько хлопает по спинам, поднимает с земли. Как бы подогнать их, поторопить?

Жакып скидывает поясной ремень, набрасывает на рога козлу и ведёт его из чащи на поляну. Остальные косули тоже поднимаются и бредут неохотно за ним следом...

И вдруг... Ветки густого орешника дрогнули, и именно с этой стороны, откуда в своём воображении Жакып только что привёл на ремне вожака, неторопливо вышел на поляну огненно-рыжий козёл, гордо неся свою красивую рогатую голову. Он был точь-в-точь такой, каким привиделся в воображении Жакыпу.

Выйдя из лесу, козёл остановился, легонько мотнул головой, и вслед за ним из-за кустов появились, робко пригнувшись и поводя чуткими ушами, ещё три косули: самка и детёныши-подростки. Осторожно переступая тоненькими точёными ножками, они все вышли на поляну.

Пораженный столь неожиданным совпадением вольного полёта своей фантазии с реальностью, Жакып совершенно забыл о ружье и залюбовался дружным табуном косуль.

«Какие же красивые!» – чуть не воскликнул он вслух. Впервые в жизни Жакып мог так близко и так спокойно рассматривать этих осторожных животных.

А косули, чувствуя себя в безопасности, щипали траву. Паслись они поочерёдно: пока две опускали головы к траве, другие зорко смотрели по сторонам.

«Ни дать ни взять пограничники на посту! – изумлённо подумал Жакып, вспомнив свою армейскую службу. – И кто их только научил такой премудрости?!»

И тут Жакып заметил, что ствол его ружья направлен прямо в грудь вожаку. Расстояние небольшое, прицел наверняка. Нажать курок, тут же перевести дуло на самку и второй пулей можно сразить и её. Такой редкостной удачи не было у него ещё никогда. Охотничье счастье прямо само шло ему в руки.

Но вдруг Жакыпу стало не по себе. Вот сейчас он выстрелит, и этот рыжий красавец тяжело рухнет на землю, забьётся судорожно в луже крови, и его большие влажно-чёрные глаза затянутся смертной пеленой...

А вожак между тем перестал жевать и замер, глядя на развилку ветвей, где сидел Жакып. Козёл был настолько близко, что Жакып отчётливо видел запутавшиеся в его ветвистых рогах пожухлые стебельки травы.

«Сейчас исчезнут», – с тоской подумал он.

Но вожак опять спокойно опустил голову и продолжал щипать траву. Жакып готов был поклясться, что козёл видел его. Так почему он не сорвался с места и не убежал, увлекая за собой и свою семью? Неужели он не признал в нём, Жакыпе, врага?

«Да стреляй же! – подстёгивал себя Жакып, но палец словно окаменел на курке, и не было силы пошевелить им. – Нет! Стрелять в такую красоту...»

Внезапно резкий сорочий крик распорол тишину. И в то же мгновение стая косуль словно бы растворилась в воздухе. Только затихающий дробный перестук копыт указывал путь скрывающегося в лесной чаще табунка.

Жакыпа охватила жгучая злость и на себя, и на сороку. Взглянув на вершину дерева, где она сидела, он выстелил в неё.

«Всё! Больше мне на этой поляне делать нечего, – подумал с досадой Жакып. – Косули сюда уже никогда не придут».

Он спрыгнул на землю, взял ружьё и медленно побрёл по лесу. Расскажи кому в аиле, что был в десятке шагов от косуль и не выстрелил, никто не поверит. Да что там не поверит! Засмеют...

...Жакып заторопился: скорее бы очутиться в своей юрте, не приведи Аллах кого-нибудь встретить. Впервые он не сможет подарить шыралга – поделиться со встречным своей добычей, впервые возвращается с охоты совершенно пустым.

Вечером, идя с работы домой, Жакып был задумчив, молчалив. Он не принимал участия в разговоре с товарищами, не отвечал на их шутки.

– Что это с тобой? – толкнул его в бок сосед Осмон. – Молчишь целый день. Грустный. Хорошей охоты нет?.. – Но вдруг он замолчал и склонился над землёй. – Глядите-ка! Косули!

Все присели на корточки и начали разглядывать свежие следы, пересекающие тропинку.

– Четыре косули прошли: две взрослые и два детёныша... И ведь совсем недавно, – вздохнул кто-то.

– На ловца и зверь бежит, – засмеялся Осмон. – Жакып, ты ведь всё хвалился подстрелить косулю. А тут, гляди, ходят совсем рядом с аилом.

Жакып в ответ промолчал.

– Нет, что-то ты, брат, не того... Может, рука у тебя дрожать начала, а?

Но Жакып по-прежнему молчал. Ему вспомнилось утро, странная не-
решительность. Острое чувство злости и досады снова обожгло его.

«Пойду! – твёрдо решил он. – И я буду не я, если не разыщу их!»

Следы вели к Чар-Уя, месту гнездовья грачей. Всё лето там стоял нево-
образимый грачиный гвалт. Поэтому охотники никогда и не ходили туда.
Какая может быть охота по соседству с этими крикливыми птицами?

Теперь в Чар-Уя царила непривычная тишина. Грачи уже улетели, и
только чёрные растрёпанные корзины гнёзд покачивались от ветра на де-
ревьях, напоминая о прошедшем шумном лете...

«Бау-у! Бау-у!» – раздался вдруг угрожающий крик козла-вожака. От
этого неожиданного крика Жакып даже вздрогнул. Ему показалось, что
козёл прокричал над самым его ухом. Затаив дыхание, Жакып застыл на
месте. Он знал, что так кричат козлы, когда почуют чьё-то приближение.
Испытывают, проверяют, испугается или нет невидимый пока враг. Если не
пустится наутёк, значит, надо бегством спастись самому.

Крик повторился. Жакып стоял по-прежнему не шевелясь. Наконец он
услышал, как вожак топнул ногой, что означало: опасности нет и можно
пасть спокойно.

Жакып осторожно повернул голову и увидел за кустами, очень близко,
небольшую полянку. Присмотревшись, он разглядел сквозь багряно-жёл-
тую листву и рыжих косуль.

Ближе всех к нему находился вожак. Вольно вскинув рога, развернув
широкую грудь, он стоял независимый, величавый и спокойно смотрел на
Жакыпа. В глазах его не было боязни, только одно любопытство. Так они
и стояли некоторое время друг напротив друга – животное и человек – и
смотрели глаза в глаза.

«Не убегай! – молил взглядом Жакып. – Не убегай! Я не причиню тебе
зла. Не веришь? Ну вот, я отставлю в сторону своё ружьё...» И Жакып, не
спуская глаз с козла, осторожным движением прислонил двустволку к де-
реву. Вожак не двинулся с места. Тогда Жакып шагнул к нему. Козёл по-
прежнему не убегал. Он только немного наклонил голову и предупреж-
дающе наставил рога. Жакып сделал ещё шаг. Ему показалось, что вожак
теперь укоризненно смотрит на него. Ещё шаг, ещё... Вдруг козёл резко
взмахнул коротким хвостом, и молодые косули тут же исчезли с поляны.
Сам же вожак на какую-то долю минуты задержался, словно бы говоря
Жакыпу: «Я поверил тебе, человек. Запомни. И – спасибо тебе!»

И тут же скрылся в лесу вслед за своей семьей.

Возвращаясь домой, Жакып всю дорогу бранил себя: «Да что это со
мной творится? Не поднимается рука на косуль – и всё тут! Какой же я тог-
да к чёрту охотник? Чем, чем они меня очаровали?»

Ему вспомнились доверчивые влажно-чёрные глаза вожака. «Он не убежал, потому что узнал меня. Да, наверное, поэтому...» Жакыпу очень хотелось, чтобы это было именно так.

Жакып знал, что приручить косылю невозможно, что человеку не покорить этих вольных, диких кайберенов, дерзновенно хранящих свою свободу.

«Но как же первый человек, приручивший, допустим, буйволов, диких лошадей, сумел это сделать? – размышлял Жакып. – Наверное, он не пугал их, не бил, а приблизил к себе доверием. Да, доверием. Ведь все наши домашние животные когда-то были дикими. А теперь человек заботится о них, кормит, поит, выращивает потомство. .. Но разве хоть у одного из домашних животных есть такой гордый, величественный вид, приводящий сердце в трепет, как у этих диких косуль?..»

Придя в аил, Жакып ласково потрепал свою дворняжку, со всех ног бросившуюся ему навстречу. Но, обняв хозяина, Учар недовольно отошла от него – опять без добычи!

На рассвете Жакып услышал, как где-то недалеко от аила тревожно кричит козёл. Он прислушался – уж не его ли знакомый вожак? Но тут же отогнал эту мысль: мало ли в лесу косуль? Однако снова заснуть он уже не мог. Ему всё почему-то мерещилось, что это знакомый козёл-вожак звал на помощь.

«Да что я, ребёнок, что ли? – стал успокаивать себя Жакып. – Что мне лезет в голову всякая чушь? Разве может привязаться кайберен к человеку? Разве станет просить его о помощи?»

Жакып натянул одеяло на голову, крепко зажмурил глаза. И тут же решительно вскочил: «Нет! Это крик о помощи! Я пойду к ним. Может быть, я им нужен. Они доверяют мне...»

Выйдя из юрты, он удивлённо воскликнул «Ай-яй!» Все кругом побелело от первого инея, серебром опушилась каждая веточка, каждая травинка.

Учар, как всегда, лежала у входа, свернувшись клубочком. Она подняла голову, взглянула с безразличием на хозяина: не пойду, мол, тебя провозжать, всё равно приходишь без добычи, и снова улеглась.

В лесу было светлее обычного. Жакып долго ходил в той стороне, откуда послышался ему на рассвете встревоженный крик козла, искал следы. Но только через час обнаружил он их. Да. Это были следы его косуль. Но почему они такие неуверенные? Острые кончики копыт глубоко вонзались в землю и разбрасывали её в стороны. Ага, косули убегали, от кого-то спасались. Но от кого? Ах вот! Рядом тянулись следы кирзовых сапог со стоптанными каблуками. Жакып всё понял. Дрожащими руками он поправил

за спиной ружьё, присел на корточки и стал пристально разглядывать следы. Лес не пускал преследователя, где только мог, вставал на его пути густыми зарослями цепких кустарников, непроходимым валежником, но тот всё равно не прекращал погони.

Жакып побежал по следам. Вдруг они круто разошлись в разные стороны. Козёл повернул к реке, и за ним погнались кирзовые сапоги. А щепочка следов самки и козлят потянулась в глубь леса.

«Уводит! Какой молодец! – мелькнула мысль у Жакыпа. – Отвлекает от семьи...»

Следы вожака ворвались на открытую поляну.

«Что делает! Что делает! – в отчаянии застонал Жакып. – Да здесь же и малый ребёнок не промахнётся! Так рисковать собой!..»

И вот – он уже знал, что увидит это, – на заиндевевшей траве заалели капли крови, будто кто-то разбросал щедрыми горстями спелую клюкву. След задней правой ноги козла стал сразу неровным. Жакып понял, что рана вожака не смертельная, но и не лёгкая – сколько страданий причинит она зверю!

«Чтоб у тебя рука отсохла, охотничек! Так стрелять...» – в сердцах выругался Жакып.

Он бежал изо всех сил, словно мог ещё помочь вожаку, спасти его от мучительной медленной смерти.

Кровавые следы тянулись к обрывистому берегу реки, словно козёл решил, раз уж так случилось, испустить свой последний вздох под открытым небом.

Выскочив на косогор над рекой, Жакып остановился, тяжело дыша. Руки его беспомощно опустились. Всё! Он снова увидел то, что и должен был теперь ещё и здесь увидеть. Стая галдящих сорок копошилась на широком кровавом пятне. Трава вокруг была примята, истоптана кирзовыми сапогами. Испуганные неожиданным появлением человека, сороки разлетелись в разные стороны и расселись неподалёку на деревьях, наблюдая за пришельцем, помешавшим их пиршеству.

А Жакып тупо смотрел и смотрел на багровое, медленно стынущее пятно крови, и впервые обычная охота представилась ему вероломным убийством. Сколько раз в азарте он поступал точно также и никогда не задумывался, как это жестоко и жутко. А теперь...

– Будь ты трижды проклята, такая жестокая охота! – воскликнул Жакып.

Теперь он заметил и другие следы – это косуля и два козлёнка пришли на место гибели своего вожака и скорбно кружили, не решаясь уйти одни. Потом их следы всё же потянулись к реке, исчезли в жиже и появились вновь на другом берегу.

«Что же делать? Как помочь хотя бы тем двум малышам?» Жакып не знал, в чём его вина, но чувствовал, что виноват перед животными. Он перебрался на другую сторону реки. Оглянулся. На оставленном берегу сороки снова слетелись на кровавое место. «А ещё называются охраной кайберенов¹», – со злостью подумал Жакып. Он сдёрнул с плеча ружьё и выстрелил. Сороки трусливо разлетелись врассыпную.

И тут перед глазами Жакыпа опять, как тогда в засаде, ясно и чётко предстал вожак. Он лежал там, где только что суетились сороки. Огненно-рыжая шерсть его была густо облита кровью. Над ним склонилась широкая сутулая спина в сером ватнике. В руке человека сверкнуло лезвие ножа.

Вдруг вожак поднял свою прекрасную рогатую голову, посмотрел долгим, печальным взглядом на Жакыпа и сказал:

«Если бы не ты, я никогда не допустил бы человека с ружьём так близко к своей семье. Это ты приучил меня к доверию. Зачем? Чтобы убил другой? Неужели ты хотел этого?..»

Жакып резко повернулся.

Цепочка следов осиротевших косуль тянулась вверх по косогору. И впереди отпечатывались на заиндевелой траве уже следы не матери-косули, а маленького козлёнка. Нового вожака.

1. О каком случае ты узнал из этого рассказа?
2. Какое прозвище было у Жакыпа? Что нужно знать и уметь охотнику, чтобы удачно охотиться?
3. Сколько раз Жакып ходил за косулями?
4. Как Жакып выследил косуль?
5. Почему Жакып не выстрелил в вожака в первый раз?
6. Почему он отправился на охоту во второй раз? Зачем он пошёл в третий раз?
- * 7. Почему рассказ называется «Доверие»?

¹ Кайберен – так называют всех диких парнокопытных животных, жующих жвачку: косуль, архаров, оленей, маралов и пр.

Эрих Распэ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА¹

Сырный остров

Не моя вина, если со мною случаются такие диковины, которых ещё не случилось ни с кем.

Это потому, что я люблю путешествовать и вечно ищу приключений, а вы сидите дома и ничего не видите, кроме четырёх стен своей комнаты.

Однажды, например, я отправился в дальнее плавание на большом голландском корабле.

Вдруг в открытом океане на нас налетел ураган, который в одно мгновение сорвал у нас все паруса и поломал все мачты.

Одна мачта упала на компас и разбила его вдребезги.

Всем известно, как трудно управлять кораблём без компаса.

Мы сбились с пути и не знали, куда мы плывём.

Три месяца нас бросало по волнам океана из стороны в сторону, а потом унесло неизвестно куда, и вот в одно прекрасное утро мы заметили необыкновенную перемену во всём. Море из зелёного сделалось белым. Ветерок доносил какой-то нежный, ласкающий запах. Нам стало очень приятно и весело.

Вскоре мы увидели пристань и через час вошли в просторную глубокую гавань. Вместо воды в ней было молоко!

Мы поспешили высадиться на берег и стали жадно пить из молочного моря.

Между нами был один матрос, который не выносил запаха сыра. Когда ему показывали сыр, его начинало тошнить. И вот едва мы высадились на берег, как ему сделалось дурно.

– Уберите у меня из-под ног этот сыр! – кричал он. – Я не хочу, я не могу ходить по сыру!

Я нагнулся к земле и всё понял.

Остров, к которому пристал наш корабль, был сделан из отличного голландского сыра!

¹ Пересказал К. Чуковский. Отрывки.

Да, да, не смейтесь, я рассказываю вам истинную правду: вместо глины у нас под ногами был сыр.

Мудрено ли, что жители этого острова питались почти исключительно сыром! Но сыра этого не становилось меньше, так как за ночь его выросло ровно столько, сколько было съедено в течение дня.

Весь остров был покрыт виноградниками, но виноград там особенный: сожмёшь его в кулаке – из него вместо сока течёт молоко.

Жители острова – высокие, красивые люди. У каждого из них по три ноги. Благодаря трём ногам они свободно могут держаться на поверхности молочного моря.

Хлеб здесь растёт печёный, прямо в готовом виде, так что жителям этого острова не приходится ни сеять, ни пахать. Я видел много деревьев, увешанных сладкими медовыми пряниками.

Во время наших прогулок по Сырному острову мы открыли семь рек, текущих молоком, и две реки, текущие густым и вкусным пивом. Признаюсь, эти пивные реки понравились мне больше молочных.

Вообще, гуляя по острову, мы видели много чудес.

Особенно поразили нас птичьи гнёзда. Они были невероятно огромны. Одно орлиное гнездо, например, было выше самого высокого дома. Оно было всё сплетено из исполинских дубовых стволов. В нём мы нашли пять сотен яиц, каждое величиной с хорошую бочку.

Мы разбили одно яйцо, и из него вылез птенец, раз в двадцать больше взрослого орла.

Птенец запищал. К нему на помощь прилетела орлица. Она схватила нашего капитана, подняла его до ближайшего облака и оттуда швырнула в море.

К счастью, он был отличный пловец и через несколько часов добрался до Сырного острова вплавь.

В одном лесу я был свидетелем казни.

Островитяне повесили на дереве трёх человек вверх ногами. Несчастные стонали и плакали. Я спросил, за что их так жестоко наказывают. Мне ответили, что они – путешественники, которые только что вернулись из дальнего странствия и бессовестно лгут о своих приключениях.

Я похвалил островитян за такую мудрую расправу с обманщиками, потому что я не выношу никакого обмана и всегда рассказываю одну только чистую правду.

Впрочем, вы, должно быть, и сами заметили, что во всех моих рассказах нет ни одного слова лжи. Ложь мне отвратительна, и я счастлив, что все мои близкие всегда считали меня правдивейшим на земле человеком.

Вернувшись на корабль, мы тотчас же подняли якорь и отплыли от чудесного острова.

Все деревья, что росли на берегу, словно по какому-то знаку, дважды поклонились нам в пояс и снова выпрямились как ни в чём не бывало.

Растроганный их необыкновенной любезностью, я снял шляпу и послал им прощальный привет.

Удивительно вежливые деревья, не правда ли?

Верхом на ядре

...Впрочем, во время войны мне довелось ездить верхом не только на конях, но и на пушечных ядрах. Произошло это так.

Мы осаждали какой-то турецкий город, и понадобилось нашему командиру узнать, много ли в том городе пушек.

Но во всей нашей армии не нашлось храбреца, который согласился бы незаметно пробраться в неприятельский лагерь.

Храбрее всех, конечно, оказался я.

Я стал рядом с огромнейшей пушкой, которая палила по турецкому городу, и, когда из пушки вылетело ядро, я вскочил на него верхом и лихо понёсся вперёд. Все в один голос воскликнули:

– Bravo, bravo, барон Мюнхгаузен!

Сперва я летел с удовольствием, но, когда вдали показался неприятельский город, меня охватили тревожные мысли.

«Гм! – сказал я себе. – Влететь-то ты, пожалуй, влетишь, но удастся ли тебе оттуда выбраться? Враги не станут церемониться с тобою, они схватят тебя, как шпиона, и повесят на ближайшей виселице. Нет, милый Мюнхгаузен, надо тебе возвращаться, покуда не поздно!»

В эту минуту мимо меня пролетало встречное ядро, пущенное турками в наш лагерь.

Недолго думая, я пересел на него и как ни в чём не бывало помчался обратно.

Конечно, во время полёта я тщательно пересчитал все турецкие пушки и привёз своему командиру самые точные сведения об артиллерии врага.

- 1. Какой эпизод из рассказов барона Мюнхгаузена тебе понравился больше всего? Нарисуй иллюстрацию к этому эпизоду.
- 2. Опиши барона Мюнхгаузена.

Джанни Родари

СКАЗКИ ПО ТЕЛЕФОНУ

Тонино-невидимка

Как-то раз мальчик по имени Тонино пошёл в школу, не выучив урока, и очень боялся, что учитель вызовет его.

«Эх, – подумал он, – если б я мог стать невидимкой!..»

Учитель начал урок с переключки, а когда дошёл до Тонино, тот ответил:

– Я здесь.

Но никто не услышал его, и учитель, вздохнув, сказал:

– Жаль, что Тонино не пришёл сегодня в школу, я как раз хотел вызвать его. Если он заболел, будем надеяться, что не серьёзно.

Тут Тонино понял, что стал, как ему и хотелось, невидимкой. От радости он вскочил на парту и оттуда бухнулся прямо в корзину для бумаг. А затем стал бегать по классу, дёргать ребят за волосы и опрокидывать чернильницы. В классе поднялся шум. Все стали возмущаться и даже ссориться. Ребята обвиняли друг друга в том, чего никто из них не делал. Ведь они и не подозревали, что это проказы Тонино-невидимки.

Когда Тонино надоела наконец эта игра, он ушёл из школы и сел в троллейбус. Разумеется, он и не подумал брать билет, потому что кондуктор все равно не видел его. Он нашел свободное место и преспокойно уселся там. А на следующей остановке в троллейбус вошла синьора с тяжелой сумкой, набитой продуктами, и хотела сесть как раз туда, где сидел Тонино: она видела, что место не занято. И конечно, она села прямо на колени Тонино.

Он почувствовал, что сейчас задохнётся от тяжести. А синьора вскочила и закричала:

– Что за сиденья в этом троллейбусе! Даже сесть нельзя как следует! Смотрите, я кладу сумку, а она повисает в воздухе! На самом деле сумка лежала на коленях у Тонино. В троллейбусе заспорили, и почти все пассажиры энергично выразили своё возмущение по поводу плохой работы троллейбусной службы.

Тонино вышел в центре города, прошмыгнув в кондитерскую, подошёл к прилавку и начал загребать обеими руками карамель, шоколадные конфеты и всевозможные пирожные. Продавщица, заметив, что всё исчезло с прилавка, решила, что виноват в этом почтенный старый синьор, который покупал конфеты для своей тётушки. Синьор возмутился:

– Я вор?! Да знаете ли вы, с кем разговариваете?! Да знаете ли вы, кто был мой отец? Да знаете ли вы, кто был мой дед?!

– И знать не желаю! – заявила продавщица.

– Как! Вы позволяете себе оскорблять моего деда?!

Поднялся невероятный скандал. Тонино-невидимка опять направился в школу. Там он увидел, как его одноклассники гурьбой спустились по лестнице и шумной ватагой высыпали на улицу. А ребята его не видели. Тонино напрасно старался обратить на себя их внимание – он подбегал то к одному, то к другому мальчику, дёргал за волосы своего приятеля Роберто, предлагал тянучку Гвискардо... Но они не видели и не слышали его, попросту не замечали. Их взгляды проходили сквозь Тонино, словно через стекло.

Усталый и немного испуганный, Тонино вернулся домой. Мать стояла на балконе, с тревогой ожидая его.

– Я здесь, мама! – крикнул Тонино. Но она не видела его и не услышала, а продолжала с тревогой смотреть на улицу.

– Папа, вот и я! – воскликнул Тонино, войдя в комнату и усевшись на своё обычное место за обеденным столом.

Но отец не слышал его и продолжал ворчать:

– Что такое? Почему Тонино так долго нет? Не случилась ли с ним какая-нибудь беда?

– Папа, но я ведь здесь! Мама, папа, я здесь! – закричал Тонино. Но они не слышали его.

– Я не хочу больше быть невидимкой! – заплакал Тонино, и сердце у него разрывалось на части. – Хочу, чтобы отец видел меня, что-бы мама ругала меня, чтобы учитель вызывал меня отвечать урок... хочу играть с ребятами! Очень плохо быть невидимкой, очень плохо быть одному! Грустный, он вышел на лестницу и спустился во двор.

– Отчего ты плачешь? – спросил у него старик, гревшийся на солнышке возле ворот.

– Ой, вы меня видите? – обрадовался Тонино.

– Вижу, а что? Я каждый день вижу, как ты уходишь в школу и возвращаешься домой.

– А я почему-то никогда не замечал вас.

– Знаю. На меня никто не обращает внимания. Старый, одинокий старик... С какой стати ребята будут замечать меня? Я для вас будто человек-невидимка...

– Тонино! – позвала в этот момент мать с балкона.

– Мама! Ты меня видишь?

– Ах, лучше бы я и не видела тебя, негодный мальчишка! Поднимайся наверх! Иди-ка сюда, иди! Сейчас отец покажет тебе!

– Бегу, мама, бегу! – обрадовался Тонино.

– И ты не боишься взбучки, которая тебя ожидает? – засмеялся старик. Тонино бросился ему на шею и расцеловал.

– Вы спасли меня!

– Ну, это уж слишком! – улыбнулся старик.

1. Как Тонино чувствовал себя сначала, когда он стал невидимкой?
2. Как Тонино-невидимка чувствовал себя в конце рассказа? Почему?

Как Алиса в море побывала

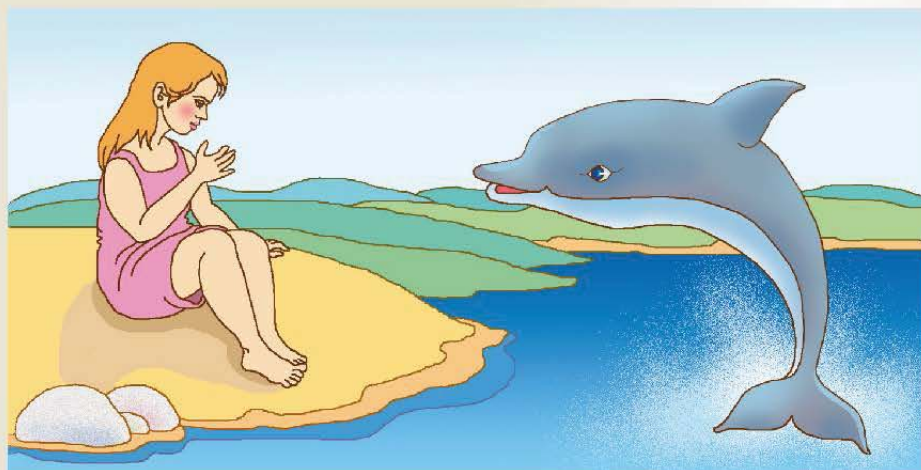
Однажды пошла Алиса купаться в море, и так оно ей понравилось, что она ни за что не захотела выходить из воды.

– Алиса, хватит, вылезай! – кричала ей мама.

– Сейчас, сейчас! – отвечала Алиса.

А сама думала: «Буду сидеть в воде до тех пор, пока у меня не вырастут плавники и я не превращусь в рыбку».

И с тех пор каждый вечер, прежде чем улечься в постель, она подходила к зеркалу и смотрела, не прорезались ли у неё плавники, или, быть может, прежде начнёт появляться серебристая чешуя? Но каждый раз находила на своих плечиках только несколько песчинок, и то если она не слишком старательно мылась в душе.

Однажды утром она пришла на пляж раньше обычного и встретила там мальчика, который собирал морских ежей и моллюсков.

Мальчик был сыном рыбака и прекрасно разбирался во всем, что касается моря.

– А не знаешь ли ты, как превратиться в рыбу? – спросила его Алиса.

– Ну, это проще простого! – ответил мальчик. – Могу хоть сейчас показать.

Он положил на камень узелок с ежами и моллюсками и прыгнул в море. Прошла минута, прошла другая, а мальчик всё не всплывал на поверхность. А в том месте, где он нырнул, вдруг показался из воды дельфин и давай кувыркаться между волнами и вздымать к небу весёлые фонтаны брызг. Он играл и резвился у самых ног Алисы, и она нисколечко его не боялась. Наигравшись, дельфин легко взмахнул хвостом и уплыл в море. А на том месте, где только что был дельфин, вдруг появился мальчик.

– Видела, как это просто? – улыбнулся он.

– Видела, – ответила Алиса, – только у меня, наверное, не получится.

– А ты попробуй!

Алиса бултыхнулась в воду. Ей очень хотелось стать какой-нибудь морской звездой. Но тут с ней, конечно же, приключилась беда: Алиса опустилась на большую двустворчатую раковину, которой как раз в этот момент захотелось зевнуть. Едва Алиса коснулась раковины, она тут же захлопнулась и заперла Алису вместе со всеми её мечтами.

«Ну вот, опять я куда-то попала!» – подумала девочка.

Но какая тишина, какая свежесть и покой царили тут, на дне морском. Хорошо было бы остаться тут навсегда и жить на дне моря, как когда-то в давние времена жили русалки. Алиса вздохнула. Она вспомнила о маме. Бедная мама, наверное, думает, что её дочь уже в постели! Потом Алиса

вспомнила о папе, который как раз сегодня вечером должен приехать из города, потому что была суббота.

– Нет, не могу я оставить их одних! Ведь они так любят меня! На этот раз я уж так и быть вернусь на землю.

Она изо всех сил упёрлась руками и ногами в створки раковины, приоткрыла их, выскользнула наружу и быстро поплыла наверх. Вынырнула она на поверхность и увидела, что мальчик, который собирал морских ежей и моллюсков, уже далеко.

И Алиса побежала домой. Она никогда и никому не рассказывала о том, что с ней приключилось в море.

1. Как Алиса оказалась на дне моря?
2. Почему Алиса не захотела оставаться на дне моря?

Дорога, которая никуда не ведёт

На окраине села улица разветвлялась на три дороги – одна вела к морю, другая – в город, а третья – никуда не вела. Martino знал это, потому что у всех спрашивал про третью дорогу и все отвечали ему одно и то же, будто сговорились:

- Та дорога? Она никуда не ведёт. Не стоит ходить по ней.
- Но все-таки куда-то она ведёт?
- Нет, совсем никуда не ведёт!
- Так зачем же её построили?
- Никто и не строил её. Она всегда там была!
- И никто никогда не ходил по ней?
- Ох, и упрямая ты голова!.. Раз тебе говорят, что там ничего нет...
- А откуда вы знаете? Вы разве ходили по ней?

Martino был такой настойчивый, что его так и прозвали – Martino Упрямая Голова. Но он не обижался и продолжал думать о дороге, которая никуда не ведёт.

Когда он подрос настолько, что смог переходить улицу, не держась за дедушку, он встал однажды рано утром, вышел из села и решительно зашагал по таинственной дороге, которая никуда не вела.

Дорога была вся в выбоинах, местами заросла травой, но, к счастью, дождя давно не было – не было и луж на дороге. Поначалу по обе стороны шла изгородь, но скоро она кончилась, и тогда дорога потянулась через лес. Ветви деревьев переплетались над ней, и получалась тёмная прохладная галерея, в которую лишь изредка, словно луч карманного фонарика, пробивался солнечный свет.

Шёл Мартино, шёл, а галерея всё не кончалась, и дорога не кончалась тоже. У Мартино уже ноги заныли от усталости, и он стал подумывать, не вернуться ли назад. Вдруг откуда ни возьмись – собака!

– Где собака, там и жилье! – решил Мартино. – Или, во всяком случае, человек.

Собака бросилась навстречу Мартино, радостно виляя хвостом, и лизнула ему руку, а потом побежала вперёд по дороге, всё время оглядываясь, идёт ли за ней Мартино.

– Иду, иду! – говорил Мартино, которого всё это очень заинтересовало.

Постепенно лес стал редеть, проглянуло небо, и дорога привела к большим железным воротам. За оградой Мартино увидел дворец. Все окна его были гостеприимно распахнуты, из трубы шёл дым, а на балконе стояла прекрасная синьора, приветливо махала Мартино рукой и звала:

– Сюда, сюда, Мартино Упрямая Голова!

– Э! – обрадовался Мартино. – Я и не представлял, куда приду, но вы, оказывается, хорошо знали, кто к вам придёт!

Мартино открыл ворота, пересёк парк и вошёл во дворец как раз в тот момент, когда прекрасная синьора вышла ему навстречу. Синьора была очень красива и одета куда лучше всяких фей и принцесс. И к тому же весёлая–превесёлая.

– Так ты не поверил? – засмеялась она.

– Чему? – удивился Мартино.

– Не поверил, что эта дорога никуда не ведёт?

– Ещё бы! Слишком глупая история. По-моему, на свете гораздо больше просто ещё не изведанных путей, чем нехоженых дорог.

– Разумеется. Нужно только не бояться неизвестных дорог. А теперь идём, я покажу тебе дворец.

Больше ста залов было во дворце, и все они были забиты сокровищами – совсем как в сказках про спящих красавиц или про чудовищ, оберегающих свои богатства. Тут были алмазы, драгоценные камни, золото, серебро. А прекрасная синьора всё говорила Мартино:

– Бери, бери всё, что захочешь. Я одолжу тебе тележку, чтобы ты мог забрать всё, что хочешь.

Сами понимаете, Мартино не заставил себя уговаривать. Он доверху нагрузил тележку и отправился в обратный путь. Вместо кучера у него сидела собака. Это была учёная собака – она умела править вожжами и лаяла на лошадей, когда те начинали дремать или сбивались с дороги.

В селе о Мартино уже и думать забыли – решили, что он погиб. И когда он вдруг вернулся, все очень удивились. Учёная собака выгрузила на площади все сокровища, вильнула хвостом в знак прощания, снова забралась на тележку и скрылась в облаке пыли.

Мартино сделал богатые подарки всем – и друзьям, и недругам – и раз сто вынужден был повторить свой рассказ про всё, что с ним приключилось. И всякий раз, когда он умолкал, кто-нибудь из его односельчан

бежал домой, запрягал лошадь и пускался вскачь по дороге, которая никуда не ведёт. К вечеру все они возвращались. У всех были вытянутые от огорчения лица: дорога, уверяли они, вела прямо в болото, в чащу леса, в заросли колючего кустарника. Не было там ни железной ограды, ни дворца, ни прекрасной синьоры, раздающей богатства.

А всё потому, что некоторые сокровища открываются только тем людям, которые первыми проходят по нехоженным путям! Как Martino Упрямая Голова.

1. Почему Martino прозвали «Упрямая голова»?
2. А ты хотел бы дружить с Martino? Почему?
3. Какая сказка Джанни Родари тебе понравилась больше всего? Найди в этой сказке самый важный момент и нарисуй иллюстрацию к этому эпизоду.

Евгений Шварц

СКАЗКА О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ

Жил-был мальчик, по имени Петя Зубов. Учился он в третьем классе четырнадцатой школы и всё время отставал, и по русскому письменному, и по арифметике, и даже по пению.

– Успею! – говорил он в конце первой четверти. – Во второй вас всех догоню.

А приходила вторая – он надеялся на третью. Так он опаздывал да отставал, отставал да опаздывал и не тужил. Все «успею» да «успею».

И вот однажды пришёл Петя Зубов в школу, как всегда с опозданием. Вбежал в раздевалку. Шлёпнул портфелем по загородке и крикнул:

– Тётя Наташа! Возьмите моё пальтишко!

А тётя Наташа спрашивает откуда-то из-за вешалок:

– Кто меня зовет?

– Это я. Петя Зубов, – отвечает мальчик.

– А почему у тебя сегодня голос такой хриплый? – спрашивает тётя Наташа.

– А я и сам удивляюсь, – отвечает Петя. – Вдруг охрип ни с того ни с сего.

Вышла тётя Наташа из-за вешалок, взглянула на Петю, да как вскрикнет:

– Ой!

Петя Зубов тоже испугался и спрашивает:

– Тётя Наташа, что с вами?

– Как что? – отвечает тётя Наташа. – Вы говорили, что вы Петя Зубов, а на самом деле вы, должно быть, его дедушка.

– Какой же я дедушка? – спрашивает мальчик. – Я – Петя, ученик третьего класса.

– Да вы посмотрите в зеркало! – говорит тётя Наташа.

Взглянул мальчик в зеркало и чуть не упал. Увидел Петя Зубов, что превратился он в высокого, худого, бледного старика. Выросла у него седая окладистая борода, усы. Морщины покрыли сеткою лицо.

Смотрел на себя Петя, смотрел, и затряслась его седая борода.

Крикнул он басом:

– Мама! – и выбежал прочь из школы.

Бежит он и думает:

«Ну уж если и мама меня не узнает, тогда все пропало».

Прибежал Петя домой и позвонил три раза.

Мама открыла ему дверь.

Смотрит она на Петю и молчит. И Петя молчит тоже. Стоит, выставив свою седую бороду, и чуть не плачет.

– Вам кого, дедушка? – спросила мама наконец.

– Ты меня не узнаёшь? – прошептал Петя.

– Простите – нет, – ответила мама.

Отвернулся бедный Петя и пошёл куда глаза глядят.

Идёт он и думает:

– Какой я одинокий, несчастный старик. Ни мамы, ни детей, ни внуков, ни друзей... И главное, ничему не успел научиться. Настоящие старики – те или доктора, или мастера, или академики, или учителя. А кому я нужен, когда я всего только ученик третьего класса? Мне даже и пенсии не дадут – ведь я всего только три года работал. Да и как работал – на двойки да на тройки.

Что же со мною будет? Бедный я старик! Несчастный я мальчик! Чем же всё это кончится?

Так Петя думал и шагал, шагал и думал, и сам не заметил, как вышел за город и попал в лес. И шёл он по лесу, пока не стемнело.

«Хорошо бы отдохнуть», – подумал Петя и вдруг увидел, что в стороне, за ёлками, белеет какой-то домик. Вошёл Петя в домик-хозяев нет. Стоит посреди комнаты стол. Над ним висит керосиновая лампа. Вокруг стола – четыре табуретки. Ходики тикают на стене. А в углу горою навалено сено.

Лёг Петя в сено, зарылся в него поглубже, согрелся, поплакал тихонько, утёр слёзы бородой и уснул.

Просыпается Петя – в комнате светло, керосиновая лампа горит под стеклом. А вокруг стола сидят ребята – два мальчика и две девочки. Большие окованные медью счёты лежат перед ними. Ребята считают и бормочут.

– Два года, да ещё пять, да ещё семь, да ещё три... Это вам, Сергей Владимирович, а это ваши, Ольга Капитоновна, а это вам, Марфа Васильевна, а это ваши, Пантелей Захарович.

Что это за ребята? Почему они такие хмурые? Почему кричат они, и охают, и вздыхают, как настоящие старики? Почему называют друг друга по имени-отчеству? Зачем собрались они ночью здесь, в одинокой лесной избушке?

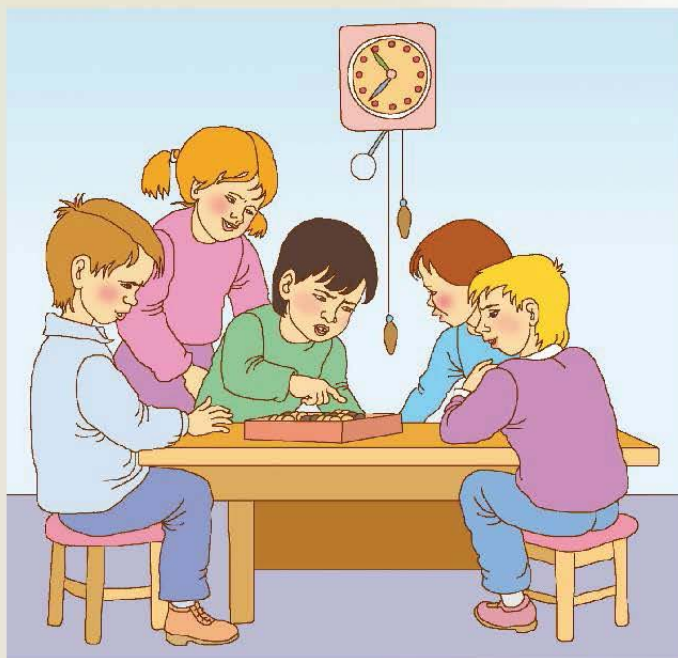
Замер Петя Зубов, не дышит, ловит каждое слово. И страшно ему стало от того, что услышал он.

Не мальчики и девочки, а злые волшебники и злые волшебницы сидели за столом! Вот ведь как, оказывается, устроено на свете: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет. И злые волшебники развели об этом и давай ловить ребят, теряющих время понапрасну. И вот поймали волшебники Петю Зубова, и ещё одного мальчика, и ещё двух девочек и превратили их в стариков. Состарились бедные дети, и сами того не заметили – ведь человек, напрасно теряющий время, не замечает, как стареет. А время, потерянное ребятами, – забрали волшебники себе. И стали волшебники малыши ребятами, а ребята – старыми стариками.

Как быть?

Что делать?

Да неужели же не вернуть ребятам потерянной молодости?

Подсчитали волшебники время, хотели уже спрятать счёты в стол, но Сергей Владимирович, главный из них, – не позволил. Взял он счёты и подошёл к ходикам. Покрутил стрелки, подёргал гири, послушал, как тикает маятник, и опять защёлкал на счётах. Считал, считал он, шептал, шептал, пока не показали ходики полночь. Тогда смешал Сергей Владимирович костяшки и ещё раз проверил, сколько получилось у него.

Потом подозвал он волшебников к себе и заговорил негромко:

– Господа волшебники! Знайте – ребята, которых мы превратили сегодня в стариков, ещё могут помолодеть.

– Как? – воскликнули волшебники.

– Сейчас скажу, – ответил Сергей Владимирович.

Он вышел на цыпочках из домика, обошёл его кругом, вернулся, запер дверь на задвижку и поворошил сено палкой.

Петя Зубов замер, как мышка.

Но керосиновая лампа светила тускло, и злой волшебник не увидел Пети. Подозвал он остальных волшебников к себе поближе и заговорил негромко:

– К сожалению, так устроено на свете: от любого несчастья может спастись человек. Если ребята, которых мы превратили в стариков, разыщут завтра друг друга, придут ровно в двенадцать часов ночи сюда к нам и повернут стрелку ходиков на семьдесят семь кругов обратно, то дети снова станут детьми, а мы погибнем.

Помолчали волшебники. Потом Ольга Капитоновна сказала:

– Откуда им всё это узнать?

А Пантелей Захарович проворчал:

– Не придут они сюда к двенадцати часам ночи. Хоть на минуту, да опоздают.

А Марфа Васильевна пробормотала:

– Да куда им! Да где им! Эти лентяи до семидесяти семи и сосчитать не сумеют, сразу собьются.

– Так-то оно так, – ответил Сергей Владимирович. – А все-таки пока что держите ухо востро. Если доберутся ребята до ходиков, тронут стрелки – нам тогда и с места не сдвинуться. Ну, а пока нечего время терять, – идём на работу.

И волшебники, спрятав счёты в стол, побежали, как дети, но при этом кряхтели, охали и вздыхали, как настоящие старики.

Дождлся Петя Зубов, пока затихли в лесу шаги. Выбрался из домика. И, не теряя напрасно времени, прячась за деревьями и кустами, побежал, помчался в город искать стариков школьников.

Город ещё не проснулся. Темно было в окнах, пусто на улицах, только милиционеры стояли на постах. Но вот забрезжил рассвет. Зазвенели первые трамваи. И увидел наконец Петя Зубов – идёт не спеша по улице старушка с большой корзинкой.

Подбежал к ней Петя Зубов и спрашивает:

– Скажите, пожалуйста, бабушка, – вы не школьница?

– Что, что? – спросила старушка сурово.

– Вы не третьеклассница? – прошептал Петя робко.

А старушка как застучит на Петю ногами да как замахнётся на Петю корзинкой. Еле Петя ноги унёс. Отдышался он немного – дальше пошёл. А город уже совсем проснулся. Летят трамваи, спешат на работу люди. Грохочут грузовики – скорее, скорее надо сдать грузы в магазины, на заводы, на железную дорогу. Дворники счищают снег, посыпают панель песком, чтобы пешеходы не скользили, не падали, не теряли времени даром. Сколько раз видел всё это Петя Зубов и только теперь понял, почему так боятся люди не успеть, опоздать, отстать.

Оглядывается Петя, ищет стариков, но ни одного подходящего не находит. Бегут по улицам старики, но сразу видно – настоящие, не третьеклассники.

Вот старик с портфелем. Наверное, учитель. Вот старик с ведром и кистью – это маляр. Вот мчится красная пожарная машина, а в машине старик – начальник пожарной охраны города. Этот, конечно, никогда в жизни не терял времени понапрасну.

Ходит Петя, бродит, а молодых стариков, старых детей, – нет как нет.

Жизнь кругом так и кипит. Один он, Петя, отстал, опоздал, не успел, ни на что не годен, никому не нужен.

Ровно в полдень зашёл Петя в маленький скверик и сел на скамеечку отдохнуть.

И вдруг вскочил.

Увидел он – сидит недалеко на другой скамеечке старушка и плачет.

Хотел подбежать к ней Петя, но не посмел.

– Подожду! – сказал он сам себе. – Посмотрю, что она дальше делать будет.

А старушка перестала вдруг плакать, сидит, ногами болтает. Потом достала из одного кармана газету, а из другого – кусок ситного с изюмом. Развернула старушка газету, – Петя ахнул от радости: «Пионерская правда!» – и принялась старушка читать и есть. Изюм выковыривает, а самый ситный не трогает.

Кончила старушка читать, спрятала газету и ситный и вдруг что-то увидела в снегу. Наклонилась она и схватила мячик. Наверное, кто-нибудь из детей, игравших в сквере, потерял этот мячик в снегу.

Оглядела старушка мячик со всех сторон, обтерла его старательно пласточком, встала, подошла не спеша к дереву и давай играть в трёшки.

Бросился к ней Петя через снег, через кусты. Бежит и кричит:

– Бабушка! Честное слово, вы школьница!

Старушка подпрыгнула от радости, схватила Петю за руки и отвечает:

– Верно, верно! Я ученица третьего класса Маруся Поспелова. А вы кто такой?

Рассказал Петя Марусе, кто он такой. Взялись они за руки, побежали искать остальных товарищей. Искали час, другой, третий. Наконец зашли во второй двор огромного дома. И видят: за дровяным сараем прыгает старушка. Нарисовала мелом на асфальте классы и скачет на одной ножке, гоняет камешек.

Бросились Петя и Маруся к ней.

– Бабушка! Вы школьница?

– Школьница, – отвечает старушка. – Ученица третьего класса, Наденька Соколова. А вы кто такие?

Рассказали ей Петя и Маруся, кто они такие. Взялись все трое за руки, побежали искать последнего своего товарища.

Но он как сквозь землю провалился. Куда только ни заходили старики – и во дворы, и в сады, и в детские кино, и в Дом Занимательной Науки – пропал мальчик, да и только.

А время идёт. Уже стало темнеть. Уже в нижних этажах домов зажёгся свет. Кончается день. Что делать? Неужели всё пропало?

Вдруг Маруся закричала:

– Смотрите! Смотрите!

Посмотрели Петя и Наденька и вот что увидели: летит трамвай, девятый номер. А на «колбасе» висит старичок. Шапка лихо надвинута на ухо, борода развеивается по ветру. Едет старик и посвистывает. Товарищи его ищут, с ног сбились, а он катается себе по всему городу и в ус не дует!

Бросились ребята за трамваем вдогонку. На их счастье, зажётся на перекрёстке красный огонь, остановился трамвай.

Схватили ребята «колбасника» за полы, оторвали от «колбасы».

– Ты школьник? – спрашивают.

– А как же? – отвечает он. – Ученик второго класса, Зайцев Вася. А вам чего?

Рассказали ему ребята, кто они такие.

Чтобы не терять времени даром, сели они все четверо в трамвай и поехали за город к лесу.

Какие-то школьники ехали в том же трамвае. Встали они, уступают нашим старикам место.

– Садитесь, пожалуйста, дедушки, бабушки.

Смутились старики, покраснели и отказались.

А школьники, как нарочно, попались вежливые, воспитанные, просят стариков, уговаривают:

– Да садитесь же! Вы за свою долгую жизнь наработались, устали. Сидите теперь, отдыхайте.

Тут, к счастью, подошёл трамвай к лесу, соскочили наши старики – и в чащу бегом.

Но тут ждала их новая беда. Заблудились они в лесу.

Наступила ночь, тёмная-тёмная. Бродят старики по лесу, падают, спотыкаются, а дороги не находят.

– Ах, время, время! – говорит Петя. – Бежит оно, бежит. Я вчера не заметил дороги обратно к домику – боялся время потерять. А теперь вижу, что иногда лучше потратить немножко времени, чтобы потом его сберечь.

Совсем выбились из сил старички. Но, на их счастье, подул ветер, очистилось небо от туч и засияла на небе полная луна.

Влез Петя Зубов на берёзу и увидел – вон он, домик, в двух шагах белеют его стены, светятся окна среди густых ёлок.

Спустился Петя вниз и шепнул товарищам:

– Тише! Ни слова! За мной!

Поползли ребята по снегу к домику. Заглянули осторожно в окно.

Ходики показывают без пяти минут двенадцать. Волшебники лежат на сене, берегут украденное время.

– Они спят! – сказала Маруся.

– Тише! – прошептал Петя.

Тихо-тихо открыли ребята дверь и поползли к ходикам. Без одной минуты двенадцать встали они у часов. Ровно в полночь протянул Петя руку к стрелкам и – раз, два, три – закрутил их обратно, справа налево.

С криком вскочили волшебники, но не могли сдвинуться с места. Стоят и растут, растут. Вот превратились они во взрослых людей, вот седые волосы заблестели у них на висках, покрылись морщинами щёки.

– Поднимите меня, – закричал Петя. – Я делаюсь маленьким, я не достаю до стрелок! Тридцать один, тридцать два, тридцать три!

Подняли товарищи Петю на руки. На сороковом обороте стрелок волшебники стали дряхлыми, сгорбленными старичками. Всё ближе пригибало их к земле, всё ниже становились они. И вот на семьдесят седьмом и последнем обороте стрелок вскрикнули злые волшебники и пропали, как будто их не было на свете.

Посмотрели ребята друг на друга и засмеялись от радости. Они снова стали детьми. С бою взяли, чудом вернули они потерянное напрасно время.

Они-то спаслись, но ты помни: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет.

1. Какое чудо случилось с детьми в этой сказке?
2. Как ты понимаешь название сказки Е. Л. Шварца?
3. Есть ли в этой сказке смешные моменты? Найди их и прочитай вслух. Что показалось тебе смешным?
4. Найди в тексте слова, которые выражают главную мысль этой сказки.
5. Расскажи. Запиши свой рассказ.

Кир Булычёв

ПУТЕШЕСТВИЕ АЛИСЫ

(Главы из повести¹)

Кустики

Восемнадцать раз наш космокатер облетел всю пустыню, и лишь на девятнадцатом заходе мы увидели в глубокой ложбине зелень. Разведкатер

¹ В сокращении.

снизились над песчаными барханами, и нашим глазам предстали кусты, окружавшие родник.

Кусты были невысоки, мне по пояс, у них были длинные, серебристые с изнанки листья и довольно короткие, толстые корни, которые легко выходили из песка. Мы осторожно выкопали пять кустов, выбирая те, на которых нашли бутоны, набрали в большой ящик песка и перенесли наши трофеи на «Пегас».

В тот же день «Пегас» стартовал с пустынного спутника и взял курс дальше.

Как только кончился разгон, я начал готовить к съёмкам камеру, потому что надеялся, что на кустах вскоре распустятся светящиеся цветы, а Алиса приготовила бумагу и краски, чтобы эти цветы зарисовать.

И в этот момент мы услышали тихое, благозвучное пение.

– Что такое? – удивился механик Зелёный. – Я не включал магнитофон. Кто включил? Почему мне не дают отдохнуть?

– Это поют наши кусты! – закричала Алиса. – Надвигается песчаная буря?

– Что? – удивился Зелёный. – Откуда в космосе может быть песчаная буря?

– Пошли к кустам, пап, – потребовала Алиса. – Посмотрим.

Алиса побежала в трюм, а я немного задержался, заряжая камеру.

– Я тоже схожу, – сказал механик Зелёный. – Никогда не видел поющих кустов.

Я заподозрил, что на самом деле ему хочется выглянуть в иллюминатор, потому что он опасается, а вдруг и в самом деле надвигается песчаная буря.

Только я кончил заряжать камеру, как услышал крик. Я узнал голос Алисы.

Я бросил камеру в кают-компанию и побежал скорее вниз, к трюму.

– Папа! – кричала Алиса. – Ты только посмотри!

– Спасите! – шумел механик Зелёный. – Они идут!

Ещё несколько шагов – и я подбежал к двери в трюм. В дверях я столкнулся с Алисой и Зелёным. Вернее, я столкнулся с Зелёным, который нёс на руках Алису. Вид у Зелёного был испуганный, и борода развевалась, словно от ветра.

В дверном проёме показались кустики. Зрелище было и на самом деле ужасное. Кустики вылезли из полного песка ящика и, тяжело переступая на коротких уродливых корнях, двигались на нас. Они шли полукругом, покачивая ветвями, бутоны раскрылись, и среди листьев горели, словно зловещие глаза, розовые цветы.

– К оружию! – крикнул Зелёный и протянул мне Алису.

– Захлопните дверь! – сказал я.

Но было поздно. Пока мы толкались, стараясь разминуться, первый из кустов миновал дверь, и нам пришлось отступить в коридор.

Один за другим кустики последовали за своим предводителем.

Зелёный, нажимая по пути все кнопки тревоги, побежал на мостик за оружием, а я схватил стоявшую у стены швабру и попытался прикрыть Алису. Она смотрела на наступление кустиков зачарованно, как кролик на удава.

– Да беги же! – крикнул я Алисе. – Мне их долго не сдержать!

Кустики упругими, сильными ветвями схватились за швабру и вырывали её из моих рук. Я отступал.

– Придержи их, па! – сказала Алиса и убежала.

«Хорошо, – успел подумать я, – что хоть Алиса в безопасности». Моё положение продолжало оставаться опасным. Кустики старались загнать меня в угол, а шваброй я уже не мог действовать.

– Зачем Зелёному огнемёт? – услышал я вдруг в динамике голос капитана Полоскова. – Что случилось?

– На нас напали кустики, – ответил я. – Но огнемёта Зелёному не давай. Я постараюсь запереть их в отсеке. Как только я отступлю за соединительную дверь, я тебе дам знать, и ты тут же закроешь трюмный отсек.

– Тебе не грозит опасность? – спросил Полосков.

– Нет, пока держусь, – ответил я.

И в тот же момент ближайший ко мне куст сильно дёрнул за швабру и вырвал её из рук. Швабра отлетела в дальний конец коридора, и кусты, будто ободренные тем, что я безоружен, двинулись ко мне сомкнутым строем.

И в этот момент я услышал быстрые шаги сзади.

– Ты куда, Алиса! – крикнул я. – Сейчас же назад! Они сильные, как львы! Но Алиса проскользнула у меня под рукой и кинулась к кустам.

Что-то большое, блестящее было у неё в руке. Я кинулся за ней следом, потерял равновесие и упал. Последнее, что я увидел, была Алиса, окружённая зловещными ветвями оживших кустов.

– Полосков! – крикнул я. – На помощь!

И в ту же секунду пение кустов прервалось. Сменилось тихим журчанием и вздохами.

Я поднялся на ноги и увидел мирную картинку.

Алиса стояла в самой гуще кустиков и поливала их из лейки. Кустики раскачивали ветвями, стараясь не упустить ни капли влаги, и блаженно вздыхали...

Когда мы загнали кусты обратно в трюм, убрали сломанную швабру и вытерли пол, я спросил Алису:

– Но как же ты догадалась?

– А ничего особенного, пап. Ведь кустики – растения. Значит, их надо поливать. Как морковь. А мы ведь их выкопали, посадили в ящик, а полить забыли. Когда Зелёный схватил меня и старался спасти, я успела подумать: ведь они у себя дома живут у самой воды. И третий капитан по их пению отыскал воду. А поют они, когда надвигается песчаная буря, которая сушит воздух и засыпает песком воду. Вот они и волнуются тогда, что воды им не хватит.

– Так чего же ты сразу не сказала?

– А ты бы поверил? Ты с ними воевал, как с тиграми. Ты совсем забыл, что они – самые обыкновенные кустики, которые надо поливать.

– Ну уж самые обыкновенные! – проворчал механик Зелёный. – Гоняются за водой по коридорам!

Тут уж наступила моя очередь как биолога сказать своё последнее слово.

– Так эти кусты борются за существование, – сказал я. – Воды в пустыне мало, родники пересыхают, и, чтобы остаться живыми, кустам приходится бродить по песку и искать воду.

С тех пор кусты мирно жили в ящике с песком. Только один из них, самый маленький и непоседливый, часто вылезал из ящика и подстерегал нас в коридоре, шелестел ветками, напевал, выпрашивал воду. Я просил Алису не перепаивать малыша – и так уж вода сочится из корней, – но Алиса его жалела и до самого конца путешествия таскала ему воду в стакане. И это ещё бы ничего. Но как-то она напоила его компотом, и теперь кустик вообще никому прохода не даёт. Топают по коридорам, оставляя за собой мокрые следы, и тупо тычётся листьями в ноги людям.

Разума в нём ни на грош. Но компот любит до безумия...

Что рассказали ушаны

Все коллекционеры и любители всяческих диковин в восьмом секторе Галактики прилетают на планету Блук. Там, у города Пала-путра, раз в неделю бывает базар...

У марсианских коллекционеров я бывал. Достал там для зоопарка редких летающих рыбок. А вот на Блуке бывать мне не приходилось.

Палапутра оказалась небольшим городом. В ней было очень много гостиниц и складов. А космодрому в Палапутре могла бы позавидовать любая столица.

Как только «Пегас» опустился на бетонное поле, к нему сразу подкатил автомобиль, в котором сидели стражники.

– Вы откуда прилетели? – спросили они Полоскова, затормозив у трапа.

– С Земли, – ответил Полосков.

– Это где?

– В третьем секторе. Солнечная система.

– Ага, так я и думал, – сказал главный стражник.

Он был очень похож на вентилятор. У него было три больших круглых уха, и когда он говорил, то вертел головой так, что поднимался ветер. Поэтому в Галактике жителей Блука прозвали ушанами.

Стражники поднялись на борт и прошли в кают-компанию.

– А что будете продавать? – спросил стражник.

– Мы хотели бы посмотреть, – ответил я, – нет ли здесь интересных зверей для Московского зоопарка.

– Значит, вы ничего не будете продавать? – спросил стражник.

– Нет.

– И у вас на борту нет никаких зверей?

– У нас есть звери, – сказал я, – но не для продажи.

– Покажите мне их, – сказал стражник.

– Почему? – удивился Полосков. – Мы ваши гости, и вы должны нам верить.

– Вам бы я поверил, – сказал ушан, – но вы мало знаете коллекционеров. Они тащат со всей Галактики разных тварей, а у нас потом сплошные неприятности. Раньше мы были вежливые и не проверяли корабли, а теперь проверяем. Научены горьким опытом.

И стражник, поднимая ветер ушами, рассказал нам такую печальную историю:

– Недавно на рынке обнаружился торговец. Он пришёл на базар с маленьким мешочком и банкой. В банке были белые червяки. Любители птиц сразу оценили этих червячков. Червяки были калорийные и очень нравились животным. Один коллекционер купил банку червячков. Второй купил, третий. А торговец развязывал мешок и черпал оттуда всё новых. Коллекционеры стали в очередь за червячками. Двести двадцать третьим в очереди стоял известный собиратель экзотических рыбок Крабакас с Баракаса. Он стоял, делать было нечего, и следил за тем, как торговец черпает червячков банкой из мешочка. И подсчитал, что в мешочке может уместиться только три с половиной банки червячков, не больше. Тогда Крабакас с Баракаса догадался, что дело нечисто. Он подошёл к торговцу и спросил: «Разве мешок бездонный?»

– Нет, ваше благоушие, – перебил главного стражника его помощник в этом месте рассказа, – он спросил: «Откуда вы берете червячков?»

– Молчи, – сказал третий стражник. – Ничего подобного. Крабакас с Баракаса спросил его: «Дайте мне ваш мешочек посмотреть».

– Молчать! – прикрикнул на своих помощников главный стражник.

– Уши откушу, если будете перебивать!.. Торговец не обратил на слова Крабакаса никакого внимания. Может быть, оттого, что диаметр Крабакаса всего полмиллиметра, хотя длиной он восемь метров и сам похож на очень-очень тонкого синего червяка. Тогда Крабакас обратился к коллекционерам, которые стояли в очереди, и воскликнул: «Мне не нравится этот подозрительный торговец!»

– Простите, ваше благоушие, – не выдержал снова помощник стражника, – но я осмелюсь сказать, что Крабакас с Баракаса сказал тогда другим коллекционерам: «Держите вора».

– Ты с ума сошёл! – зашипел на него третий стражник. – Крабакас сказал: «Я не менее разумное существо, чем вы, торговец, и попрошу обращать на меня внимание! И вообще отдайте мешок».

– Всё, – замахал ушами начальник стражников. – Я ухожу в отставку!

Стражники поссорились, перешли на свой, совершенно непонятный язык, который состоит в том, что они очень хитрым образом шевелят ушами. В кают-компании поднялась буря, и неизвестно, чем бы кончилась ссора стражников, если бы порывом ветра не сдуло со стола кофейник. Кофейник разбился, и стражникам стало стыдно за своё поведение.

– Простите нас, – сказал главный ушан. – Мы немного погорячились.

– Ничего, ничего, – сказал я, стараясь не улыбаться и собирая с пола осколки кофейника, пока Алиса бегала за тряпкой, чтобы вытереть коричневую лужу.

– Крабакас с Баракаса, – продолжал главный ушан, – объяснил коллекционерам свои подозрения, и они общими усилиями отняли у торговца маленький мешочек. В мешочке умещалось всего две горсти червей. Но когда они выгребли часть червей наружу, то тут же на глазах черви принялись делиться пополам и расти. Вдруг с дальнего конца базара раздался испуганный крик. Один любитель певчих птиц высыпал корм в клетку и увидел, что черви размножаются на глазах.

– Нет, – сказал второй стражник, взмахивая ушами. – Осмелюсь возразить, ваше благоушие...

Но главный стражник не стал слушать возражения. Он схватил своих помощников за уши и вытащил их из кают-компании, захлопнул дверь и сказал с облегчением:

– Теперь я расскажу спокойно.

Но дверь тут же приоткрылась, и в щель просунулось ухо непокорного стражника.

– Осмелюсь... – начал он.

– Нет, это невозможно! – Главный стражник прижался к двери тощей спиной и закончил рассказ: – Оказалось, что эти черви размножаются с

невероятной быстротой. Так быстро, что в десять минут их уже втрое больше, а за час – в шестьсот раз больше, чем раньше.

– А чем же они питаются? – удивилась Алиса.

– Воздухом, – ответил стражник. – Само собой разумеется, воздухом.

– Кислородом! – крикнул из-за его спины второй стражник.

– Азотом! – закричал третий.

Главный стражник прикрыл лицо ушами от стыда за своих подчинённых. Лишь через пять минут он настолько пришёл в себя, что смог закончить рассказ:

– В общем, уже через три часа весь рынок в Палапутре был на метр завален червяками, коллекционеры и торговцы разбежались куда глаза глядят.

– А торговец? – спросила Алиса.

– Торговец в суматохе исчез.

– Убежал, – слышалось из-за двери.

– Гора червяков расползлась во все стороны. К вечеру она достигла центра города. Все пожарные машины, которые заливали червяков водой и пеной из огнетушителей, не смогли справиться с нашествием. Червяков пытались жечь, травить, посыпать ДДТ¹, топтать ногами, но всё напрасно. Воздуха на планете становилось всё меньше и меньше. Пришлось раздать кислородные маски. Тревожные сигналы SOS полетели с планеты Блук во все концы Галактики. Но спас планету любитель птиц Крабакас с Баракаса. Он напустил на червяков едулок – птичек, маленьких ростом, но настолько прожорливых, что ни один уважающий себя коллекционер их держать не будет: чистое разорение. В конце концов от червяков удалось избавиться, хотя едулки заодно сожрали всех Муравьёв, пчёл, ос, комаров, бабочек, тараканов, шмелей и навозных жуков.

– Так зачем же этот торговец продавал таких опасных червей? – спросила Алиса.

– Как – зачем? Хотел получить прибыль. Ведь этот мешочек был бездонным.

– Нет, – сказала Алиса, – этого быть не может. Не такой уж он дурак. Ведь коллекционеры скоро догадались, в чём дело.

– Конечно, не дурак! – крикнул из-за двери другой стражник. – Он хотел погубить нашу планету!..

1. Чем тебе понравились главы из повести «Путешествие Алисы»?
2. Что ты можешь сказать о характере Алисы? Как он проявился в прочитанном тобой эпизоде?

¹ ДДТ – ядовитое вещество для борьбы с вредными насекомыми.

3. Мечтал ли ты путешествовать на космическом корабле к другим планетам, увидеть инопланетян? Запиши свои мечты, пофантазируй: как могут выглядеть животные на других планетах, какие там могут быть растения. Нарисуй иллюстрации к своему рассказу.

Вопросы и задания к разделу «Фантастика и приключения»

1. Как ты думаешь, зачем Мюнхгаузен придумывал свои невероятные истории? Можно ли назвать это ложью?
- 2. Вспомни «Сказки по телефону» Д. Радари и ответь на вопросы.
- а. Почему Тонино захотел стать невидимкой?
- 1) Он не выучил урок.
 - 2) Он хотел навредить своим одноклассникам.
 - 3) Он хотел пошутить.
- б. Почему Алиса хотела превратиться в рыбу?
- 1) Она не хотела ходить в школу.
 - 2) Она хотела посмотреть дальние страны.
 - 3) Она хотела жить в море и увидеть морское дно.
- в. Какое самое главное качество Мартино?
- 1) Любопытство.
 - 2) Независимость.
 - 3) Терпеливость.
3. А знаешь ли ты, что фантастические произведения бывают двух видов: фэнтези и научная фантастика. В жанре фэнтези пишут современные сказки о драконах и магах, о чудесных превращениях. В жанре научной фантастики пишут писатели, которые стараются изобразить мир нашего будущего, показать, чего могут достичь люди, используя новейшие открытия науки и техники.
4. Как ты думаешь, повесть «Путешествие Алисы» Кира Булычева – это научная фантастика или фэнтези?
- * 5. Какие произведения, написанные в жанре фэнтези, ты знаешь?
- * 6. А тебе хотелось когда-нибудь стать невидимкой, рыбой, попасть в неведомый замок? Твоя фантазия поможет тебе совершить разные превращения. Превратись во что-нибудь! Сочини сказку или фантастический рассказ и опиши свои приключения.

ПОЭЗИЯ ВЕСНЫ

Федор Тютчев

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный –
Всё вторит¹ весело громам...

1. Почему Ф. Тютчев называет раскаты грома молодыми?
2. Что такое птичий гам?

Николай Некрасов

ЗЕЛЁНЫЙ ШУМ

Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнёт кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако: всё зелено –
И воздух, и вода!

Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!

.....
Как молоком облитые,
Стоят сады вишнёвые,
Тихохонько шумят;
Пригреты тёплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;

¹ Вторить – повторять.

А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая берёзонька
С зелёною косой!
Шумит тростинка малая,

Шумит высокий клён...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!

- ?
1. Как ты понимаешь слова «как молоком облитые, стоят сады вишнёвые»?
 2. Назови главного героя в этом стихотворении. Это ветер? Весна? Деревья? Почему ты так думаешь?

Сергей Есенин

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Задремали звёзды золотые,
Задрожало зеркало затона¹,
Брезжит² свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные берёзки,
Растрепали шёлковые косы.
Шелестят зелёные серёжки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

- ?
1. С чем сравнивает С. Есенин берёзки? Что общего у сравниваемых предметов? Что помогает увидеть, ощутить такое сравнение?
 2. Как ты понимаешь слова «обрядилась ярким перламутром»?

Алыкул Осмонов

БЕРЁЗА

Ты прекрасна юностью и силой,
Хорошеешь с каждою весной.
Ты, берёза, век была мне милой –

¹ Затон – пруд.

² Брезжить – светиться неярко.

Ты, берёза, выросла со мной.
Каждую весну ты – вся в кудряшках,
Вьётся в ветках небо голубое.
Мы с тобою с детства, как двойняшки.
Мы, берёза, выросли с тобою!

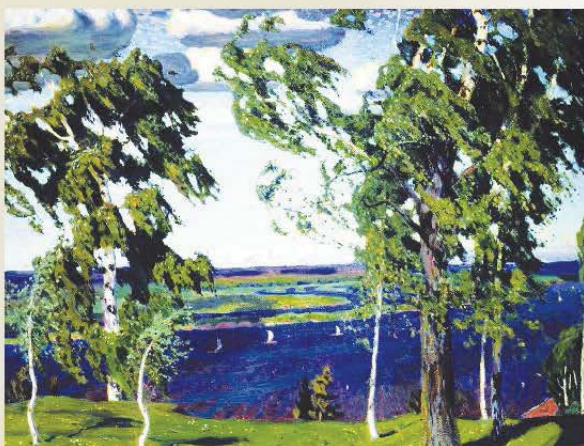
Посмотри, как друг твой стал серьёзен,
Только ты переросла ограду...
Возврати мне молодость, берёза!
Мне другого ничего не надо!

- 1. Как ты понимаешь слова «вьётся в ветках небо голубое»?
- * 2. О чём просит А. Осмонов берёзу? Почему он просит именно берёзу?

Вопросы и задания к разделу «Поэзия весны»

- 1. Какие картины ты представлял себе, когда читал эти стихи? Выбери стихотворение, которое тебе понравилось больше всего, и расскажи подробно, что возникло в твоём воображении?
- ! 2. Вспомни, что рифма – это созвучие, соразмерность слов стихотворения. Найди рифмы в стихотворении Ф. Тютчева.
- 3. Из какого стихотворения эти рифмы: берёзки-серёжки, косы-росы?
- * 4. Есть ли рифмы в стихотворении Н. Некрасова? Какой вывод можно сделать?
- ! 5. Внимательно рассмотри картины из раздела «Наш музей». Напиши мини-сочинение по любой картине. Обязательно используй сравнения. В качестве заголовка возьми строчку из стихотворений о весне.

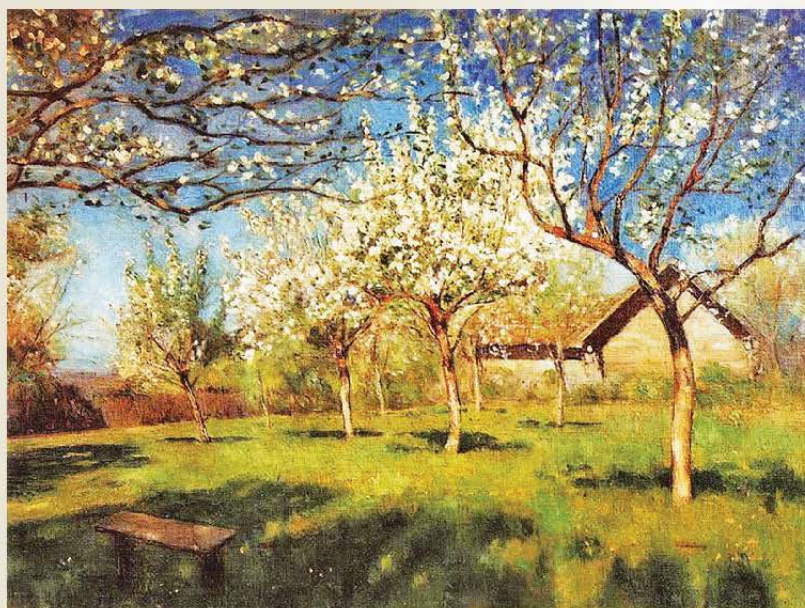
НАШ МУЗЕЙ

А. А. Рылов. Зелёный шум

И. И. Левитан. Большая вода. Весна

И. И. Левитан. Ветка яблони. Цветение

Виктор Драгунский

ЧТО ЛЮБИТ МИШКА

Один раз мы с Мишкой вошли в зал, где у нас бывают уроки пения. Борис Сергеевич сидел за своим роялем и что-то играл потихоньку. Мы с Мишкой сели на подоконник и не стали ему мешать, да он нас и не заметил вовсе, а продолжал себе играть, и из-под пальцев у него очень быстро выскакивали разные звуки. Они разбрызгивались, и получалось что-то очень приветливое и радостное. Мне очень понравилось, и я бы мог долго так сидеть и слушать, но Борис Сергеевич скоро перестал играть. Он закрыл крышку рояля, и увидел нас, и весело сказал:

– О! Какие люди! Сидят, как два воробья на веточке! Ну, так что скажете?

Я спросил:

– Это вы что играли, Борис Сергеевич? Он ответил:

– Это Шопен. Я его очень люблю.

Я сказал:

– Конечно, раз вы учитель пения, вот вы и любите разные песенки.

Он сказал:

– Это не песенка. Хотя я и песенки люблю, но это не песенка. То, что я играл, называется гораздо большим словом, чем просто «песенка».

Я сказал:

– Каким же? Словом-то?

Он серьёзно и ясно ответил:

– Му-зы-ка. Шопен – великий композитор. Он сочинил чудесную музыку. А я люблю музыку больше всего на свете.

Тут он посмотрел на меня внимательно и сказал:

– Ну, а ты что любишь? Больше всего на свете?

Я ответил:

– Я много чего люблю.

И я рассказал ему, что я люблю. И про собаку, и про строганье, и про слонёнка, и про красных кавалеристов, и про маленькую лань на розовых копытцах, и про древних воинов, и про прохладные звёзды, и про лошадиные лица, всё, всё...

Он выслушал меня внимательно, у него было задумчивое лицо, когда он слушал, а потом он сказал:

– Ишь! А я и не знал. Честно говоря, ты ведь ещё маленький, ты не обижайся, а смотри-ка – любишь как много! Целый мир.

Тут в разговор вмешался Мишка. Он надулся и сказал:

– А я ещё больше Дениски люблю разных разностей! Подумаешь!

Борис Сергеевич рассмеялся:

– Очень интересно! Ну-ка, поведай тайну своей души. Теперь твоя очередь, принимай эстафету! Итак, начинай! Что же ты любишь?

Мишка поёрзал на подоконнике, потом откашлялся и сказал:

– Я люблю булки, плюшки, батоны и кекс! Я люблю хлеб, и торт, и пирожные, и пряники, хоть тульские, хоть медовые, хоть глазурованные. Сушки люблю тоже, и баранки, бублики, пирожки с мясом, повидлом, капустой и с рисом.

Я горячо люблю пельмени, и особенно ватрушки, если они свежие, но чёрствые тоже ничего. Можно овсяное печенье и ванильные сухари.

А ещё я люблю кильки, сайру, судака в маринаде, бычки в томате, чистик в собственном соку, икру баклажанную, кабачки ломтиками и жареную картошку.

Варёную колбасу люблю прямо безумно, если докторская, – на спор, что съем целое кило! И столовую люблю, и чайную, и зельц, и копчёную, и полукопчёную, и сырокопчёную! Эту вообще я люблю больше всех. Очень люблю макароны с маслом, вермишель с маслом, рожки с маслом, сыр с дырочками и без дырочек, с красной коркой или с белой – всё равно.

Люблю вареники с творогом, творог солёный, сладкий, кислый; люблю яблоки, тёртые с сахаром, а то яблоки одни самостоятельно, а если яблоки очищенные, то люблю сначала съесть яблочко, а уж потом, на закуску – кожуру!

Люблю печёнку, котлеты, селёдку, фасолевым суп, зелёный горошек, варёное мясо, ириски, сахар, чай, джем, боржом, газировку с сиропом, яйца всмятку, вкрутую, в мешочке, могу и сырые. Бутерброды люблю прямо с чем попало, особенно если толсто намазать картофельным пюре или пшённой кашей. Так... Ну, про халву говорить не буду – какой дурак не любит халвы? А ещё я люблю утятину, гусятину и индюшину. Ах, да! Я всей душой люблю мороженое. За семь, за девять. За тринадцать, за пятнадцать, за девятнадцать. За двадцать две и за двадцать восемь.

Мишка обвёл глазами потолок и перевёл дыхание. Видно, он уже здорово устал. Но Борис Сергеевич пристально смотрел на него, и Мишка поехал дальше.

Он бормотал:

– Крыжовник, морковку, кету, горбушу, репу, борщ, пельмени, хотя пельмени я уже говорил, бульон, бананы, хурму, компот, сосиски, колбасу, хотя колбасу тоже говорил...

Мишка выдохся и замолчал. По его глазам было видно, что он ждёт, когда Борис Сергеевич его похвалит. Но тот смотрел на Мишку немного недовольно и даже как будто строго. Он тоже словно ждал чего-то от Мишки: что, мол, Мишка ещё скажет. Но Мишка молчал. У них получилось, что они оба друг от друга чего-то ждали и молчали.

Первый не выдержал Борис Сергеевич.

– Что ж, Миша, – сказал он, – ты многое любишь, спору нет, но всё, что ты любишь, оно какое-то одинаковое, чересчур съедобное, что ли. Получается, что ты любишь целый продуктовый магазин. И только... А люди? Кого ты любишь? Или из животных?

Тут Мишка весь встрепенулся и покраснел.

– Ой, – сказал он смущенно, – чуть не забыл! Ещё – котят! И бабушку!

1. Как вы думаете, почему, когда Борис Сергеевич слушал рассказ Дениски, у него было задумчивое лицо?
2. Можно ли сказать, что Борис Сергеевич стал уважать Дениску, после того как узнал его лучше? Какие слова это подтверждают?
3. Как вы думаете, а Мишка на самом деле любил только «целый продуктовый магазин»? Почему вы так считаете? Объясните.
4. Что тебе показалось самым смешным в этом рассказе?
5. Напишите мини-сочинение на тему «Я люблю...»

Виктор Драгунский

ГЛАВНЫЕ РЕКИ

Хотя мне уже идёт девятый год, я только вчера догадался, что уроки всё-таки надо учить. Любишь не любишь, хочешь не хочешь, лень тебе или не лень, а учить уроки надо. Это закон. А то можно в такую историю вляпаться, что своих не узнаешь. Я, например, вчера не успел уроки сделать. У нас было задано выучить кусочек из одного стихотворения Некрасова и главные реки Америки. А я, вместо того чтобы учиться, запускал во дворе змея в космос. Ну, он в космос все-таки не залетел, потому что у него был чересчур лёгкий хвост, и он из-за этого крутился, как волчок. Это раз. А во-вторых, у меня было мало ниток, и я весь дом обыскал и собрал все нитки, какие только были; у мамы со швейной машины снял, и то оказалось мало.

Змей долетел до чердака и там завис, а до космоса ещё было далеко.

И я так завозился с этим змеем и космосом, что совершенно позабыл обо всём на свете. Мне было так интересно играть, что я и думать перестал про какие-то там уроки. Совершенно вылетело из головы. А оказалось, никак нельзя было забывать про свои дела, потому что получился позор.

Я утром немножко заспался, и, когда вскочил, времени оставалось чуть-чуть... Но я читал, как ловко одеваются пожарные – у них нет ни одного лишнего движения, и мне до того это понравилось, что я пол-лета тренировался быстро одеваться. И сегодня я как вскочил и глянул на часы, то сразу понял, что одеваться

надо, как на пожар. И я оделся за одну минуту сорок восемь секунд весь, как следует, только шнурки зашнуровал через две дырочки. В общем, в школу я поспел вовремя и в класс тоже успел примчаться за секунду до Раисы Ивановны. То есть она шла себе потихоньку по коридору, а я бежал из раздевалки (ребят уже не было никого). Когда я увидел Раису Ивановну издали, я припустился во всю прыть и, не доходя до класса каких-нибудь пять шагов, обошёл Раису Ивановну и вскочил в класс. В общем, я выиграл у неё секунды полторы, и, когда она вошла, книги мои были уже в парте, а сам я сидел с Мишкой как ни в чём не бывало. Раиса Ивановна вошла, мы встали и поздоровались с ней, и громче всех поздоровался я, чтобы она видела, какой я вежливый. Но она на это не обратила никакого внимания и ещё на ходу сказала:

– Кораблёв, к доске!

У меня сразу испортилось настроение, потому что я вспомнил, что забыл приготовить уроки. И мне ужасно не хотелось вылезать из-за своей родимой парты. Я прямо к ней как будто приклеился. Но Раиса Ивановна стала меня торопить;

– Кораблёв! Что же ты? Я тебя зову или нет?

И я пошёл к доске. Раиса Ивановна сказала:

– Стихи!

Чтобы я читал стихи, какие заданы. А я их не знал. Я даже плохо знал, какие заданы-то. Поэтому я моментально подумал, что Раиса Ивановна тоже, может быть, забыла, что задано, и не заметит, что я читаю. И я бодро завел:

Зима!... Крестьянин торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка снег почуя,
Плетется рысью Как-нибудь...

– Это Пушкин, – сказала Раиса Ивановна.

– Да, – сказал я, – это Пушкин. Александр Сергеевич.

– А я что задала? – сказала она.

– Да! – сказал я.

– Что «да»? Что я задала, я тебя спрашиваю? Кораблёв!

– Что? – сказал я.

– Что «что»? Я тебя спрашиваю: что я задала?

Тут Мишка сделал наивное лицо и сказал:

– Да что он, не знает, что ли, что вы Некрасова задали? Это он не понял вопроса, Раиса Ивановна.

Вот что значит верный друг. Это Мишка таким хитрым способом ухитрился мне подсказать. А Раиса Ивановна уже рассердилась:

– Слонов! Не смей подсказывать!

– Да! – сказал я. – Ты чего, Мишка, лезешь? Без тебя, что ли, не знаю, что Раиса Ивановна задала Некрасова! Это я задумался, а ты тут лезешь, сбиваешь только.

Мишка стал красный и отвернулся от меня. А я опять остался один на один с Раисой Ивановной.

– Ну? – сказала она.

– Что? – сказал я.

– Перестань ежеминутно чтокать!

Я уже видел, что она сейчас рассердится как следует.

– Читай. Наизусть!

– Что? – сказал я.

– Стихи, конечно! – сказала она.

– Ага, понял. Стихи, значит, читать? – сказал я. – Это можно. – И громко начал: – Стихи Некрасова. Поэта. Великого поэта.

– Ну! – сказала Раиса Ивановна.

– Что? – сказал я.

– Читай сейчас же! – закричала бедная Раиса Ивановна. – Сейчас же читай, тебе говорят! Заглавие!

Пока она кричала, Мишка успел мне подсказать первое слово. Он шепнул, не разжимая рта, но я его прекрасно понял. Поэтому я смело выдвинул ногу вперёд и продекламировал:

– Мужичонка!

Все замолчали, и Раиса Ивановна тоже. Она внимательно смотрела на меня, а я смотрел на Мишку еще внимательнее. Мишка показывал на свой большой палец и зачем-то щёлкал его по ногтю.

И я как-то сразу вспомнил заглавие и сказал:

– С ноготком!

И повторил всё вместе:

– Мужичонка с ноготком!

Все засмеялись. Раиса Ивановна сказала:

– Довольно, Кораблёв!.. Не старайся, не выйдет. Уж если не знаешь, не срамись. – Потом она добавила: – Ну, а как насчёт кругозора? Помнишь, мы вчера сговорились всем классом, что будем читать и сверх программы интересные книжки? Вчера вы решили выучить названия всех рек Америки. Ты выучил?

Конечно, я не выучил. Этот змей, будь он неладен, совсем мне всю жизнь испортил. И я хотел во всем признаться Раисе Ивановне, но вместо этого вдруг неожиданно даже для самого себя сказал:

– Конечно, выучил. А как же!

– Ну вот, исправь это ужасное впечатление, которое ты произвёл чтением стихов Некрасова. Назови мне самую большую реку Америки, и я тебя отпущу.

Вот когда мне стало худо. Даже живот заболел, честное слово. В классе была удивительная тишина. Все смотрели на меня. А я смотрел в потолок. И думал, что сейчас уже наверняка я умру. До свидания, всё! И в эту секунду я увидел, что в левом последнем ряду Петька Горбушкин показывает мне какую-то длинную газетную ленту, и на ней что-то намалёвано чернилами, толсто намалёвано, наверное, он пальцем писал. И я стал вглядываться в эти буквы и наконец прочёл первую половину.

А тут Раиса Ивановна снова:

– Ну, Кораблёв? Какая же главная река в Америке?

У меня сразу же появилась уверенность, и я сказал:

– Миси-писи.

Дальше я не буду рассказывать. Хватит. И хотя Раиса Ивановна смеялась до слёз, но двойку она мне вlepила будь здоров. И я теперь дал клятву, что буду учить уроки всегда. До глубокой старости.

1. Какие места в рассказе вам показались особенно смешными? А есть ли грустные моменты в произведении?
2. Каким изобразил автор мальчика?
3. Найдите в этом произведении главные слова.

А знаешь ли ты, что река Миссисипи находится в Северной Америке, Миссури – это приток Миссисипи. Другая «главная река» Америки – Амазонка – имеет 500 притоков. Протекает она в Южной Америке.

Николай Носов

ШУРИК У ДЕДУШКИ

Летом мы с Шуриком жили у дедушки. Шурик – это мой младший брат. Он ещё в школе не учится, а я уже в первый класс поступил. Только он всё равно меня не слушается... Ну и не надо!.. Когда мы приехали, так сейчас же обыскали весь двор, облазили все сараи и чердаки. Я нашёл стеклянную банку из-под варенья и круглую железную коробочку от гуталина¹. А Шурик нашёл старую дверную ручку и большую калошу на правую ногу. Потом мы чуть не подрались с ним на чердаке из-за удочки. Я первый увидел удочку и сказал:

– Чур, моя!

Шурик тоже увидел и давай кричать:

– Чур, моя! Чур, моя!

Я схватил удочку, а он тоже вцепился в неё и давай отнимать. Я рассердился – как дёрну!.. Он отлетел в сторону и чуть не упал. Потом говорит:

– Подумаешь, очень нужна мне твоя удочка! У меня есть калоша.

– Вот и целуйся со своей калошей, – говорю я, – а удочку нечего рвать из рук.

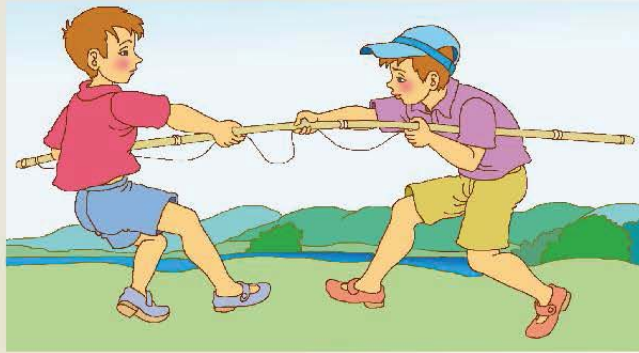
Я отыскал в сарае лопату и пошёл копать червей, Чтобы ловить рыбу, а Шурик пошёл к бабушке и стал просить у неё спички.

– Зачем тебе спички? – спрашивает бабушка.

– Я, – говорит, – разведу во дворе костёр, сверху положу калошу, калоша расплавится, и из неё получится резина.

– Ещё чего выдумаешь! – замахала руками бабушка. – Ты тут и дом весь спалишь со своим баловством. Нет, голубчик, и не проси. Что это ещё за игрушки с огнём! И слушать ничего не желаю.

¹ Гуталин – крем для обуви.

Тогда Шурик взял дверную ручку, которую нашёл в сарае, привязал к ней верёвку, а к другому концу верёвки привязал калошу. Ходит по двору, верёвку за ручку держит, а калоша за ним по земле ездит. Куда он – туда и она. Подошёл ко мне, увидел, что я червей копаю, и говорит:

- Можешь не стараться: всё равно ничего не поймает.
- Это почему? – спрашиваю.
- Я заколдую рыбу.
- Пожалуйста, – говорю, – колдуй на здоровье.

Я накопал червей, сложил их в коробочку и пошёл к пруду. Пруд был позади двора – там, где колхозный огород начинается. Насадил я на крючок червяка, уселся на берегу и забросил удочку. Сажу и за поплавок слежу. А Шурик подкрался сзади и давай кричать во все горло:

Колдуй, баба, колдуй, дед,
Колдуй, серенький медведь!
Колдуй, баба, колдуй, дед,
Колдуй, серенький медведь!

Я решил молчать и ничего не говорить, потому что с ним всегда так: если скажешь что-нибудь, ещё хуже будет.

Наконец он наколдовался, бросил в пруд калошу и стал её по воде на верёвке таскать. Потом придумал такую вещь: бросит калошу на середину пруда и давай в неё камнями швырять, пока не утопит, а потом начинает её со дна на верёвке вытаскивать.

Я сначала молча терпел, а потом как не вытерплю:

- Пошёл вон отсюда! – кричу. – Ты распугал мне всю рыбу!

А он говорит:

- Всё равно ничего не поймает: заколдована рыба.

И опять плюх калошу на середину пруда! Я вскочил, схватил палку – и к нему. Он давай удирать, а калоша за ним на верёвке так и скачет. Еле убежал от меня.

Вернулся я к пруду и стал снова рыбу ловить. Ловил, ловил... Уже солнышко высоко поднялось, а я всё сижу да на поплавок гляжу. Не клюет рыба, хоть тресни! На Шурика злюсь, прямо избить готов. Не то чтоб я в его колдовство поверил, а знаю, что если приду без рыбы, смеяться будет. Уж чего я ни делал: и подальше от берега забрасывал удочку, и поближе, и поглубже крючок опускал – ничего не выходит. Захотелось мне есть, пошёл я домой, вдруг слышу – кто-то в ворота колотит: «Бум-бум! Бах-бах!»

Подхожу к воротам, смотрю, а это Шурик. Достал где-то молоток, гвозди и прибывает к калитке дверную ручку.

– Это ты для чего прибываешь? – спрашиваю.

Он увидел меня, обрадовался:

– Хи-хи! Рыболов пришёл. Где же твоя рыба?

Я говорю:

– Ты зачем прибываешь ручку? Здесь же есть одна ручка.

– Ничего, – говорит, – пусть две будут. Вдруг одна оторвётся.

Прибил ручку, и ещё у него один гвоздь остался. Он долго думал, что с этим гвоздём делать, хотел его просто в калитку загнать, потом придумал: приложил калосу подошвой к калитке и стал её гвоздем приколачивать.

– А это для чего? – спрашиваю.

– Так просто.

– Просто глупо, – говорю я.

Вдруг смотрим – дедушка с работы идёт. Шурик испугался, давай отрывать калосу, а она не отрывается. Тогда он встал, загородил калосу спиной и стоит.

Дедушка подошёл и говорит:

– Вот молодцы, ребятки! Только приехали – и за работу сразу... Кто это придумал к калитке вторую ручку прибить?

– Это, – говорю, – Шурик.

Дедушка только крякнул.

– Ну что ж, – говорит, – теперь у нас две ручки будет: одна сверху, другая снизу. Вдруг какой-нибудь коротенький человек придёт. До верхней ручки ему не дотянуться, так он до нижней достанет.

Тут дедушка заметил калосу:

– А это ещё что?

Я так и фыркнул. «Ну, – думаю, – сейчас Шурику от дедушки будет».

Шурик покраснел, сам не знает, что тут ответить.

А дедушка говорит:

– Это что ж? Это, наверно, всё равно что ящик для писем. Придёт почтальон, увидит, что дома никого нет, сунет письмо в калосу и пойдёт дальше. Очень остроумно придумано.

– Это я сам придумал! – похвастался Шурик.

– Да неужто?

– Честное слово!

– Ну молодец! – развёл руками дедушка.

За обедом дедушка всё разводил руками и рассказывал бабушке про эту калошу:

– Понимаешь, какой остроумный ребёнок! До чего сам додумался, ты не поверишь даже! Понимаешь, калошу к калитке, а? Я давно говорю, что надо ящик для писем прибить, а того и не сообразить

– Ладно уж, – усмехнулась бабушка. – Я куплю ящик, а пока пусть повисит калоша.

После обеда Шурик побежал в сад, а дедушка говорит:

– Ну, Шурик у нас уже отличился, а ты, Николка, тоже, небось, чего-нибудь наработал. Ты уж признавайся, порадуй дедушку.

– Я, – говорю, – ловил рыбу, да рыба не ловится.

– А ты где ловил?

– В пруду.

– Э... – протянул дедушка, – какая же тут рыба? Этот пруд недавно вырыли. Тут даже лягушки ещё не развелись. А ты, голубчик, не поленись, пойди на речку. Там у мостика течение быстрое. На этой быстринке и полови.

Дедушка ушёл на работу, а я взял удочку и говорю Шурику:

– Пойдём на реку, будем вместе рыбу ловить.

– Ага, – говорит, – испугался! Теперь подлизываешься!

– Зачем мне подлизываться?

– А чтоб я не колдовал больше.

– Колдуй, – говорю, – пожалуйста.

Взял я коробку с червями, банку из-под варенья, чтоб было куда рыбу сажать, и пошёл. А Шурик сзади поплёлся.

Пришли на реку. Я пристроился на берегу, недалеко от моста, где течение побыстрей, забросил удочку.

А Шурик толчется возле меня и все бормочет:

Колдуй, баба, колдуй, дед!

Колдуй, серенький медведь!

Помолчит чуточку, помолчит, а потом снова:

Колдуй, баба, колдуй, дедю...

Вдруг рыба как клюнет, я как дёрну удочку! Рыба сверкнула в воздухе, сорвалась с крючка, упала на берег и ну плясать возле самой воды.

Шурик как крикнет:

– Держи её!

Бросился к рыбе и давай ловить. Рыба по берегу скачет, а он прямо животом на неё бросается, никак поймать не может; чуть она не удрала обратно в реку.

Наконец он её схватил. Я набрал в банку воды, Шурик пустил в неё рыбу и стал разглядывать.

– Это, – говорит, – окунь. Честное слово, окунь! Видишь, какие у него полоски. Чур, мой будет!

В этот день мы долго удили. Поймали шесть окуньков, четырёх пескарей и даже ёршика одного выудили.

На обратном пути Шурик нёс банку с рыбой и даже подержать не давал мне. Он был очень рад и совсем не обиделся, когда увидел, что его калоша исчезла, а вместо неё на калитке висит новенький голубой ящик для писем.

– Ну и пусть, – сказал он. – По-моему, ящик ещё даже лучше калоши.

Он махнул рукой и поскорей побежал показывать рыбу бабушке. Бабушка похвалила нас. А потом я ему сказал:

– Вот видишь, а ты колдовал! Ничего твоё колдовство не значит. Я в колдовство не верю.

– У! – сказал Шурик. – А я, думаешь, верю? Это одни только дикари верят да старенькие старушки.

Этим он очень насмешил бабушку, потому что бабушка хоть и была старенькая, но тоже не верила в колдовство.

- 1. От чьего имени ведётся рассказ? Как зовут этого мальчика?
- 2. Расскажи, как Шурик мешал своему брату?
- 3. Найди самый смешной диалог и приготовься читать его по ролям.
- 4. Как ты думаешь, можно ли считать старшего мальчика хорошим братом? Объясни свой ответ.

История в картинках

«ПРОГУЛКА»

1. Расскажи историю по картинкам.
2. Какой заголовок больше всего к ней подходит:
 - И смех, и слезы
 - Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним
 - Запас карман не тянет
3. Вспомни смешной случай из своей жизни, нарисуй историю в картинках.

Агния Барто

В ТЕАТРЕ

Когда мне было
Восемь лет,
Я пошла
Смотреть балет.

Мы пошли с подругой Любой.
Мы в театре сняли шубы,
Сняли тёплые платки.
Нам в театре, в раздевальне
Дали в руки номерки.

Наконец-то я в балете!
Я забыла всё на свете!

Даже три помножить на три
Я сейчас бы не могла.
Наконец-то я в театре,
Как я этого ждала!

Я сейчас увижу фею
В белом шарфе и венке.

Я сижу, дышать не смею,
Номерок держу в руке.

Вдруг оркестр грянул в трубы.
Мы с моей подругой Любой
Даже вздрогнули слегка.
Вдруг вижу – нету номерка.

Фея кружится на сцене
Я на сцену не гляжу.
Я обшарила колени –
Номерка не нахожу.

Может, он
Под стулом где-то?

Мне теперь
Не до балета!

Всё сильней играют трубы,
Пляшут гости на балу,
А мы с моей подругой Любой
Ищем номер на полу.

Укатился он куда-то...
Я в соседний ряд ползу.
Удивляются ребята:
– Кто там ползает внизу?
По сцене бабочка порхала
Я не видала ничего:
Я номерок внизу искала
И наконец нашла его.

А тут как раз зажегся свет,
И все ушли из зала.
– Мне очень нравится балет, –
Ребятам я сказала.

1. Что тебе показалось самым смешным в этом стихотворении:
- а) как девочки вздрогнули от звуков оркестра;
 - б) что девочка хотела в театре увидеть что-то чудесное, а сама ползала по полу;
 - в) что девочка соврала, что ей понравился балет.
- * 2. Найди в этом стихотворении резкие противопоставления. Для чего они здесь нужны?

Агния Барто

СЕРЁЖА УЧИТ УРОКИ

Серёжа взял свою тетрадь –
Решил учить уроки:

Озёра начал повторять
И горы на востоке,

Но тут как раз пришёл монтёр.
Серёжа начал разговор
О пробках, о проводке.

Через минуту знал монтёр.
Как нужно прыгать с лодки,
И что Серёже десять лет,
И что в душе он лётчик.

Но вот уже зажёгся свет
И заработал счетчик.

Серёжа взял свою тетрадь –
Решил учить уроки:
Озёра начал повторить
И горы на востоке.

Но вдруг увидел он в окно,
Что двор сухой и чистый,
Что дождик кончился давно
И вышли футболисты.
Он отложил свою тетрадь.
Озёра могу подождать.

Он был, конечно, вратарём,
Пришёл домой не скоро,

1. Что на самом деле мешало Серёже выучить уроки?
2. Найди повторы в этом стихотворении. Правда, от этих повторов стихотворение становится смешнее? Что ещё смешного есть в этом стихотворении?

Часам примерно к четырём
Он вспомнил про озёра.

Он взял свою тетрадь –
Решил учить уроки:
Озёра начал повторять
И горы на востоке,

Но тут Алёша, младший брат,
Сломал Серёжин самокат.

Пришлось чинить два колеса
На этом самокате.
Он с ним возился полчаса
И покатался, кстати.

Но вот Серёжина тетрадь
В десятый раз открыта.

– Как много стали задавать! –
Вдруг он сказал сердито. –
Сижу над книжкой до сих пор
И всё не выучил озёр.

Агния Барто

ОЧКИ

Скоро десять лет Серёже,
Диме
Нет ещё шести, –

Дима
Всё никак не может
До Серёжи дорасти!

Бедный Дима!
Он моложе!
Он завидует Серёже!

Брату всё разрешено –
Он в четвёртом классе!
Может он ходить в кино,
Брать билеты в кассе!

У него в портфеле ножик,
На груди горят значки!
А теперь ещё Серёже
Доктор выписал очки!

Нет, ребята, это слишком!
Он в очках явился вдруг!
Во дворе сказал мальчишкам:
– Я ужасно близорук!

И наутро вот что было:
Бедный Дима вдруг ослеп.
На окне лежало мыло –
Он сказал, что это хлеб!

Со стола он сдёрнул скатерть,
Налетел на стул спиной
И спросил про тётю Катю:
– Это шкаф передо мной?

Ничего не видит Дима:
Стул берёт – садится мимо.
И кричит: – Я близорукий!
Мне к врачу необходимо!

Я хочу идти к врачу!
Я очки носить хочу!
– Не волнуйся и не плачь, –
Говорит больному врач.

Надевает он халат,
Вынимает шоколад.

Не успел сказать ни слова,
Раздаётся крик больного:
– Шоколада мне не надо,
Я не вижу шоколада!
Доктор смотрит на больного,
Говорит ему сурово:
– Мы тебе не дурачки!
Не нужны тебе очки.

Вот шагает Дима к дому,
Он остался в дурачках.
Не завидуйте другому,
Даже если он в очках!

1. Как доктор догадался, что Дима притворяется?
2. Желая быть похожим на старшего брата, Дима позавидовал даже тому, что Серёже прописали очки. Это – самое смешное в этом стихотворении. А что ещё вызвало у тебя улыбку?

Вопросы и задания к разделу «Хорошие соседи, хорошие друзья»

1. Соотнеси произведения с одинаковой идеей
а) Н. Носов. «Шурик у бабушки»;	1. А. Барто. «Серёжа учит уроки»
б) В. Драгунский. «Главные реки»;	
в) Е. Шварц. «Сказка о потерянном времени»;	2. А. Барто. «Очки»

2. Что помогло детям из сказки Е. Шварца вернуться в детство:
- а) точный расчёт времени;
 - б) взаимопомощь, дружба;
 - в) волшебные помощники;

3. Как ты думаешь, что такое юмор? Объясни своими словами.

- * 4. Какие приёмы использует А. Барто, чтобы вызвать у нас улыбку (может быть несколько правильных ответов):
- а) повторы;
 - б) противопоставления;
 - в) игра слов;
 - г) сравнения.

5. Вспомни весёлый случай из своей жизни. Что было самым смешным в этой истории?

- * 6. Напиши юмористический рассказ.

Михаил Зощенко

БАБУШКИН ПОДАРОК

У меня была бабушка. И она очень горячо меня любила.

Она каждый месяц приезжала к нам в гости и дарила нам игрушки. И вдобавок приносила с собой целую корзинку пирожных. Из всех пирожных она мне позволяла выбрать то, которое мне нравится.

А мою старшую сестрёнку Лёлю бабушка не очень любила. И не позволяла ей выбирать пирожные. Она сама давала ей какое придётся. И от этого сестрёнка моя Лёля всякий раз хныкала и сердилась больше на меня, чем на бабушку.

В один прекрасный летний день бабушка приехала к нам на дачу.

Она приехала на дачу и идёт по саду. В одной руке у неё корзинка с пирожными, в другой – сумочка.

И мы с Лёлей подбежали к бабушке и с ней поздоровались. И с грустью увидели, что на этот раз, кроме пирожных, бабушка нам ничего не принесла.

И тогда моя сестрёнка Лёля сказала бабушке:

– Бабушка, а кроме пирожных ты разве нам сегодня ничего не принесла?

И моя бабушка рассердилась на Лёлю и так ей ответила:

– Принесла, но только не дам невоспитанной особе, которая так откровенно об этом спрашивает. Подарок получит благовоспитанный мальчик Миня, который лучше всех на свете, благодаря своему тактичному молчанию.

И с этими словами бабушка велела мне протянуть руку. И на мою ладонь положила 10 новеньких монеток по 10 копеек.

И вот я стою, как дурачок, и с восторгом смотрю на новенькие монеты, которые лежат у меня на ладони. И Лёля тоже смотрит на эти монеты. И ничего не говорит. Только у неё глазёнки сверкают недобрый огоньком.

Бабушка полюбовалась на меня и пошла пить чай.

И тогда Лёля с силой ударила меня по руке снизу вверх так, что все мои монетки подпрыгнули на ладони и попадали в канаву.

И я так громко зарыдал, что сбежались все взрослые – папа, мама и бабушка.

И все они моментально нагнулись и стали разыскивать упавшие мои монетки.

И когда были собраны все монетки, кроме одной, бабушка сказала:

– Видите, как я правильно поступила, что не дала Лёльке ни одной монеты! Вот она какая завистливая особа: «Если, думает, не мне, так и не ему!» Где, кстати, эта злодейка в настоящий момент?

Чтобы избежать трепки, Лёля, оказывается, влезла на дерево и, сидя на дереве, дразнила меня и бабушку языком. Соседский мальчик Павлик хотел стрельнуть в Лёлю из рогатки, чтоб снять её с дерева. Но бабушка не позволила ему это сделать, потому что Лёля могла упасть и сломать себе ногу. Бабушка не пошла на эту крайность и даже хотела отобрать у мальчика его рогатку.

И тогда мальчик рассердился на нас всех, и на бабушку в том числе, и издал стрельнул в неё из рогатки.

Бабушка, ахнув, сказала:

– Как вам это нравится? Из-за этой злодейки меня из рогатки подбили. Нет, я не буду к вам больше приезжать, чтоб не иметь подобных историй. Лучше привозите мне моего славного мальчика Миню. И я всякий раз, в пику Лёльке, буду дарить ему подарки.

Папа сказал:

– Хорошо. Я так и сделаю. Но, только вы, мамаша, напрасно хвалите Миньку! Конечно, Лёля поступила нехорошо. Но и Минька тоже не из лучших мальчиков на свете. Лучший мальчик на свете тот, который отдал бы своей сестрёнке несколько монеток, видя, что у неё ничего нет. И этим он не довёл бы свою сестрёнку до злобы и зависти.

Сидя на своем дереве, Лёлька сказала:

– А лучшая бабушка на свете та, которая всем детям что-нибудь дарит, а не только Миньке, который по своей глупости или хитрости молчит и поэтому получает подарки и пирожные!

Бабушка не пожелала больше оставаться в саду. И все взрослые ушли пить чай на балкон.

Тогда я сказал Леле:

– Лёля, слезь с дерева! Я подарю тебе две монетки.

Лёля слезла с дерева, и я подарил ей две монетки. И в хорошем настроении пошёл на балкон и сказал взрослым:

– Всё-таки бабушка оказалась права. Я лучший мальчик на свете – я сейчас подарил Лёле две монетки.

Бабушка ахнула от восторга. И мама тоже ахнула. Но папа, нахмурившись, сказал:

– Нет, лучший мальчик на свете тот, который сделает что-то хорошее и после этим не будет хвастаться.

И тогда я побежал в сад, нашёл свою сестрёнку и дал ей ещё монетку. И ничего об этом не сказал взрослым. Итого у Лёльки стало три монеты, и четвертую монетку она нашла в траве, там, где она ударила меня по руке. И на все эти четыре монеты Лёлька купила мороженое. И она два часа его ела, наелась, и ещё у неё осталось. А к вечеру у неё заболел живот, и Лёлька целую неделю пролежала в кровати.

И вот, ребята, прошло с тех пор много лет. И до сих пор я отлично помню папины слова.

Нет, мне, может быть, не удалось стать очень хорошим. Это очень трудно. Но к этому, дети, я всегда стремился.

И то хорошо.

- 1. Постарайся кратко рассказать, что произошло с Лёлей и Минькой.
- 2. Почему Лёля совершала «вредные» поступки?
- 3. Зачем Минька совершал хорошие поступки?
- * 4. О чём автор говорит: «И до сих пор я отлично помню папины слова».

Чынгыз Айтматов

БЕЛЫЙ ПАРХОД

(Отрывок из повести¹)

...В тот год ему исполнилось семь лет, шёл восьмой...

Единственный мальчишка на все три двора, он всегда первым замечал автолавку.

– Едет! – кричал он, подбегая к дверям и окошкам. – Машина-магазин едет!

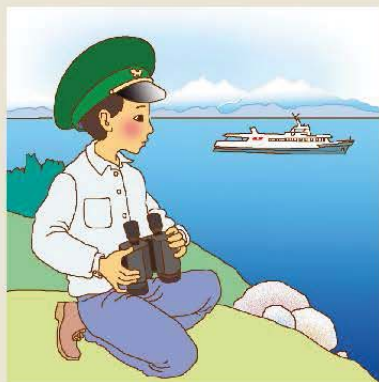
Колёсная дорога пробивалась сюда с побережья Ысык-Куля, всё время ущельем, берегом реки, всё время по камням и ухабам. Не очень просто было ездить по такой дороге. Дойдя до Караульной горы, она поднималась со дна теснины на откос и оттуда долго спускалась по крутому и голому склону ко дворам лесников. Караульная гора совсем рядом – летом почти каждый день мальчик бегал туда смотреть в бинокль на озеро. И там, на дороге, всегда всё видно как на ладони – и пеший, и конный, и, уж конечно, машина.

¹ В сокращении.

В тот раз – а это случилось жарким летом – мальчик купался в своей запруде и отсюда увидел, как запылила по откосу машина....

Так вот, завидел он тогда автолавку, она спускалась с горы, а за ней по дороге пыль клубилась следом. И так он обрадовался, точно знал, что будет ему куплен портфель. Он тотчас выскочил из воды, быстро натянул на тощие бёдра штаны и, сам мокрый ещё, посиневший – вода в реке холодная, – побежал по тропе ко двору, чтобы первым возвестить приезд автолавки.

Мальчик быстро бежал, перепрыгивая через кустики и обегая валуны, если не по силам было их перескочить, и нигде не задержался ни на секунду – ни возле высоких трав, ни возле камней,

хотя знал, что были они вовсе не простые. Они могли обидеться и даже подставить ножку. «Машина-магазин приехала. Я приду потом», – бросил он на ходу «Лежащему верблюду» – так он назвал рыжий горбатый гранит, по грудь ушедший в землю. Обычно мальчик не проходил мимо, не похлопав своего «Верблюда» по горбу. Хлопал он его похозяйски, как дед своего куцехвостого мерина – так, небрежно, походя; ты, мол, обожди,

а я отлучусь тут по делу. Был у него валун «Седло» – наполовину белый, наполовину чёрный, пегий камень с седловинкой, где можно было посидеть верхом, как на коне. Был ещё камень «Волк» – очень похожий на волка, бурый, с сединой, с мощным загривком и тяжёлым надлобьем. К нему он подбирался ползком и прицеливался. Но самый любимый камень – это «Танк», несокрушимая глыба у самой реки на подмытом берегу. Так и жди, кинется «Танк» с берега и пойдёт, и забурлит река, закипит белыми бурнами. Танки в кино ведь так и ходят: с берега в воду – и пошёл...

Мальчик редко видел фильмы и потому крепко запоминал виденное. Дед иногда возил внука в кино на совхозную племферму в соседнее урочище за горой. Потому и появился на берегу «Танк», готовый всегда ринуться через реку. Были ещё и другие – «вредные» или «добрые» камни, и даже «хитрые» и «глупые».

Среди растений тоже – «любимые», «смелые», «боязливые», «злые» и всякие другие. Колючий бодяк, например, – главный враг. Мальчик рубился с ним десятки раз на дню. Но конца этой войне не видно было – бодяк всё рос и умножался. А вот полевые выюнки, хотя они тоже сорные, – самые умные и весёлые цветы. Лучше всех встречают они утром солнце. Другие травы ничего не понимают – что утро, что вечер, им всё равно. А

вьюнки, только пригреют лучи, открывают глаза, смеются. Сначала один глаз, потом второй, и потом один за другим распускаются на вьюнках все закрутки цветов. Белые, светло-голубые, сиреневые, разные... И если сидеть возле них совсем тихо, то кажется, что они, проснувшись, неслышно шепчутся о чём-то. Муравьи – и те это знают. Утром они бегают по вьюнкам, жмурятся на солнышке и слушают, о чём говорят цветы между собой. Может быть, сны рассказывают?

Днём, обычно в полдень, мальчик любил забираться в заросли стеблистых ширалджинов. Ширалджины высокие, цветов на них нет, а пахучие, растут они островками, собираются кучей, не подпуская близко другие травы. Ширалджины – верные друзья. Особенно если обида какая-нибудь и хочется плакать, чтобы никто не видел, в ширалджинах лучше всего укрыться. Пахнут они, как сосновый лес на опушке. Горячо и тихо в ширалджинах. И главное – они не заслоняют неба. Надо лечь на спину и смотреть в небо. Сначала сквозь слёзы почти ничего не различить. А потом приплывут облака и будут выделять наверху всё, что ты задумаешь. Облака знают, что тебе не очень хорошо, что хочется тебе уйти куда-нибудь или улететь, чтобы никто тебя не нашёл и чтобы все потом вздыхали и ахали – исчез, мол, мальчишка, где мы теперь его найдём?..

И чтобы этого не случилось, чтобы ты никуда не исчезал, чтобы ты тихо лежал и любовался облаками, облака будут превращаться во всё, чего ты ни захочешь. Из одних и тех же облаков получаются самые различные штуки. Надо только уметь узнавать, что изображают облака.

А в ширалджинах тихо, и они не заслоняют небо. Вот такие они, ширалджины, пахнущие горячими соснами...

И ещё разные различия знал он о травах. К серебристым ковылям, что росли на пойменном лугу, он относился снисходительно. Они чудачки – ковыли! Ветреные головы. Их мягкие, шелковистые метёлки без ветра жить не могут. Только и ждут – куда дунет, туда они и клонятся. И кланяются все как один, весь луг, как по команде. А если дождь пойдёт или гроза начнётся, не знают ковыли, куда им приткнуться. Мечутся, падают, прижимаются к земле. Были бы ноги, убежали бы, наверное, куда глаза глядят... Но это они притворяются. Утихнет гроза, и снова легкомысленные ковыли на ветру – куда ветер, туда и они...

Один, без друзей, мальчишка жил в кругу тех нехитрых вещей, которые его обступали, и разве лишь автолавка могла заставить его позабыть обо всём и стремглав бежать к ней. Что уж там говорить, автолавка – это тебе не камни и не травы какие-то. Чего там только нет, в автолавке!

Когда мальчик добежал до дому, автолавка уже подъезжала ко двору, сзади домов. Мужчин в тот час никого не было, все разошлись ещё с утра.

Женщины занимались домашними делами. Но тут он пронзительно закричал, подбегая к раскрытым дверям:

– Приехала! Машина-магазин приехала!

Женщины всполошились. Кинулись искать припрятанные деньги. И выскочили, обгоняя одна другую. Бабка и та его похвалила:

– Вот он у нас какой глазастый!

Мальчик почувствовал себя польщённым, точно сам привёл автолавку. Он был счастлив оттого, что принёс им эту новость, оттого, что вместе с ними ринулся на задворье, оттого, что вместе с ними толкался у открытой дверцы автофургона. Но здесь женщины сразу забыли о нём. Им было не до него. Товары разные – глаза разбегались...

Сначала они хватали всё подряд, потом стали выбирать, потом возвращать отобранное. Откладывали, примеряли, спорили, сомневались, десятки раз спрашивали об одном и том же. Одно им не нравилось, другое было дорого, у третьего цвет не тот... Мальчик стоял в стороне. Ему стало скучно. Исчезло ожидание чего-то необыкновенного, исчезла та радость, которую он испытал, когда увидел на горе автолавку. Автолавка вдруг превратилась в обычную машину, набитую кучей разного хлама.

Продавец хмурился: не видно было, чтобы эти бабы собирались хоть что-нибудь купить. Зачем он ехал сюда, в такую даль, по горам?

Так оно и получилось. Женщины стали отступать, пыл их умерился, они как бы даже устали. Начали почему-то оправдываться – то ли друг перед другом, то ли перед продавцом. Бабка первая пожаловалась, что денег нет. А денег нет в руках – товар не возьмёшь. Тетка Бекей не решалась на крупную покупку без мужа.

Выручила молодая Гульджамал. Она принялась объяснять продавцу, что её Сейдахмат собирается скоро в город, в город деньги нужны будут, потому не может она раскошелиться.

Вот так они потолкались возле автолавки, купили товара «на грош», так сказал продавец, и разошлись по домам. Ну, разве это торговля! Продавец принялся собирать разворошённые товары, чтобы сесть за руль и уехать. Тут он заметил мальчишку.

– Ты чего, ушастый? – спросил он. У мальчишки были оттопыренные уши, тонкая шея и большая, круглая голова. – Купить хочешь? Так побыстрей, а то закрою. Деньги есть?

Продавец спрашивал так, просто от нечего делать, но мальчишка ответил уважительно:

– Нет, дядя, денег нет, – и помотал головой.

– А я думаю, есть, – с притворным недоверием протянул продавец. – Вы

ведь здесь все богачи, только прикидываетесь бедняками. А в кармане у тебя что, разве не деньги.

– Нет, дядя, – по-прежнему искренне и серьёзно ответил мальчик и вывернул драный карман. (Второй карман был наглухо зашит.)

– Значит, просыпались твои деньги. Поищи там, где бегал. Найдёшь.

Они помолчали.

– Ты чей будешь? – снова стал расспрашивать продавец. – Старика Момуна, что ли?

Мальчик кивнул в ответ.

– Внуком ему доводишься?

– Да, – мальчик опять кивнул.

– А мать где?

Мальчик ничего не сказал. Ему не хотелось об этом говорить.

– Совсем она не подаёт о себе вестей, твоя мать. Не знаешь сам, что ли?

– Не знаю.

– А отец? Тоже не знаешь?

Мальчик молчал.

– Что ж это ты, друг, ничего не знаешь? – шутливо попрекнул его продавец. – Ну, ладно, коли так. Держи, – он достал горсть конфет. – И будь здоров.

Мальчик застеснялся.

– Бери, бери. Не задерживай. Мне ехать пора. Мальчик положил конфеты в карман и собрался было бежать за машиной, чтобы проводить автолавку на дорогу. Он кликнул Балтека, страшно ленивого, лохматого пса. Балтеку дела не было ни до чего, – сытый спал, голодный вечно подлизывался к кому-нибудь, к своим и чужим без разбора, лишь бы кинули чего-нибудь. Вот такой он был, пёс Балтек. Но иной раз от скуки бегал за машинами. Правда, недалеко. Только разгонится, потом вдруг повернётся и потрусит домой. Ненадёжная собака. Но всё же бежать с собакой в сто раз лучше, чем без собаки. Какая ни есть – всё-таки собака...

Потихоньку, чтобы не увидел продавец, мальчик подбросил Балтеку одну конфетку. «Смотри, – предупредил он пса. – Долго будем бежать». Балтек повизгивал, хвостом повиливал – ждал ещё. Но мальчик не решился кинуть ещё конфету. Можно ведь обидеть человека, не для собаки же дал он целую пригоршню.

И тут как раз дед появился. Старик ездил на пасеку, а с пасеки не видно, что делается за домами. И вот получилось, что подоспел дед вовремя, ещё не уехала автолавка. Случай. Иначе не было бы у внука портфеля. Повезло в тот день мальчишке.

Старика Момуна, которого многомудрые люди прозвали Расторопным Момуном, знали все в округе, и он знал всех. Прозвище такое Момун заслужил неизменной приветливостью ко всем, кого он хоть мало-мальски знал, своей готовностью всегда что-то сделать для любого, любому услужить. И, однако, усердие его никем не ценилось, как не ценилось бы золото, если бы вдруг его стали раздавать бесплатно. Никто не относился к Момуну с тем уважением, каким пользуются люди его возраста. С ним обходились запросто. Случалось, на великих поминках какого-нибудь знатного старца из племени Бугу – а Момун был родом бугинец, очень гордился этим и не пропускал никогда поминок своих соплеменников – ему поручали резать скот, встречать почётных гостей и помогать им сходить с седла, подавать чай, а то и дрова колоть, воду носить.

Разве мало хлопот на больших поминках, где столько гостей с разных сторон? Всё, что ни поручали Момуну, делал он быстро и легко, и главное – не отлынивал, как другие. Аильные молодайки¹, которым надо было принять и накормить эту огромную орду гостей, глядя, как управлялся Момун с работой, говорили:

– Что бы мы делали, если бы не Расторопный Момун!

И получалось, что старик, приехавший со своим внуком издалека, оказывался в роли подручного джигита-самоварщика. Кто другой на месте Момуна лопнул бы от оскорбления. А Момуну хоть бы что!

Момун отвечал: «Покойный был моим братом. (Всех бугинцев он считал братьями. Но не в меньшей мере они приходились «братьями» и другим гостям.) Кто же должен работать на его поминках, если не я? На то мы, бугинцы, и в родстве от самой прародительницы нашей – Рогатой матери-оленихи. А она, пречудная мать-олениха, завещала нам дружбу И в жизни, и в памяти...»

Вот такой он был. Расторопный Момун!

Да и наружность Момуна была вовсе не аксакальская. Ни степенности, ни важности, ни суровости. Лицо его было улыбочное и морщинистое-морщинистое, а глаза вечно вопрошали: «Что тебе? Ты хочешь, чтобы я сделал для тебя что-то? Так я сейчас, ты мне только скажи, в чём твоя нужда».

Нос мягкий, утиный, будто совсем без хряща. Да и ростом небольшой, шустренький старичок, как подросток.

На что борода – и та не удалась. Посмешище одно. На голом подбородке две-три волосинки рыжеватые – вот и вся борода.

Одним можно было сильно обидеть Момуна: позабыть пригласить его на совет родственников по устройству чьих-либо поминок... Тут уж он крепко обижался и серьёзно переживал обиду, но не оттого, что обошли

¹ Молодайка – молодая женщина.

его, – на советах он всё равно ничего не решал, только присутствовал, – а оттого, что нарушалось исполнение древнего долга. Когда увидел Момун внука возле автолавки, сразу понял, что мальчик чем-то огорчён. Но поскольку продавец – приезжий человек, то вначале старик обратился к нему. Быстро соскочил с седла, протянул сразу обе руки продавцу.

– Ассалам-алейкум, большой купец! – сказал он полушутя-полусерьёзно. – В благополучии ли прибыл твой караван, удачно ли идет твоя торговля? – весь сияя, Момун тряс руку продавца. – Сколько воды утекло, как не виделись! Добро пожаловать!

Продавец, снисходительно посмеиваясь над его речью и неказистым видом – всё те же расхоженные кирзовые сапоги, холщовые штаны, сшитые старухой, потрепанный пиджачок, побуревшая от дождей и солнца войлочная шляпа, – отвечал Момуну:

– Караван в целости. Только вот получается – купец к вам, а вы от купца по лесам да по долам. И жёнам наказываете держать копейку, как душу перед смертью. Тут хоть завали товарами, не раскошелится никто.

– Не взыщи, дорогой, – смущённо извинялся Момун. – Знали бы, что приедешь, не разъезжались бы. А что денег нет, так ведь на нет и суда нет. Вот продадим осенью картошку...

– Купи вот шёлковое одеяло, швейная машинка осталась одна.

– Ей-богу, нет таких денег, – оправдывался Момун.

– Ну, возьми вельвета, штаны новые сошьёшь.

– Взял бы, клянусь Рогатой матерью-оленихой...

– Э-э, да что с тобой толковать! – махнул рукой продавец. – Зря приехал...

– Ну, коли так, не обессудь. Ради Бога, зайди, чаю попьёшь.

– Не за тем я приехал, – отказался продавец. Он стал закрывать дверцу фургона и тут-то и сказал, глянув на внука, который стоял подле старика уже наготове, держа за ухо собаку, чтобы бежать за машиной:

– Ну, купи хотя бы портфель. Мальчишке-то в школу пора, должно быть? Сколько ему?

Момун сразу ухватился за эту идею: хоть что-то он да купит у настырного автолавочника, и внуку действительно нужен портфель, нынешней осенью ему в школу.

– А верно ведь, – засуетился Момун, – я и не подумал. Как же, семь, восьмой уже. Иди-ка сюда, – позвал он внука.

Дед порылся в карманах, достал припрятанную пятёрку.

Давно она, наверно, была у него, слезалась уже.

– Держи, ушастый. – Продавец лукаво подмигнул мальчику и вручил ему портфель. – Теперь учишься. А не осилишь грамоту, останешься с дедом навек в горах.

– Осилит! Он у меня смыслённый, – отозвался Момун, пересчитывая сдачу.

Потом глянул на внука, неловко держащего новенький портфель, прижал его к себе.

– Вот и добро. Пойдёшь осенью в школу, – негромко сказал он. Твёрдая, увесистая ладонь деда мягко прикрыла голову мальчика.

И тот почувствовал, как вдруг сильно сдавило горло, и остро ощутил худобу деда, привычный запах его одежды. Сухим сеном и потом работающего человека пахло от него. Верный, надёжный, родной, быть может, единственный на свете человек,

который души в мальчике не чаял, был таким вот простецким, чудаковатым стариком, которого умники прозвали Расторопным Момуном... Ну и что же? Какой ни есть, а хорошо, что всё-таки есть свой дед.

Мальчик сам не подозревал, что радость его будет такой большой. До сих пор он не думал о школе. До сих пор он только видел детей, идущих в школу, – там, за горами, в ысык-кульских сёлах, куда они с дедом ездили на поминки знатных бугинских стариков. А с этой минуты мальчик не расставался с портфелем. Ликуюя и хвалясь, он обежал тотчас всех жителей кордона.

- ?
1. Где жил герой повести Ч. Айтматова?
 2. Как он проводил обычно своё время? В какие игры играл?
 3. Расскажи про дедушку Момуна. Как ты думаешь, мальчик любил дедушку? Найди в тексте слова, которые это показывают.

А знаешь ли ты?

- Чынгыз Айтматов был влюблён в литературу, с детства обожал читать. Он обожал сказки, его бабушка, папина мама, воспитывала в нём любовь к народному творчеству. Как и няня А. С. Пушкина, каждый день она рассказывала ему новые захватывающие истории, некоторые придумывала сама. Именно бабушка развивала у внука интерес к сочинительству.

- Чынгыз Айтматов писал и повести, и рассказы, и романы. Его творчество – настоящая история кыргызского народа. Эти произведения перевели на множество иностранных языков, и благодаря Айтматову в мире узнали о кыргызском народе, о Кыргызстане.

- * 4. Попробуй и ты рассказать в письме людям далёких стран о нашей природе, о нашем народе, о себе и своих близких. Такой рассказ можно разместить в Интернете или в школьной газете.

Марк Твен

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА

(Отрывок из повести¹)

Дойдя до бревенчатого школьного домика, стоявшего поодаль от других, Том вошёл туда шагом человека, который торопится изо всех сил. Он повесил шляпу на гвоздь и с деловитым видом бойко прошмыгнул на своё место. Учитель, восседавший на кафедре в большом плетёном кресле, дремал, убаюканный сонным гудением класса. Появление Тома разбудило его.

– Томас Сойер!

Том знал, что когда его имя произносят полностью, это предвещает какую-нибудь неприятность.

– Я здесь, сэр.

– Подойдите ближе. По обыкновению, вы опять опоздали? Почему?

Том хотел было соврать, чтобы избавиться от наказания, но тут увидел две длинные золотистые косы и спину, которую он узнал мгновенно благодаря притягательной силе любви. Единственное свободное место во всем классе было рядом с этой девочкой. Не задумываясь ни на миг, он сказал:

– Я остановился на минуту поговорить с Гекльберри Финном!

Учителя чуть не хватил удар, он растерянно взирал на Тома. Гудение в классе прекратилось. Ученики подумывали, уж не рехнулся ли этот отчаянный малый. Учитель переспросил:

– Вы... Что вы сделали?

– Остановился поговорить с Гекльберри Финном.

Никакой ошибки быть не могло.

– Томас Сойер, это самое поразительное признание, какое я только слышал. Одной линейки мало за такой проступок. Снимите вашу куртку.

Рука учителя трудилась до полного изнеможения, пока не изломались все прутья. После чего был отдан приказ:

– А теперь, сэр, ступайте и сядьте с девочками! Пусть это будет для вас уроком.

Смешок, волной промчавшийся по классу, казалось, смутил Тома; на самом же деле это было не смущение, а почтительная робость перед новым

¹ Перевод с английского Н. Дарузес.

божеством и страх, смешанный с радостью, которую сулила такая необыкновенная удача. Он сел на самый конец сосновой скамьи, а девочка, вздёргнув носик, отодвинулась от него подальше. Все кругом шептались, подталкивали друг друга и перемигивались; однако Том сидел смирно, положив руки перед собой на длинную низкую парту и, по-видимому, с головой уйдя в книгу.

Мало-помалу на него перестали смотреть, и привычное школьное жужжанье опять воцарилось в сонном воздухе. Том начал украдкой поглядывать на девочку. Она это заметила, презрительно поджала губы и на минуту даже повернулась к Тому спиной. Когда же она опять осторожно обернулась, перед ней очутился персик. Она его отодвинула. Том тихонько подвинул персик обратно. Она опять его оттолкнула, но уже не так враждебно. Том, не теряя терпения, положил персик на старое место. Она его не тронула. Том нацарапал на грифельной доске: «Пожалуйста, возьмите – у меня есть ещё». Девочка посмотрела на доску, но ничего не ответила. Тогда Том принялся рисовать что-то на доске, прикрывая своё произведение левой рукой. Сначала девочка не хотела ничего замечать, потом женское любопытство взяло верх, что можно было заметить по некоторым признакам. Том по-прежнему рисовал, как будто ничего не видя. Девочка попробовала исподтишка взглянуть на рисунок, но он ничем не показал, что замечает это. Наконец она сдалась и нерешительно шепнула:

– Можно мне посмотреть?

Том приоткрыл карикатурный домик с двумя коньками на крыше и трубой, из которой дым выходил штопором. Девочка так увлеклась рисованием Тома, что забыла обо всём на свете. После того как рисунок был окончен, она посмотрела на него с минуту и сказала:

– Как хорошо! А теперь нарисуйте человечка.

Художник изобразил перед домом человечка, похожего на подъёмный кран. Он мог бы перешагнуть через дом, но девочка судила не слишком строго – она осталась очень довольна этим страшилищем и прошептала:

– Какой красивый! А теперь нарисуйте меня.

Том нарисовал песочные часы, увенчанные полной луной, приделал к ним ручки и ножки в виде соломинок и вооружил растопыренные пальцы огромным веером. Девочка сказала:

– Ах, как хорошо! Жалко, что я не умею рисовать.

– Это легко, – прошептал Том, – я вас научу.

– Правда, научите? А когда?

– В большую перемену. Вы пойдёте домой обедать?

– Я могу остаться, если хотите.

– Вот это здорово! А как вас зовут?

– Бекки Тэтчер. А вас? Ах, я знаю: Томас Соьер.

– Это когда меня хотят выдрать. А если я хорошо себя веду – Том. Зовите меня Том, ладно?

– Ну что ж.

Том принялся царапать что-то на доске, закрывая написанное от Бекки. На этот раз она, не стесняясь, попросила показать, что это такое. Том ответил:

– Да так, ничего особенного.

– Нет, покажите.

– Да не стоит. Вам будет неинтересно.

– Нет, интересно. Покажите, пожалуйста.

– Вы про меня расскажете.

– Нет, не расскажу. Ну вот вам честное-пречестное, ну самое честное, что не расскажу.

– Никому-никому не скажете? Никогда, до самой смерти?

– Никому на свете. А теперь показывайте.

– Да вам же, право, неинтересно!

– Ну, если вы так со мной обращаетесь, то я сама посмотрю.

Она схватила своей маленькой ручкой руку Тома, последовала небольшая борьба, причём Том делал вид, будто сопротивляется, а сам мало-помалу отодвигал свою руку, пока не показались слова: «Я вас люблю!»

– Ах, какой вы противный! – И она проворно шлёпнула Тома по руке, но всё-таки покраснела, и вообще было видно, что она очень довольна.

В эту минуту мальчик почувствовал, как чья-то сильная рука медленно и неуклонно сжимает его ухо и тянет вверх и вперёд. Таким порядком его провели через весь класс и водворили на старое место под перекрёстным огнём хихиканья. После этого учитель простоял над ним несколько тягостных мгновений, наконец отошёл прочь, к своему трону, так и не сказав ни слова. И хотя ухо Тома горело, сердце его было полно ликования.

После того как в классе все утихло, Том сделал честную попытку учить уроки, но был для этого слишком взволнован. Когда дошла до него очередь читать вслух, он опозорился, потом, отвечая по географии, превращал озёра в горные хребты, хребты в реки и реки в материки, так что на земле снова водворился хаос; потом, когда писали диктант, он наделал ошибок в самых простых словах, известных всякому младенцу, оказался на последнем месте, и оловянная медаль за правописание, которую он носил всем напоказ несколько месяцев подряд, перешла к другому ученику.

1. Тебе понравился Том Сойер? Что ты узнал о нём?
2. Расскажи, как пытался мальчик привлечь внимание Бекки Тэтчер?
3. Придумай заголовок к этому отрывку из произведения Марка Твена.
4. С каким чувством пишет автор о Томе Сойере?

Аалы Токомбаев

НА ЗЕМЛЕ ПРЕДКОВ

По горам, где кочевали предки,
По местам, что с детства мне милы,
Мчусь как ветер,
На гнедом двухлетке
В синеву, где гнёзда вьют орлы.

Здесь, у диких круч, – порог Востока,
Рваных скал широкая гряда.
Чуть привстану –
И звезды высокой
Я коснусь рукою без труда.

На вершинах, неподвластных взору,
Дремлют тучи,
Держат ширь небес.
Скажешь слово – и подхватят горы
Голос твой и разнесут окрест.

Горы! Горы!
Вы всегда мне рады,
Всё знакомо здесь
И всё мне вновь.
Вы – моя опора и отрада¹,
И моя извечная любовь.

1. Найди в этом стихотворении олицетворения.

2. В каких строчках говорится о необычайной высоте кыргызских гор?

¹ Отрада – радость, утешение.

Токтосун Самудинов

ОТЧИЙ КРАЙ

Здесь кони предков проложили след,
Здесь ставил юрту у реки мой дед,
И по весне отец пшеницу сеял,
И в добрый час родился я на свет.

Здесь, среди долин и поднебесных скал,
Я цену верной дружбы постигал,
Здесь дух Манаса и его батыров
Я вместе с ветром родины впитал.

О, милый край, твоей любви тепло
Я нёс по жизни, побеждая зло.
В твоём высоком небе столько солнца,
Что от него в душе моей светло.

1. Как поэт выражает свою любовь к родной земле?
2. Найди рифмующиеся слова.
- * 3. Что необычного ты заметил в рифмах?

Токтосун Самудинов

Суусамыр

Здесь всё пленит
И всё волнует взор:
Полёт орла
И ширь степи былинной.
Зелёным чудом
Средь небесных гор
Простёрлась
Суусамырская долина.

Её простор
Измерить не дано

Ни скакуну,
Ни беркуту,
Ни ветру.
Шумит трава,

Высокою волной,
Встаёт вокруг
На сотни километров.

И в небесах
Такая синева,

И так белы
Снега на скальных кручах,
Что самые крылатые слова
Бледны пред этой
Красотой могучей.

И тишина...
Лишь слышно, как река
Рокочет вдалеке под крутояром.

И в сизой дымке,
Словно в облаках,

Бредёт к реке
На водопой отара.

И полон мир
Раздолья и тепла,

Так счастлив он,
Так радостен и светел,
Как будто нет
Ни горестей, ни зла
Уже давным-давно
На белом свете.

1. Как ты понимаешь строчки «Её простор измерить не дано ни скакуну, ни беркуту, ни ветру»?
2. Какие чувства испытывает поэт, глядя на родные горы и долины?

Субайылда Абдыкарова

ДОБРОТА

Длинная тропа на Суусамыр
красива и трудна,

По каменистым склонам гор
проложена она.

И серпантин¹ вьётся ввысь
 меж поднебесных скал,
И, уходя под облака,
 ведёт на перевал.

Суровы снежные хребты,
 и скалы их круты.

Дух перехватывает тут
 порой от высоты.

Душе, родившейся в горах,
 волненья не унять,

И Ала-Тоо, словно мать,
 спешит тебя обнять.

Всё ближе, ближе перевал
 и яркий небосвод –

Как будто сильных два крыла
 влекут меня вперёд.

И вот внизу, вдали – поля,
 ущелья под тобой,

И в сердце радость и любовь
 стучат наперебой...

И люди наши с давних пор
 под стать земле своей:

В них и суровость снежных гор,
 и доброта полей.

Живёт в них ненависть к врагам
 до самого конца,

А для друзей у них всегда
 распахнуты сердца.

1. О чём это стихотворение? Выбери один ответ.

а) О природе Суусамырской долины?

б) О любви поэта к родной природе?

в) О том, что кыргызский народ такой же добрый, как его земля?

Объясни свой выбор – найди строчки в тексте, которые до казывают, что ты прав.

2. А о чём стихотворение Т. Самудинова «Суусамыр»?

Станислав Князев

НА ДЖАЙЛОО

На джайлоо бродят кони,
Бродит в бурдюках кумыс,
А внизу, как на ладони,
Дым над трубами повис.
На краю небесных гор,
На кошке под звёздным небом

¹ Серпантин – лента, закрученная в виде спирали; дорога, поднимается в крутую гору всегда извиваясь, то есть, серпантином.

Пьём кумыс с горячим хлебом,
Начинаем разговор.

- 1. Почему поэт написал, что дым внизу? Разве так бывает? В каких случаях?
- 2. Как ты думаешь, о чём можно разговаривать «на кошме под звёздным небом»?

Сергей Фиксин

ЫСЫК-КУЛЬ

Наш Ысык-Куль зимой и летом
В любом свечении любим,
Но почему друзья-поэты
Его назвали голубым?
Как одиноко это слово!
Ведь он не только голубой,
Он тёмно-синий, бирюзовый
И жёлто-солнечно-рябой.
Он ветра вольного вольнее,
Он хорошеет, что ни год,
А полюби его сильнее,
Он новым цветом полыхнёт.

- 1. Какие цвета увидел поэт на Ысык-Куле?
- 2. Как надо смотреть на озеро, чтобы увидеть его разноцветным?

Вопросы и задания к разделу «Поэзия родного края»

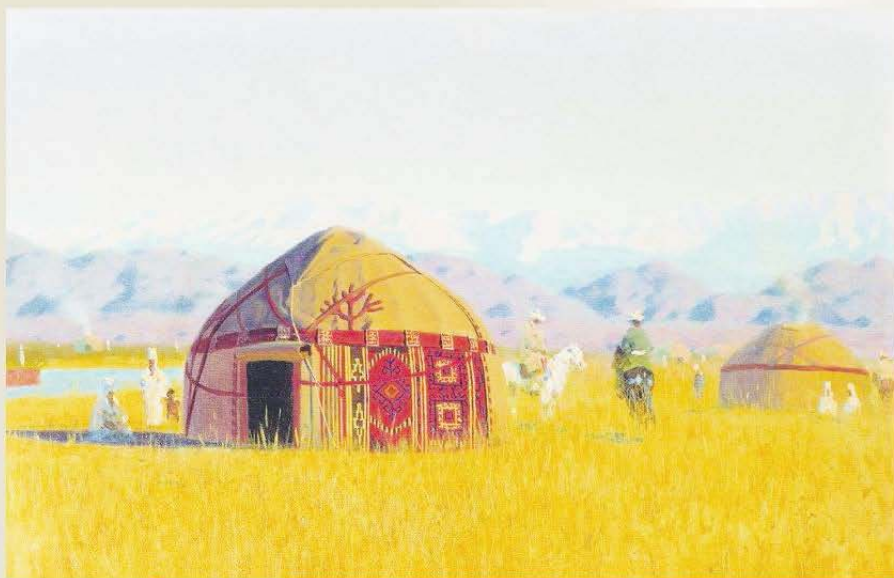
- 1. Назови имена и фамилии поэтов, чьи стихотворения ты прочитал в этом разделе? Что объединяет их?
- 2. Сравни два стихотворения про Суусамыр:
 - а) Т. Самудинов. «Суусамыр»
 - б) С. Абдыкарова. «Доброта»
 - 1. В каком стихотворении горные виды меняются, как будто поэт движется, поднимаясь всё выше?
 - 2. В каком стихотворении автор передаёт цвета и звуки Суса мы рекой долины?
 - 3. В каком стихотворении долина населена людьми?

3. Какое стихотворение из раздела «Поэзия родного края» тебе больше понравилось? Чем? Что отличает его от других стихотворений?
4. Найди самые красивые строки в этом стихотворении. Нарисуй к ним иллюстрацию. Постарайся точно, со всеми подробностями, изобразить слова поэта.
- ! 5. Подготовь выразительное чтение наизусть одного из стихотворений.
6. Рассмотрни внимательно картины из раздела «Наш музей». Что их объединяет?
7. Выбери любую картину. Расскажи, что ты на ней видишь. Не забудь подробно рассказать, что делают люди, изображённые на картине.

НАШ МУЗЕЙ

Т. Марченко. Кыргызские узоры

В. Верещагин. Киргизия. Юрты на берегу Чу

С. Чуйков. Утро

Основные понятия литературы

Басня – краткий нравоучительный рассказ или стихотворение с моралью. В басне действуют животные или природные явления, за которыми скрываются недостатки людей.

Былины – русские народные эпические сказания о богатырях.

Диалог – это разговор между двумя лицами, обмен репликами.

Идея – это главная мысль произведения литературы, те проблемы, о которых размышляют автор и читатель.

Литературная сказка – это сказка, придуманная или переработанная автором.

Легенда – это произведение, созданное на основе устного предания. Чаще всего в легенде объясняется происхождение разных явлений природы, названия населённых пунктов. В легенде рассказ о реальных людях и исторических событиях сочетается с элементами фантастики.

Мораль – это назидание, поучение.

Олицетворение – один из художественных приёмов в литературе, когда неодушевлённые предметы и явления природы наделяются человеческими чувствами и ведут себя, как люди.

Притча – иносказательный рассказ с поучением. В притчах действуют обычные люди, происходят обычные события, но в них обязательно заключена мудрость.

Рассказ – это небольшое художественное произведение, в котором изображается отдельное важное событие из жизни героя (человека или животного). В рассказе чаще всего – один главный герой, его прошлое и будущая жизнь подробно не описываются.

Рифма – созвучие слов. Рифмы обычно располагаются в конце стихотворных строк.

Сравнение – художественный приём, который позволяет в одном предмете увидеть признаки другого.

Тема – это то, о чём рассказывается в произведении, какие события происходят.

Фольклор – устное народное творчество, народное искусство слова.

Художественные приёмы (эпитеты, олицетворения, сравнения, противопоставления, есть и другие) делают произведения литературы яркими, образными, эмоциональными.

Цитата – это строчки, взятые из текста. Цитату выделяют кавычками.

Эпизод – часть произведения.

Эпитет – это определение, которое в художественном тексте даёт яркое представление о предмете, передаёт чувства автора. Эпитет – это слово-образ, слово-картинка, его нельзя заменить другими словами или вовсе убрать.

Памятка для описания картины

ЧТО? Тема картины	КАК? Художественные приёмы	ЗАЧЕМ? Идея, главная мысль, настроение произведения
1. Что изображено? 2. Что изображено на переднем плане? В центре? Справа? Слева? 3. Что изображено в глубине картины? 4. Какие фигуры самые крупные? (люди, предметы, растения, явления природы и т. д.)	1. Какие линии (плавные, волнистые, резкие...)? 2. Какие цвета (тусклые, яркие...)? 3. Какое освещение (светлое, мрачное...)? 4. Какие пятна (большие, маленькие и т. д.)?	1. Что хотел сказать художник? 2. Как он относится к тому, что нарисовал? 3. Какое настроение появляется, когда смотришь на эту картину? 4. Что тебе понравилось в этой картине?

Ключи

Стр. 21. 2. б); 3. б); 5. а)	Стр. 67. 2. б)
Стр. 38. 2. б)	Стр. 86. 5. а)
Стр. 39. 1. а) б) 1; в) 2, 3; г) 4; д) 5	Стр. 90. 1. а); 2. а)
2. а) 3; б) 5; в) 2	Стр. 110. 1. а) 1; б) 2; в) 3; г) 4
4. а) 4; б) 1; в) 6	Стр. 162. 2. а. 1); б. 3); в. 1)
5. в)	Стр. 182. 1. а) 2; б) 1; в) 1
Стр. 42. 3. а); 4. в)	2. б)
Стр. 43. 5. а) 3; б) 1; в) 2	4. а) б)
Стр. 48. 1. а) 1; б) 3; в) 2	Стр. 200. 2. а) 2; б) 1; 3
2. а); 3. б); 4. б)	
Стр. 52. 3. а) 2; б) 3; в) 1; г) 4	

СОДЕРЖАНИЕ

Сказания и легенды	3
Сказания о Манасе	3
1. Детские годы Манаса	3
2. Провозглашение Манаса ханом	8
Клятва верности Манасу	11
Илья Муромец и Соловей Разбойник	12
Бабаш-Ата	20
Джалал-Абад	20
Вопросы и задания к разделу «Сказания и легенды»	21
Сказки народов Кыргызстана	22
Сердечный огонь	22
Ах и ох! (Узбекская народная сказка)	28
Алдар Куса и купец. (Узбекская народная сказка)	30
Кошелёчек. (Украинская народная сказка)	30
Мудрый старик. (Татарская народная сказка)	34
Толь Се и медведь. (Корейская народная сказка)	36
Вопросы и задания к разделу «Сказки народов Кыргызстана»	39
Басни и притчи	40
Гаспаров М. Эзоп. Мудрец-раб	40
Басни Эзопа	41
Волк и собака	41
Свинья и львица	41
Осёл, который вёз соль	41
Галка и павлин	41
Зайцы и лягушки	42
Муравей и жук	42
Крылов И. Волк и Кот	43
Крылов И. Трудолюбивый медведь	44
Как бедняк подражал богачу (Восточная притча)	45
Толстой Л. Как мужик убрал камень	46
Борбугулов М. Река и ручейки	47
Вопросы и задания к разделу «Басни и притчи»	48
Поэзия осени	49
Пушкин А. Туча	49
Пушкин А. Унылая пора! очей очарованье!	49
Майков А. Осень	50
Майков А. Осенние листья	51

Бунин И. Листопад	51
Вопросы и задания к разделу «Поэзия осени»	52
Наш музей	52
Литературные сказки	54
Пушкин А. Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях	54
Гаршин В. Лягушка путешественница	63
Мамин-Сибиряк Д. Серая шейка	67
Айтматов Ч. Мать-олениха	75
Вопросы и задания к разделу «Литературные сказки»	85
Природа и мы	87
Меньшиков М. Лебединая песня	87
Касымбеков Т. В лесу	90
Пришвин М. Старый гриб	95
Паустовский К. Заячьи лапы	98
Паустовский К. Тёплый хлеб	102
Аксаков С. Снег	109
Вопросы и задания к разделу «Природа и мы»	110
Поэзия зимы	111
Пушкин А. Зимний вечер	111
Пушкин А. Няне	111
Пушкин А. Зимнее утро	112
Тютчев Ф. Чародейкою зимою	113
Некрасов Н. Не ветер бушует над бором	114
Вопросы и задания к разделу «Поэзия зимы»	114
В глуши лесов сосновых	114
Наш музей	115
Стихи и рассказы о животных	117
Есенин С. Лебёдушка	117
Некрасов Н. Дедушка Мазай и зайцы	119
Чехов А. Белолобый	122
Куприн А. Барбос и Жулька	126
Мураталиев М. Доверие	130
Фантастика и приключения	139
Распэ Э. Приключения барона Мюнхгаузена	139
Родари Д. Сказки по телефону	142
Шварц Е. Сказка о потерянном времени	148
Булычев К. Путешествие Алисы	155
Вопросы и задания к разделу «Фантастика и приключения»	162

Поэзия весны	163
Тютчев Ф. Весенняя гроза	163
Некрасов Н. Зелёный шум	163
Есенин С. С добрым утром!	164
Осмонов А. Берёза	164
Вопросы и задания к разделу «Поэзия весны»	165
Наш музей	165
Хорошие соседи, весёлые друзья!	167
Драгунский В. Что любит Мишка	167
Драгунский В. Главные реки	169
Носов Н. Шурик у бабушки	173
История в картинках «Прогулка»	177
Барто А. В театре	178
Барто А. Серёжа учит уроки	179
Барто А. Очки	180
Вопросы и задания к разделу «Хорошие соседи, весёлые друзья»	182
Классики отечественной и зарубежной литературы о детях	183
Зощенко М. Бабушкин подарок	183
Айтматов Ч. Белый пароход	185
Твен М. Приключения Тома Сойера	193
Поэзия родного края	196
Токомбаев А. На земле предков	196
Самудинов Т. Отчий край	197
Самудинов Т. Суусамыр	197
Абдыкарова С. Доброта	198
Князев С. На джайлоо	199
Фиксин С. Ысык-Куль	200
Вопросы и задания к разделу «Поэзия родного края»	200
Наш музей	201
Основные понятия литературы	203
Памятка для описания картины	204
Ключи	204

Учебное издание

**Озмитель Екатерина Евгеньевна,
Власова Инна Владимировна**

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Учебник для 4 класса начальной школы

Редактор *И. Скосырская*
Художник *Б. Жайчыбеков*
Корректор *И. Скосырская*
Техн. редактор *В. Крутякова*
Дизайнер *Д. Тимур*

Сдано в набор 14.09.2015 г. Подписано к печати 25.11.2015 г.
Формат 70x100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Calibri».
Объем 13,0 физ. п. л. Тираж 41 183. Заказ № 16

Издательство «Билим-компьютер»
г. Бишкек, ул. Горького 1/2, 701

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Принт Экспресс».
г. Бишкек, бул. Молодой Гвардии 74-39